

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Зиновьев, Г.—Ленинизм и диалектика.	3
Кауфман, Л.—Производительность труда и заработная плата в промышленности.	17
Богусевский, В.—К вопросу об относительном аграрном перенаселении.	30
Косыгин, Е.—К вопросу об обороноспособности СССР.	40
Китайгородский, П.—Французские колонии в огне восстаний.	51
Слепков, А.—Заметки читателя о литературных теоретиках.	58
От редакции.	66
Троцкий, Л.—По поводу книги Истмена «После смерти Ленина».	67
Крупская, Г. Н.—Письмо в редакцию «Sunday Worker».	71
ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.	
Ленин, В. И.—Письмо Потресову (с примечаниями).	74
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.	
Сапожников, П.—Новая победа диалектического материализма.	83
Голендо, М.—Плановое хозяйство № 1—7.	99
Вержбовский, Дм.—О «хозяйственной демократии».	108

№ 17—18

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18

№ 17—18

30 СЕНТЯБРЯ

1 7 2 5
М О Е К В А

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№

30 СЕНТЯБРЯ

17—18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Итоги пленума ЦК партии.

Только что закончившийся пленум ЦК проходил на пороге нового хозяйственного года. В связи с этим работа пленума приобретает особое значение.

Правда, перспективы этого года еще не развернулись в достаточной определенности. Но основной факт — хороший урожай зерновых и технических культур, обеспечивающий значительное продвижение вперед всему нашему хозяйству, — не подлежит теперь никакому сомнению. Несмотря на проходящие заморозки в ходе хлебозаготовок, несмотря на неволеванное обычно этому периоду движение цен на хлебобродукты, что в значительной степени обусловлено состоянием погоды, острым недостатком промтоваров и отсутствием в этом году палогового нажима, — несмотря на все эти явления, у нас нет оснований отказываться от тех расчетов на предстоящий год, которые нашли свое выражение в контрольных цифрах Госплана. Остаются в силе и экономические мероприятия, намеченные Госпланом в связи с контрольными цифрами.

Однако, мы не можем еще утверждать, что контрольные цифры Госплана оправдаются на все сто процентов. Будет ли это так, придется ли внести коррективы в сторону увеличения или уменьшения этих цифр, сказать определенно еще нельзя. Окончательно предположки наших расчетов на предстоящий год выяснятся, вероятно, к декабрю, к моменту парт'езда. Именно поэтому пленум ЦК не решился связывать партию какой-либо окончательной оценкой хозяйственной обстановки, решив предоставить это парт'езду и оставив на ближайший период в силе ту ориентировку, которая нашла свое выражение в контрольных цифрах.

Что касается ближайших задач, то общим мнением выступавших на пленуме товарищей было признание необходимости большего регулирования хлебозаготовительной кампании, борьбы с конкуренцией между хлебозаготовителями, приведения политики хлебозаготовок в соответствие с выявляющейся на ближайшие месяцы — два обстановкой. В выступлениях на пленуме подчеркнута, как одна из важнейших задач на предстоящий период, необходимость развертывания промышленности. Только путем увеличения промышленной продукции мы сможем изжить острую товарную

голода и стимулировать предложение хлеба со стороны крестьянства. Точно также подчеркнута особо ответственная роль, выпадающая на кооперацию. Кооперация в условиях теперешнего бестоварья, на основе генеральных договоров с промышленностью, должна явиться основным каналом для проведения промтоваров в деревню и притом по ценам, доступным для крестьянина и свободным от спекулятивных накидок, практикуемых частным капиталом при наблюдающемся соотношении спроса и предложения.

По мере нашего хозяйственного подъема с каждым годом все большее значение приобретает внешняя торговля. От развития внешней торговли зависит в возрастающей степени как дальнейший подъем сельского хозяйства, часть излишков которого может быть размещена лишь на заграничных рынках, так и развертывание промышленности, которая нуждается в импорте оборудования, сырья и вспомогательных материалов. В предстоящем году обороты по внешней торговле дадут, в результате хорошего урожая, особенно большой скачок вверх. Заслушав доклад ЦКК об организации внешней торговли, пленум признал, что монополия внешней торговли полностью оправдала себя и в дальнейшем должна оставаться одним из основных устоев советского государства. Вместе с тем пленум нашел необходимым, в связи с ростом и усложнением задач в области внешней торговли, придать больше гибкости и специализации аппарату, осуществляющему внешнюю торговлю, и установить более тесную связь между ним и внутренними хозяйственными организациями.

С ростом нашей промышленности и увеличением количества рабочих все более усиливается значение профсоюзов. Пленум ЦК отметил бесспорное укрепление профсоюзов, выражающееся как в росте числа членов, так и в развертывании ряда отраслей массовой работы (клубы, кассы взаимопомощи, физкультура и проч.), а также в улучшении профсоюзного аппарата. Однако, он констатировал, что теперь, с повышением культурного и экономического уровня масс, острее чем когда-либо, дают себя чувствовать не везде и не до конца изжитые в профсоюзах бюрократизм, «административный» и «хозяйственный» уклоны в их работе и, как следствие этого, недостаточно глубокая и всесторонняя связь профсоюзов с массами. Между тем, именно теперь, когда активность масс растет не только в городе, но и в деревне, когда мы ставим своей задачей развертывание советской демократии, профсоюзы должны вплотную подойти к осуществлению основного своего лозунга: «ближе к массам», стать действительными органами ра-

бочей демократии. Методам командования, администрирования, непосредственного вмешательства парторганизаций в текущую работу профсоюзов (вопросы об условиях труда, зарплате, коллективных договорах) необходимо объявить решительную борьбу. Партийное руководство профсоюзной работой надо сделать более гибким. Профсоюзы должны больше внимания уделять выполнению своей главной задачи: защите экономических интересов рабочей массы и работе над поднятием ее культурного уровня. Профсоюзы должны приложить больше усилий для развития активности и самостоятельности масс. Они должны сделать все для того, чтобы каждый беспартийный работник видел в профсоюзе свою организацию, ему подотчетную и им контролируемую. Только при этих условиях профсоюзы смогут выполнить свою роль «школы коммунизма». Таковы те задачи, которые ЦК партии ставит теперь в области профсоюзной работы.

Одним из важнейших вопросов для нашей партии является вопрос о повышении жизненного уровня рабочего класса. Естественно, что пленум ЦК, собравшийся в момент, когда мы можем предвидеть в ближайший период новое значительное продвижение вперед нашего хозяйства, остановился и на этом вопросе. Пленум признал, что увеличение продукции промышленности и сельского хозяйства дает возможность сделать дальнейший шаг в повышении заработной платы, разумеется, в меру наших хозяйственных возможностей и в соответствии с ростом производительности труда. Партия должна уделить особое внимание улучшению положения рабочих на транспорте, в тяжелой индустрии и в других отраслях, где зарплата находится на особенно низком уровне.

У нас почти не бывает партийных совещаний, пленумов и съездов, где бы не стоял, в той или другой форме, вопрос об отношении к крестьянству. Этим вопросом был занят и только что закончившийся пленум ЦК. Происходившая несколько месяцев назад XIV партконференция всесторонне рассмотрела вопрос о нашей политике в деревне в новых условиях, созданных нашим хозяйственным подъемом и укреплением социалистического ядра нашего хозяйства. XIV партконференция приняла ряд решений, обеспечивающих рост крестьянского хозяйства, укрепление союза пролетариата с середняком и наметяющих меры по поддержке и организации деревенской бедноты. Улучшение отношений между пролетариатом и крестьянством, рост доверия крестьян к советской власти и нашей партии, сличение во круг партии лучших элементов бедноты и середняков—все это свидетельствует о правильности линии, взятой XIV партконференцией, все это подтверждает, что партия стоит на верном пути и что она должна проводить эту линию и впредь.

Хороший урожай этого года, увеличение ресурсов в руках пролетарского государства, а на ряду с этим—рост дифференциации в деревне, отчасти в связи с хорошим урожаем, побудили ЦК сделать теперь ряд дальнейших практических шагов для проведения намеченной партией линии по отношению к бедноте. Именно в этом смысл принятой ЦК резолюции по докладу тов. Молотова. Ни в коей мере не упуская из виду основной своей задачи—укрепления союза пролетариата со средним крестьянством—партия намечает сейчас ряд практических мер для проведения решений XIII съезда относительно обеспечения для бедноты фактической возможности участия в кооперации и решений XIV партконференции о поддержке хозяйства бедноты путем предоставления ей доступного и дешевого кредита. С другой стороны, повышение активности всех слоев крестьянства, развертывание в деревне советской демократии побуждают партию уделить больше внимания укреплению общественной организации бедноты в кооперации, на выборах в сельсоветы, в комитетах взаимопомощи и проч. Росту активности кулаков, их попыткам создать единый фронт с середняками наши партийные организации должны противопоставить укрепление организаций бедноты и создание бедняцко-середняцкого блока против кулаков.

И вопрос о профсоюзах и вопрос об организации деревенской бедноты,—все это звенья в цепи развертывания советской демократии. Но одним из основных условий осуществления советской демократии является укрепление демократии внутрипартийной. Нельзя бороться с бюрократизмом, практикой пажима, командования и проч. в советах и профсоюзах, если бюрократические извращения не изжиты в партийной организации, которая руководит работой профсоюзов и советов. Именно поэтому пленум ЦК решил обратиться с особым обращением ко всем партийным организациям, призывая их строить вею свою работу на основе установленных партией начал внутрипартийной демократии. В духе этих принципов партийной демократии и ленинского идейного единства партии должна быть проведена и подготовка к предстоящему в декабре XIV партсъезду. Ему должна предшествовать тщательная проработка парторганизациями всех стоящих на нем вопросов и проведение выборов таким способом, который бы обеспечил на съезде наиболее точное и полное отражение мнений и настроений всей партии в целом.

А. Троицкий.

Зазорно ли большевику заниматься философией?

1.

Всякая серьезная политическая партия имеет перед собою три задачи. Первая из них сводится к тому, чтобы склонить на свою сторону сначала класс, представляемый ею, а затем и широко народные массы, показать и доказать им правильность своей программы и верность намечаемых путей осуществления ее. Вторая задача заключается в том, чтобы, опираясь на еочувствие широких народных масс, и в первую голову своего класса, выступить в нужный момент на завоевание политической власти и захватить эту власть в свои руки. А за этой задачей непосредственно встает, как завершение двух первых, задача фактического осуществления той политической программы, под знаменем которой партия собирала и вела на штурм народные массы. По другому выражаясь,—это задача организации управления страной, задача создания и упрочения нового общественного уклада в стране, признавшей данную партию выразительницей своих чаяний и надежд¹⁾.

Разумеется, нельзя представлять себе дело таким образом, что в жизни так оно и идет по этой схеме; сегодня мы убеждаем, ни мало не заботясь о восстании и управлении, завтра поднимаем восстание и успокаиваемся насчет убеждения, а после завтра приступаем к управлению, выбросив вон из головы всяческую заботу о первых двух задачах. Конечно, жизнь уж не столь больная поклонница теоретических схем и выкладок, чтоб выполнять их, как по нотам, не отступая ни на шаг. Само собой разумеется, что в жизни все три перечисленные выше задачи партии отнюдь не являются чем-то совершенно независимым и обособленным друг от друга: в жизни-то всегда бывает так, что каждая из них, так сказать, пабегает одна на другую, включается одна в другую, оставаясь всего лишь особым моментом, звеном единого процесса. Но в следовании этих звеньев есть известный порядок, при чем каждое из них, вытупая, выдвигает на первый план свои особенности, делает именно их злобой дня, затемняя все остальное. Нарушить этот порядок следования, не посчитаться с особенностями каждого звена этой цепи не может никакая партия, не подвергаясь опасности своего собственного краха. Это столь понятная вещь, что в особых доказательствах она едва ли нуждается. Кому, скажем, не понятно, что большевики должны были сначала Россию «убедить», затем они ее должны были «отвоевать», а теперь перед ними

¹⁾ Ср. Н. Ленин, «Очередные задачи советской власти», Собр. сочин. Т. XV, стр. 195.

задача — Россией «управлять». Весьма нетрудно сделать промашку в отношении определения момента, когда необходимость «убедить» переходит в настоятельную необходимость «отвоевать» — для этого определения нужен, как свидетельствует история, незаурядный ум, знание и опыт, — но очень трудно не понять, что прежде чем управлять, нужно спихнуть тех, кто это осуществлял раньше. Точно так же нетрудно освоиться с мыслью, что, раз большевики спихнули прежних управителей, то задача именно управления страной и должна быть определяющей их деятельность. Она должна давать основный тон всей работе.

Но если нетрудно сообразить, что именно задача управления является для нас коренной задачей момента, то не так просто усвоить себе особенности этой задачи, как таковой. Одно можно сказать, что задача управления — а управлять надо по-новому, по-иному, чем управляли раньше, управлять, не имея перед глазами образцов такого управления, — задача строительства, созидания по преимуществу. В этом величайшее значение и исторический смысл теперешнего этапа развития русского большевизма. Теперь большевик, этот вчерашний гений бунта и разрушения, покорный велениям всеиспытанной диалектики жизни, становится гением общественного строительства.

Вот почему и трудно в наши дни указать, какую бы то ни было область общественного строительства, куда бы большевик не приложил своих рук. На каком только поприще не подвизается он теперь, какой только работы не ведет он? Теперь для него нет общественно-ценного дела, которое могло бы остаться вне поля его внимания, теперь он все старается прибрать к своим рукам, стремясь повсюду закрепиться на «командных высотах». И это положение сохраняет полную силу как в отношении к тому, что именуют практикой, так и в отношении к тому, за чем закреплено название «теории». И эта область человеческой деятельности, область теории, отнюдь не является для большевика местом исторической свалки, предоставленной в распоряжение отживающих старьевщиков; наоборот, сюда все больше и больше направляется его внимание и здесь все реже и реже попадают теперь такие участки, где не маячила бы фигура большевика.

Но среди этих участков теории есть один, переступить между которого не скоро решается большевик, мучась сознанием, да нужно ли переступить-то ее? А не зазорно ли большевику быть на этом участке? Не является ли пропащим делом для строительства та работа, что ведется здесь? Или, по меньшей мере, не есть ли это пустая трата времени и сил, столь нужных по соседству? И не сказать, чтоб этот участок представлял собою мало изведанный уголок теоретической мысли, — наоборот, едва ли не всякий, кто не слишком поражен недугом Обломова, считает себя вполне надежным проводником по его заходистым. И нельзя сказать, чтоб это был участок утонченной экзотики, где диковинными вещами занимаются не менее диковинные люди. Наоборот, всякий, даже самый заправский, обыватель скажет, что здесь занимаются самыми обыкновенными вещами, занимаются тем, великим знатоком чего всякий считает себя от рождения, — скажет, как только прочтает на межевом столбе: «Философия». Почему же эта самая, можно сказать, популярная

представительница царства человеческой мысли приводит к замешательству людей далеко не из робкого десятка? Почему кругом на всякие лады — от визгливого фальцета до солидного баса — раздается: «Большевик, бойся философии!» Почему сыплются эти предупреждения?

Прежде чем переходить к изучению причин этого явления, необходимо будет ознакомиться с некоторыми из таких предупреждений относительно философии, чтобы выяснить, к чему сводится их суть. С этой целью я, не заходя далеко в историю, остановлюсь на двух попытках сделать такие предостережения большевикам, имевших место совсем недавно, на нашей памяти. Одна из них — первая по времени — принадлежит тов. Минину, вторая, следовавшая за ней, должна быть записана за тов. Степановым.

Собственно, я не совсем прав, называя выступление тов. Минина против философии простым «предупреждением». Разумеется, это нечто больше, чем только предупреждение. Ему уж очень не нравилась «паша (читай: «большевик»). А. Тр.) возня с какой-то философией марксизма». Его философия — тоже «никакой философии», — «философия не наше (большевистское. А. Тр.) дело», — потому у нас «буржуазная стихия», и вообще это — «опора буржуазии». Очень недовольный таким положением вещей, он, будучи окончательно выведен из равновесия тем обстоятельством, что Плеханов и Ленин «трубят об этой самой философии», решил, чтоб зло пресечь, покончить с философией раз и навсегда, спустив ее в пучину морскую. В анналах истории после этого стало значиться, что в лето 1922 апреля 26 дня, в 2 ч. 25 мин. пополудни тов. Мининым «без остатка вышвырнуто за борт философия»¹⁾. Очевидно, падение было столь значительно, что воды океана выступили из берегов и заняли часть прилегающей к нашему герою суши и — будем надеяться на время — окружили его мокрой, если так позволительно выразиться, стихией. Тем и закончился ратный подвиг нового Минина, спасавшего «мозговые форты» большевиков от «газовой атаки философии».

Что это выступление носило некую, так сказать, милитаристскую форму, это нужно отнести за счет духа времени: ведь мы тогда в лучшем случае только что кончали с периодом военного коммунизма, мудрено ли после этого, что и поход против философии велся по-военному. Но суть этого выступления ничем не отличалась от выступлений, имевших место раньше, точно так же, как и выступления, следовавшие за мининским, ни капельки не изменили этой сути. Философия — гиблое дело, дело не наше, чужое, а в лучшем случае дело свихнувшихся, не вполне нормальных большевиков. Для философии нет места в работе большевика, ему зазорно делать ее своим делом; нельзя быть большевиком и в то же время специалистом философии: философия — погубитель для большевика, — вот в чем смысл мининского состязания с философией.

Такой же смысл получило и выступление тов. Степанова, имеющее больше оснований считаться именно предупреждением относительно философии, особенно в его первоначальной форме.

¹⁾ Любопытствующему подробностями сего подвига надлежит заглянуть в «Под Знаменем Марксизма» за 1922 г.

Здесь нет особой бутафории, ни «мозговых фортов» ни философских газовых атак, но и здесь для философии не находится места, и здесь философия лишается права на существование. Философия—это пустопорожнее место и, разумеется, при такой оказии не мудрено «удивиться», когда видишь как на этом пустопорожнем месте толкуются люди, делая лишнее всякого смысла и оправдания дело.

Философии нет, это только разговоры вся эта философия самая; на самом деле то, что называется философией материализма «философским материализмом»—это не более, как современное естествознание, или метод этого естествознания, или, наконец, выводы того же самого естествознания. Тоз. Степанов так и пишет: «Философский материализм... по существу совпадает с современным естествознанием, с его последними выводами»¹⁾. Или еще: «Философский материализм, или, употребляя более ясное и прямое выражение... современное естествознание»..., «материалистическая философия для него (марксиста, большевика. А. Тр.)—последние и наиболее общие выводы современной науки»²⁾.

В другом месте говорится несколько иначе: «Выяснение общих соотношений между философским материализмом и историческим материализмом, или, что то же самое, между методами современных наук о природе (современного естествознания) и методами современных наук об обществе (современного обществознания, каковым его сделали работы Маркса—Энгельса)—вот основная задача нашей работы»³⁾.

Словом, так или иначе—будет ли философия современным естествознанием или она станет «окончательными» выводами из него, или, наконец, она будет методом естествознания,—все равно самой философии, как таковой, нет места. Ее нет, она фикция или, по меньшей мере, сипия птица, увлекаться которой извинительно малым ребятам, но никак не взрослым людям, членам серьезной политической партии.

Но все же почему это так? Почему нужны эти предупреждения и собственно в чем их сила? Ведь известно, дыму без огня не бывает, так где же тот очаг, что напустил не мало дыму вокруг вопроса о философии в системе материалистического мировоззрения? На чем же основаны все эти страхи и неприязнь к философии?

II.

Говорят, что все в нашем мире обусловлено, все имеет свою, хоть малюсенькую, причину. Само собой разумеется, что и интересующее нас в данный момент явление не составляет исключения, и причина, порождающая его, может быть при желании найдена. Да, собственно, здесь и поисков долгих производить нет надобности: причина страхов перед философией и неприязни к ней давно отгадана. На нее указывал Плеханов, например.

¹⁾ Предисловие к книге Гортера, изд. 1924 г., стр. 5.

²⁾ Там же, «Послесловие», стр. 151—152. То же—см. «Исторический материализм и современное естествознание», стр. 56—57. Ср. также стр. 23.

³⁾ «Исторический материализм и современное естествознание». М. 1924 стр. 60.

В одном из номеров своего «Дневника Социал-Демократа» (за 1910 г., если мне не изменяет память) он жаловался на то, что у нас среди марксистов очень трудно встретить людей, которые изучали бы философию так, как следует, т. е. путем работы над философами-материалистами. У нас, писал он, с жаром па-брасываются на какую-нибудь фантифлюшистую новинку любого буржуазного философа и со спокойной совестью заставляют лежать на пыльных книжных складах Энгельса. И это, как нельзя более, верно. У нас над философской литературой систематически не работают, и буде, ежели такая работа и поведется, то этому начнут удивляться даже солидные люди, начнут весьма недвусмысленно толковать о малости рехнувшихся людях, начнут делать открытия новых сортов мандарин, выращиваемых в Москве. Но вместе с тем у нас почтут за вполне нормальное, когда люди будут глотать одну за другой без всякого разбора модные новинки философского базара. Разумеется, в результате этого, наши модницы и прекрасного и иного пола, паглотавшись этих случайно попадающихся им новинок, начинают испытывать некое «метафизическое смятение», на манер Анатоля Франса, впадавшего, по его словам, в такое состояние после не совсем скромных ужинов. Для остроумного эпикурейца наших дней мир казался в такие минуты «жалкой иллюзией». Конечно, ничем иным не может представиться он и нашим гурмапам, падким до философских новшеств. Как выкарабкивался из столь неприятного положения остроумный Франс, мне не известно, но для выхода из пренеприятной истории нашим сородичам ничего не остается иного, как самое философию объявить «жалкой иллюзией» да звывать вслед за Ньютоном к физике: «Физика, спаси нас от метафизики!»

Конечно, нет ничего плохого в том, что люди отказываются от неправильных философских теорий, раскланиваются с ними не совсем почтительно, точно так же, как не почтено зазорного и в том, что выражается уважение к естествознанию. Но то не гоже, что при этом не удерживаются от новых ошибок, бросааясь из огня в полымя. Разумеется, весьма похвально отказаться от идеалистических бредней и назвать их собственным именем, но нельзя модные формы идеализма отождествлять с современным материализмом и, ополчаясь против первого, переходить на истребительную войну против второго. Понятно, нужно цепить естествознание и считаться с ним, но нельзя верить на слово естествознанию и возводить его в сан апостола, владеющего ключами от рая истины. Вот почему нашим товарищам, оказывающимся в столь неудоперносимом состоянии, как философское несварение, можно посочувствовать по человечеству—как известно, некоторая мрачность духа неизбежна при расстройстве одного из наших органов—по поддаваться их несколько ненавистническому настроению ни в какой мере не позволительно.

Но позвольте, возражает мне получивший предупреждение, а позволительно ли забывать тот факт, что ведь не кто иной, как Энгельс, не страдавший указанным выше недугом, сделал то же самое: ведь это он стащил философию в покойничью... Да, такой факт, как случай с Энгельсом, забывать не следует,—отвечаю я, а поэтому и перейдем к его рассмотрению.

III.

Известно, что в силу установившегося разделения труда между Марксом и Энгельсом, первый сосредоточил все свое внимание на разработке вопросов политической экономии, правда, не забывая естествознания и философии до самых последних своих дней, второй, хотя и шел нога в ногу в области экономических вопросов с своим гениальным другом, все же больше работал в области философии и естествознания. Поэтому при разборе вопроса о месте, роли и значении философии в коммунистическом мировоззрении, конечно, невозможно обойтись без разбора взглядов Энгельса по данному вопросу. А с другой стороны, для известных условий, как, скажем, для данной статьи, в силу тех же обстоятельств, разбором именно взглядов Энгельса и можно ограничиться. Тем более, что с выходом в свет II книги рязановского «Архива», мы располагаем исчерпывающим материалом для решения круга вопросов, связанных с философией.

Итак, засядем за Энгельса. С именем последнего обычно связываются все разговоры о «похоропах» философии, об ее конце, об изгнании ее из Эдема коммунистического мировоззрения. И это делается отнюдь не без видимого основания: не кто иной, как Энгельс, говорил о «покойной пыне (70-е годы. А. Тр.) философии», именно он заявлял, что «вместе с Гегелем оканчивается и философия», и он же указывал, что учение, одним из авторов и борцов коего он являлся, наносит «смертельный удар философии» в последней области, где она дольше всего задержалась. Словом, как будто налицо все данные, чтобы записать Энгельса в чин могильщика философии. Но не станем торопиться в своих выводах: торопливость вовсе не принадлежит к тем качествам, которые уж очень желательны для работы. Запасемся терпением и выслушаем еще Энгельса: всякий может рассчитывать, что, кроме выигрыша, ничего другого он от этого не получит, ибо лишний час общения с таким могучим умом, как Энгельс, не может не сказаться самым благоприятным образом. Вот что еще находим у него.

Он наблюдает, как по Германии разливается волна так называемого вульгарного материализма: он знает цепу представителям этого последнего, он не ждет от них ничего особо путного: теория—герой, но не из их романа, и он не прочь бы пройти мимо них, оставить их в покое. Тем более, что они «все же занимались не плохим, хотя и скромным делом, делом распространения среди немцев философии (подчеркнуто мною. А. Тр.) атенума и т. д.»¹⁾. И все-таки он не может пройти молча мимо них, ему приходится обратить на них свое внимание и сделать это его вынуждает, между прочим, их, Бюхнера, Моленотта и К^о, «брань по адресу философии» (подчеркнуто мною. А. Тр.), которая (философия, а не брань) в глазах Энгельса, несмотря ни на что, является гордостью Германии²⁾.

Итак, дело распространения философии при всей своей скромности отнюдь не является плохим делом. А брань по адресу философии не может быть не встречена отпором,—так

¹⁾ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», по ред. Д. Рязанова, ГИЗ. Ки. II, стр. 5.

²⁾ Там же, стр. 5.

думает Энгельс. При оценке этого, немаловажного для нас в данный момент, факта не нужно упускать из виду, что высказывания Энгельса о философии, приведенные мною несколько раньше, и высказывания, приведенные только что, относятся по времени к одному и тому же периоду. Это не мешает отметить, дабы исключить возможность кривоколка, что-де Энгельс одного периода говорил одно, а в другой период другое.

Однако, вернемся снова к нашему автору и выслушаем его еще. Он занят естествоиспытателями. Он высокого мнения о них, как представителях их специальных дисциплин, но он знает их беспомощность в области теоретического мышления. А это большой недостаток, с его точки зрения: подняться до подлинной науки невозможно без теоретического мышления, здесь «волзучий эмпиризм» будет недостаточен¹⁾. Благодаря ему, этому недостатку естествоиспытателей по части теоретического мышления, последние скатываются к мистицизму, поповщине и прочей чертовщине. Благодаря ему же естествоиспытатели замедляют темп развития своей науки, добровольно подставляют свою спину под толчки, идущие оттуда, где на теорию смотрят иначе²⁾. И Энгельс с отеческой наставительностью рекомендует естествоиспытателям быть менее беззаботными по части теории, воспитывая в себе способность к теоретическому мышлению. Предусмотрительно он рекомендует им и средство для этого: естествоиспытатели, по его мнению, должны засесть за изучение истории философии, особенно налегая на греков да на Гегеля.

Как видит читатель, Энгельс не только не изумляется факту изучения истории философии, как это делают иные пыне, но считает это делом ценным и необходимым. И это отнюдь не обмолвка у Энгельса: для него теоретическое мышление всегда было связано с философией, степень развития первого всегда определялась им высотой достижений второй. Так, упадок классической немецкой философии в среде интеллигенции знаменовал для него и иссякание в ее среде «великого теоретического интереса», «духа ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования». А с другой стороны, с его точки зрения рабочий класс Германии, куда переселился этот «дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования», в силу этого же и благодаря этому, стал законным «наследником классической немецкой философии»³⁾. Отсюда с неизбежностью следует, что вся та высокая оценка, которую Энгельс давал теории, должна быть отнесена и на счет философии. Да и как может быть иначе, когда для него та область, которую он называет теорией, есть та самая область, что раньше именовалась философией!⁴⁾.

¹⁾ Ср.: «нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления...» «Архив», II, 127 стр.

²⁾ Ср. очень выразительные замечания Энгельса насчет взаимоотношения философов и естествоиспытателей на стр. 7, 21, 37, 191, и др. «Архива» К ним я еще вернусь в свое время.

³⁾ Э. Энгельс, «Людвиг Фейербах», стр. 355—356, VIII т. Собр. сочин. Плеханова.

⁴⁾ Ср.: «в области теории, в области того, что называлось до сих пор философией» (разрядка моя. А. Тр.). «Архив», II, стр. 125.

И опять здесь всеобъясняющее и трудно объяснимое время не при чем: все это Энгельс говорил одновременно с тем, как произносил свои суровые приговоры философии.

Но тогда встает вопрос, как же понять Энгельса в данном случае? Когда же он прав, тогда ли, когда отпевает философию и отказывает ей в праве на место в живой жизни, или тогда, когда он воспекает ее жизненность и отводит далеко не последнее место, если не на пиру, то во всяком случае в бою жизни? Ответ на этот вопрос может быть лишь один: прав он и в том и в другом случае, ибо для него есть философия и философия. Он знает философию, одрахлевшую старушонку, для которой остается последний единственно разумный шаг — шаг на кладбище истории, и знает другую философию, полную сил и огня молодичу, уверенно отвечающую свои далеко не из легких удары недругам. Конечно, для первой нет места в жизни, и игра с ней не стоит свеч. Заниматься ею можно только в том смысле, в каком занимался Энгельс, когда со всем присущим ему знанием дела и тактом проводил отцветшую красавицу в место успокоения. Дважды такие дела не делаются: известно, что с кладбища его обитатели не возвращаются, да к тому же трудно было бы и Энгельса повторить. А вот что касается другой философии, то тут и вопрос совсем другой. Можно ли говорить об этой другой философии? Прав ли я, так толкуя энгельсово отношение к философии?

Памятуя, что для большевика верить на слово — качество запретное, да и не чувствуя вовсе надобности в таком для себя одолжении, я возвращусь сызнова к самому Энгельсу и попытаюсь у него извлечь «документики» в свое оправдание.

IV.

Вопрос, до которого я по мере своих сил старался довести читателя, вопрос об отношении Энгельса к философии, есть прежде всего вопрос о так называемом «снятии» («отмене» то ж) философии в марксизме. Самое обычное дело услышать, особенно в тех кругах, где чтут, а также и там, где чествуют философию, что марксизм «снял» (или «отменил») философию. В тех кругах, где философию чествуют изрядно, это немецкое «снятие» переводится по-русски несколько, так сказать, вольным переводом: смысл приобретает в роде того, что «сняли голову», «угробили». Не чувствуя за собою нужных сил для филологической критики этого перевода, я позволю себе оспаривать его со стороны смысла энгельсова предприятия, в целях чего и начну дело с изложения истории этого самого предприятия.

Известно, что Энгельс дважды разбирал этот вопрос: один раз в конце 70-х г.г. в своем «Анти-Дюринге», второй раз в конце 80-х г.г. в своем «Людвиге Фейербахе»¹⁾. Первый раз это было в связи с философией Евгения Дюринга, второй раз в связи с философией Гегеля. Хотя я взял на себя обязательство изложить историю дела, но должен сейчас же отступить от традиций исторических и начать не с начала, как это быва-
ет

¹⁾ Меня не нужно понимать так, что за исключением этих двух раз Энгельс никогда раньше не подходил и никогда позже не возвращался к этой теме. Смысл моего утверждения сводится лишь к тому, что эти два выступления наиболее ярки и характерны.

в историях, а с конца, т.-е. я начну не от Дюринга, а от Гегеля.

Сделать так целесообразнее в том отношении, что возражения Энгельса против системы Гегеля приложимы к любой системе, тогда как оценка дюринговой системы определяется некоторыми, исключительно ей присущими, особенностями и не может быть распространена на другие системы.

Философия Гегеля, о которой ведет речь Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе», принадлежит к так называемой старой философии. Отличительной чертой этой старой философии — «философии в старом смысле слова», как выражается Энгельс, — является ее уверенность, будто она владеет знанием буквально всего, что есть в мире, что она может всему дать объяснение, будто она в состоянии заморить все противоречия жизни и в состоянии связать всю пеструю смесь явлений мира в единую цепь, где все расположится в строго определенном порядке — так, как располагаются мысли в системе целостного рассуждения. Будучи уверена, что она располагает путями познания, неизвестными для науки, эта философия брала себе на откуп истину, даруя ее человечеству в виде своих систем. Эти системы, по ее мнению, должны были быть чем-то вроде кодекса жизни, без справки с которым жизнь не могла ступить и шагу. Законодательница жизни, она, естественно, претендовала на царственную порфиру и скипетр повелителя, она пыталась быть царицей в вольной республике человеческой мысли, она хотела быть паукой наук. Она не знала границ своей власти, она все подчиняла себе и была бессильна навести порядок в царстве своих собственных систем: здесь шли перманентные перевороты.

Но трагедия этого противоречия была для того времени трагедией человеческой мысли. Разбуженная жаждой истины, жаждой знания, мысль еще не знала, что последнее приходит только через действие, дается только практикой, и забираясь в высь своих чарующих красотой форм, абстракций, она забывала захватывать с собой орудие этой практики — руки, благодаря чему кладка теории не цементировалась опытом, и возводимое здание истины рушилось при первой передержке, правда, оставляя в груде развалин нужные кирпичи для будущего строительства. Не терпящая противоречий мысль искала спасения от них в философской системе, созданной исключительно из материалов ее производства, но тем самым лишь воспроизводила противоречие, расширив его сферу: если раньше она имела дело с противоречиями отдельных явлений, то в системе она получала противоречие, раздражающее само целое. Бессильная покончить с ним своими собственными силами, мысль, исчерпав все возможности, должна была сдаться на волю победителя, признав противоречие основным фактом самой жизни. Но сделав этот шаг, она не могла остановиться только на нем; она должна была признать и несущность самой философской системы. Если до этого последняя была выражением титанических усилий мысли решить задачу, невозможность которой еще не была ясна, то теперь, после того, как невозможность этой задачи была доказана, философская система была бы не чем иным, как выражением провинциальной заскорузлости самой мысли. Если до сих пор в этих системах была необхо-

димость, а постольку и разумность, то теперь разум от них улетел далеко-далеко.

С этой философией-системой, всеобъемлющей, всепроникающей, все противоречия примиряющей, и покончил Энгельс, а правильное сказать—диалектический материализм. Эту, стоящую над прочими науками философию и отменял он. Последней вспышкой ее блеска и величия была система Гегеля, вот почему Гегель и является для Энгельса рубежом, где останавливается история этой философии, «философии в старом смысле слова». В этом смысле он и говорит: «С Гегелем вообще заканчивается философия, с одной стороны—потому, что его система (разрядка моя. А. Тр.) представляет собою величайший итог всего предыдущего развития, а с другой—потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем (разрядка моя. А. Тр.) к действительному и положительному познанию мира»¹⁾. Продолжать носле Гегеля путь старой философии невозможно: нить Ариадны, найденная, но не исползованная великим идеалистом, ведет совсем в другую сторону.

И, на самом деле, то, что начиналось за этим рубежом, было уже иным: действительным, разумным продолжением того пути, последним этапом которого является Гегель, была уже философия в новом смысле слова, философия-наука; а то, что сделали неразумные продолжатели этой старой философии, было близко ей лишь в том смысле и в той степени, как близок базарный лубок к созданию подлинного искусства.

Получив эту нить, выводящую из «лабиринта систем», признав, что противоречие основной факт жизни, мы, естественно, не будем адресоваться к философии с требованием устранить это противоречие. Но раз мы поняли, что «требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в его поступательном развитии, раз мы поняли это, философии в старом смысле слова (разрядка моя. А. Тр.) приходит конец»²⁾. Итак, опять речь идет о старой философии, философии систем.

Но надобность систем отпадает и с другого конца; как ни скромны успехи науки, но постепенно накапливаемое ею знанию начинает обеспечивать возможность обходиться без помощи философии при установлении связи явлений, при выработке общей картины мира. И если раньше при выработке подобного «изображения природы как целого» еще была нужна в так пазываемой «философии природы», которая «заменила еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами»... то теперь, когда все это изучено, когда место фантастики заступили реальные факты, само собой разумеется, философия природы «погребена навски». Для оправдания ее существования оснований никаких нет, возвращение к ней не только излишне, но и было бы движением вспять³⁾.

¹⁾ Энгельс, «Людвиг Фейербах». Цитирую по VIII т. с. соч. Плеханова, стр. 320.

²⁾ Там же, стр. 320.

³⁾ Там же, стр. 344.

Но ведь роль «философии природы» в области явлений общественных выполняли другие представительницы старой философии—философия права, философия истории и т. д. Их обязанность тоже сводилась к тому, чтобы пополнять провалы действительного знания измышлениями философов. Стало быть, здесь в отношении старой философии стояла та же задача, что и в области природы: здесь также нужно было «устранить вымышленную искусственную связь явлений посредством указания их истинной связи»¹⁾. И когда на сцене появились исторические взгляды Маркса—Энгельса, тогда пробил смертный час старой философии и в области истории, где она отсиживалась до этого момента.

Освободив, таким образом, философию от хлопот с историей, Маркс и Энгельс тем самым сделали то, чего не суждено было сделать Фейербаху: они «перешагнули за пределы философии, выдававшей себя за пекую науку, парящую над всеми отраслями знания и связывающую их воедино»²⁾ (разрядка моя. А. Тр.). Сделав этот шаг, они очутились в области философии-науки, существование которой возможно постольку, поскольку на ее долю остается область исследования, не имеющая других претендентов, иначе говоря, поскольку за ней остается самостоятельный объект исследования. Этот смысл и заключен в словах Энгельса: «За философией, изгнанной из природы и истории, остается, поскольку остается (если исключить природу и историю. А. Тр.) лишь область чистой мысли: учение о законах процесса мышления, логики и диалектики»³⁾.

Таков итог «снятия» философии, как он дан в «Людвиге Фейербахе»: «философия в старом смысле слова», философия всеобъемлющих и всеобъясняющих систем сделана достойным истории, ее место в жизни заняла философия, как одна из специальных наук.

Теперь перейду к разбору того же вопроса, в той постановке, какую он получил в Анти-Дюринге.

И здесь речь идет о той же философии систем, с той только разницей, что здесь часто имеются в виду не системы исполпов мысли, системы, представляющие собою «величайший итог» всего предшествующего развития, а системы пигмеев, корчащих из себя великанов, системы—представительницы упадка и разложения старой философии. Этим и определяется различие тона критики, но суть ее остается той же самой. Критика заострена именно в пункте критики систем, и по вполне понятным причинам: оправдания существования философии систем больше уже нет, она заслуживает лишь насмешки.

История здесь, как и везде, проделывает ехидное повторение: если в философии классиков мы имеем трагедию человеческой мысли, то с философией Дюрингов мы вступаем в область комического. Чтобы убедиться в этом, достаточно прислушаться к характеристике этой философии, даваемой самым ее творцом. Эта философия, по словам ее автора—Дюринга, «не признает

¹⁾ Ср. Энгельс, «Л. Ф.», по Плеханову т. VIII, стр. 344—345.

²⁾ Там же, стр. 340.

³⁾ Там же, стр. 355.

никакого видимого лишь горизонта, но развертывает в своем могучем революционизирующем движении все земли и все небеса внешней и внутренней природы». Она — «нечто абсолютно фундаментальное», «система конечных истин в последней инстанции», «ясная и до последних корней проникающая теория»¹⁾. И этот «системотворящий» Дюринг со своей до последних корней проникающей философией вовсе не представлял единичного явления тогдашней Германии. Наоборот, утверждает Энгельс: «с некоторых пор системы космогонии и вообще философий природы, политики, экономики и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный фактор философии, даже студент вырабатывает целую «систему»²⁾. И понимая опасность, а вместе и легкость, сбиться на это философское бездорожье, забрести в тупик философского развития, Энгельс своей критикой направляет мысль, так сказать, по большаку философии, указывая, в каком направлении пошел этот большак дальше от того рубежа, где кончается «философия в старом смысле слова».

И здесь, в «Анти-Дюринге», Энгельсом приводятся те же возражения, что он впоследствии приволил в связи с критикой философии Гегеля, с которыми я уже успел ознакомить читателя. И вывод, к которому он приходит здесь, он повторит в своем «Людвиге Фейербахе». Этот вывод здесь — в «Анти-Дюринге» — как и там — в «Людвиге Фейербахе» — гласит, что человеческая мысль, обрета в философии Гегеля Ариаднину нить диалектики, вместе с этим теряет всякую нужду в философии типа гегелевской. Она «не нуждается больше ни в какой, стоящей над прочими науками (подчеркнул я. А. Тр.) философии: от всей прежней философии остается тогда, в качестве самостоятельной науки, (разрядка моя. А. Тр.) только учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все прочее входит в состав положительной науки о природе и истории»³⁾.

Таким образом, ответ на вопрос о «снятии» философии в коммунистическом мировоззрении — в мировоззрении современного материализма то же — будет звучать, если его давать по Энгельсу, несколько иначе, чем он звучит в русском переводе некоторых большевиков. У философии снята, оказывается, не голова, а не идущая к стилю нашего времени корона; философии не отказано в праве находиться среди составных частей коммунистического мировоззрения, а отказано в праве замещать собою это мировоззрение; философия совсем не лишена значения в жизни, но урезана в своей притязательности на исключительное значение в ней. Одним словом, философия переделана, преобразована в соответствии с духом нового этапа человеческой истории, — а это и выражается гегелевским понятием «снятия» («отмены»), если последнее брать применительно к явлениям истории. Философия — царица наук, философия — наука наук умерла, — и нет силы, которая смогла бы вернуть ей жизнеспособность. «Не цвести цветам поздней осенью», а солнце жизни теперь светит не ей. Незнающее жалости время вынесло ей свой при-

говор, и только там, где уже не слышат хода этого времени, где оно уже давно остановилось: на задворках истории, среди отживающих их классов нашего общества возможно появление безжизненных, жалких последней этой философии. Философия нашего времени, наша философия — одна из наук, и вопрос о ее возможности, значении и т. д. решается вопросом о наличии самостоятельного объекта этой науки, объекта, не совпадающего с объектом какой-либо другой области познания. Есть такой объект — существует и наука, занятая им; нет его — не будет и науки: науки о пустушках не бывает. Велико в жизни значение объекта данной науки — почтенна и роль последней; ничтожно оно — не завидна и ее судьба.

Стало быть, ответ на частный вопрос нашей темы, отчасти отвечает и на вопрос всей заметки. Если философия — наука, и — далеко не беспредметная, то уж во всяком случае на особое внимание большевика она рассчитывать не может. Она, во всяком случае, одна из многих соискательниц внимания сего разборчивого мужа. Засорного в том, что большевик ее именно сделает своей избранницей, ровно столько, сколько засорно ему будет и в том случае, когда он окажет предпочтение какой-нибудь из ее соседок. Почему, в самом деле, правомерно чувствовать склонность к целому ряду исторических наук, и обходить философию, когда она одна из этих исторических наук, как выражается Энгельс? Почему достоин внимания большевика объект любой науки, но не заслуживает его предмет философии? Не является ли такое предубеждение к философии выражением своеобразного дальтопизма?

Таким образом, возникает необходимость остановиться на самом предмете философии, как науки, чтобы выяснить степень его ценности для того строительства, которым сейчас по уши занят большевик. Ведь то обстоятельство, что философия может встать в ряд всех прочих наук, еще не говорит за то, что она не стоит на самом последнем месте, куда может не спешить большевик или вовсе не заглядывать, чтобы не растративать силы на пустяки.

Я был бы не прочь перейти немедленно к рассмотрению этого вопроса, но я держусь более лестного мнения о достоинствах предмета философии, чем о силе своей убедительности. Вот почему я, будучи не очень склонен мерить читательское терпение на поповский аршин, все же позволю себе привлечь союзника по этому вопросу. Это тем более необходимо, что свое мнение приходится противопоставлять мнению очень распространенному, поддерживаемому авторитетами, требующими, разумеется, и критики авторитетной.

Исходя из этих соображений, я не считаю для себя возможным двигаться дальше, не изложив мнения Ленина по этому вопросу.

(Продолжение следует).

¹⁾ Привожу по Энгельсу, русск. изд. «Моск. Рабочего», 1923 г. стр. 38—39.

²⁾ См. Энгельс, «Анти-Дюринг», изд. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 14.

³⁾ Там же, стр. 34.

Об одной умной теории и неумном критике¹⁾.

(По поводу статьи тов. Борилина „Ленин и проблема империализма“²⁾).

Проблема империализма в настоящих условиях имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. И поэтому совершенно понятно, что разработке этой проблемы марксистская политическая экономия уделяла и уделяет особое внимание.

Однако, исследование империализма представляет, по сравнению с исследованием «чистого» капитализма, особые специфические трудности, в силу своеобразия самой исследуемой эпохи. Законы «чистого» капитализма подвергаются здесь существенным изменениям «некоторые, основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... обнаружили черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». «Свободный рынок все более отходит в область прошлого...». Производятся «приблизительный учет всем источникам сырых материалов», которые и «захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, которые и «делают» между собой по договорному соглашению эти союзы». Монополизируются обученные рабочие силы; захватываются пути и средства сообщения... «Производство становится общественным», хотя «присвоение остается частным»; «распределение этих (готовых. К. Р.) продуктов совершается по одному плану...»; происходит «смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»³⁾. Национально ограниченные монополистические союзы капиталистов переходят к образованию международных картелей. Короче говоря, здесь «прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности»⁴⁾ (Энгельс).

С другой стороны, рост монополий не только не устранил конкуренции, но «существует над ней и рядом с ней, порождая этим

1) От редакции: Тов. Борилин в своей статье утверждает, будто теория «государственно-капиталистических трестов» т. Бухарина есть нечто в высшей степени антиленинское. Здесь весьма интересные — для выяснения истины и для курьёз одновременно — отметить вот что. Тов. Борилин, повидному, не знает что впервые этот термин «государственно-капиталистический трест» и соответствующая теория были введены в литературный оборот в статье т. Бухарина, появившейся в нелегальном журнале большевиков «Коммунист». Статья эта («Мировое хозяйство и империализм») прошла редакцию Ленина, целиком эту статью одобрившего. Более того, в рукописи статьи тов. Бухарина был термин «общественно-капиталистические тресты», который по предложению Ленина, был заменен термином «государственно-капиталистические тресты».

Таким образом, Ленин, по тов. Борилину, имеет самый явный антиленинский уклон. Удивляемся только, как редакция «Под Знаменем Марксизма» обнаруживает такое отсутствие марксистского чутья, что сделав себя ответственной за явно несообразные утверждения «критика».

2) «Под Знаменем Марксизма», № 5—6, 1925 г.

3) Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма».

4) Цит. по статье тов. Борилина, стр. 111.

ряд особенно острых и крупных противоречий». Быстрый рост техники промышленности и не поспевающий за ней рост техники в сельском хозяйстве, «противоречия... между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой»¹⁾, наконец, обостреннейшая борьба между отдельными национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьба за распределение прибыли внутри однородных международных монополистических союзов и за распределение прибыли между разнородными монополистическими союзами, приводит к крупнейшим и обостреннейшим конфликтам не только экономическим, но и военным, и «те противоречия, которые были заложены в самом существовании капитализма и в начале его развития находились лишь в эмбриональном состоянии... в империалистическую эпоху достигают кричащих размеров»²⁾.

Правильная и теоретически осмысленная постановка проблемы империализма возможна только в том случае, если оба эти момента (превращение капитализма в свою собственную противоположность — переход от конкуренции к монополии, от анархии к известной «планомерности» как тенденции, с одной стороны, обострение экономических противоречий — с другой) будут приняты в одинаковой мере при анализе этого «новейшего этапа капитализма». Взятые каждый из этих моментов порознь, не сумеют дать действительной характеристики империализма, и если первый неизбежно приведет к вульгарной апологетике, то второй, взятый изолированно от специфических условий, свойственных империализму, не может дать ничего, кроме общих мест и плоских, бессодержательных, ничего не объясняющих истин.

В опубликованном в № 5—6 «Большевик» отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (одностороннее превращение) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину», т. е. лишает познание какой бы то ни было действительной познавательной ценности.

В отношении исследования империализма пример такого «одностороннего превращения» познания из кривой линии в прямую дает тов. Борилин. И совершенно естественно, конечно, что превращение «кусочка» (хотя и существеннейшего и важнейшего) в прямую линию привело его к глубоко ошибочным взглядам и определениям империализма, в корне отличным от ленинских.

Начав с упрека, что хотя некоторые из экономистов-коммунистов и знают, «что по Ленину империализм есть монополистический капитализм», тем не менее, «не знают теоретического понимания монополии, даваемого Лениным и служащего источником всех остальных теоретических положений об империализме»³⁾, тов. Борилин своей статьей, как бы публично и демонстративно это непонимание.

1) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д.

2) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм». «Прибой», 1923 г., стр. 110.

3) Борилин, стр. 113.

Исходя из слов Ленина, направленных против Каутского, что «теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к пропаганде мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и заглушает как раз самые главные и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими операциями финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке; между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью—с другой и т. д.»¹⁾, тов. Борилин берет этот «отрывок» кривой познания империализма и сводит его к прямой своего, борилинского познания и определения существа империализма. Тов. Борилин так прямо и пишет: «По Ленину империализм есть глубокая внутренняя, безысходная борьба, порождающая неисчислимое количество других противоречий между монополией и свободной конкуренцией». Утверждение, что это определение империализма принадлежит Ленину, мы оставляем на совести тов. Борилина, но здесь нас интересуют те теоретические «сдвиги и дороженьки», которые привели тов. Борилина к такому, мягко выражаясь, одностороннему пониманию империализма.

Тов. Борилин борется против «государственно-капиталистических трестов», а так как «государственно-капиталистические тресты» есть не что иное, как тенденция дальнейшего развития монополий, то тов. Борилин, взявшийся за авторитетное разъяснение «теоретического понимания монополий, даваемого Лениным», решил эти самую монополию вообще игнорировать и из своего анализа проблемы империализма исключить. «Увлеченный» одной стороной империализма—противоречиями между монополиями и свободной конкуренцией, между картелированной и некартелированной промышленностью—тов. Борилин проглядел такой «сдвиг», как гигантский рост монополистических союзов, как борьбу между одной картелированной промышленностью и другой за распределение прибыли, борьбу между национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьбу, которая ведется то экономическими, то военными средствами одного «государственно-капиталистического треста» с другим, когда «борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм про и с другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого»²⁾.

У Ленина этот момент, момент противоречий между монополистическими союзами капиталистов за раздел и передел мира, ожесточенной между ними борьбы за рынки сырья и сбыта составляет основное и важнейшее место в его характеристике империализма, а т. Борилин умудрился этой стороной империализма уделить из двадцати девяти страниц текста убогого шрифта... пять строк! И эти несколько строк приведенные в честь «определительного материала» против... «теории государственно-капиталистического треста», как будто эта теория утверждает отсут-

ствие конкуренции и борьбу внутри и между отдельными «государственно-капиталистическими трестами»! «Ошибочное (в теории) «государственно-капиталистических трестов». К. Р.) определяется тем,—пишет т. Борилин,—что в жизни рядом с монополиями продолжает существовать свободная конкуренция, что монополистические группы продолжают вести, ведут между собой ожесточенную борьбу на рынке, что наряду с «общностью» интересов монополистических групп внутри государства, между ними есть глубоко противоречия интересов...» (стр. 122).

В капиталистическом обществе идет борьба не только одного монополистического союза с другим, не только одного империализма с другим, но и борьба монополии с свободной конкуренцией. Но эта борьба неизменно ведет к торжеству монополий, к вытеснению свободной конкуренции и вместе с тем к еще более ожесточенной борьбе монополистических союзов между собой.

И если мы подобно тов. Борилину, проглядим эту вторую сторону империализма—борьбу между собой монополистических союзов, то мы не сумеем понять и новых форм «конкуренции», когда политика «дешевых цен» сменяется высокими ценами на внутреннем рынке для облегчения конкурентной борьбы на мировом рынке, когда случаи «понижения цен» служат по условием существования картеля, а стремлением окончательного удешевления «диких», т. е. тех, кто не хочет подчиняться монополии, воле трестовых дельцов. «Перед нами,—пишет Ленин,—уже не конкурентная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами удешевление монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»¹⁾.

Таким образом, вытеснение конкуренции монополией идет все ускоряющимся темпом.

Победа монополий на внутреннем рынке, его (рынка) полное подчинение воле монополий настолько очевидно, что едва ли требуют новых доказательств.

Одним из проявлений этой победы монополий и является паразитизм и загнивание капитализма. Победа монополистического начала и есть начало конца капитализма, потому что как раз здесь, между прочим, и проявляется тот конфликт между ростом производительных сил и производственных отношений, который в конечном счете должен взорвать всю капиталистическую систему.

Тов. Борилин, конечно, отнюдь не хочет возражать против роста монополий, против роста их значения в системе капиталистического хозяйства, он возражает только против «государственно-капиталистических трестов». Монополия—да, одно, а «государственно-капиталистический трест»—это уже совсем, совсем другое, не имеющее ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом.

Но «государственно-капиталистический трест»—это в простом смысле органически сросшаяся военно-политическая и хозяйственная организация буржуазии. Чем дальше, тем все более непосредственно зависима становится военно-политическая организация государства—от союзов капиталистов. И смена правительств, их деятельность, решается в кабинетах финансовых магнатов, дирек-

¹⁾ Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 114.
²⁾ Там же, стр. 111.

¹⁾ Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 17.

тующих свою волю правительствам, всему капиталистическому миру.

Чрезвычайно интересно отметить, как в тяжелые для капитализма «минуты» капитализм вплотную подходит к осуществлению идеи «государственно-капиталистического треста». Организованный 5 августа 1914 года исключительно по инициативе германской частной промышленности, «военный комитет германской промышленности» ставил себе в области хозяйственной мобилизации следующие задачи:

Планомерное сотрудничество всех существующих промышленных организаций для полного привлечения и целесообразного использования всех национальных хозяйственных сил не только для целей военной обороны страны, но и для обеспечения на время войны внутренних потребностей.

Обеспечить систематическое распределение и предоставление рабочих и служащих как промышленности, так и сельскому хозяйству.

Поддержка и предоставление заказов пострадавшим от войны отраслям промышленности теми отраслями, которые заняты выше обычного; содействие передаче заказов на отдельные части производства и т. п.

Организовать возможно быстрое размещение государственных заказов (ведомств военного, почтового, железнодорожного и т. п.).

Постоянное информирование промышленности о выпущенных во время войны законах, распоряжениях и объявлениях властей и участие в обсуждении вопросов управления и правил, вытекающих из условий военного времени»¹⁾.

Организованные по предложению Ратенау при военном министерстве, в виду необходимости наиболее рационального использования имеющегося в наличии сырья—военно-сырьевые комитеты, первоначально только предполагавшиеся как самоуправляющиеся организации, были в скором же времени лишены этого права.

«Были введены комиссары военного министерства, которые имели право «вето» по всем решениям находящихся под их наблюдением обществ. Военно-сырьевые комитеты из чисто самоуправляющихся организаций все более превращались в обеченные в частно-правовую форму органы государственного управления сырьем».

К участию в военном комитете был привлечен и сельскохозяйственный совет, «имевший задачу осуществлять посредничество между потребностями сельского хозяйства и военно-промышленным комитетом или объединениями отдельных отраслей промышленности и сообщать заинтересованным сторонам все необходимые сведения».

Наконец, «военный комитет образовал при себе ряд организаций, в частности по вопросам права, транспорта и внешней торговли».

Самоо любопытное здесь, пожалуй, что имелась попытка существующее положение распространить не только на военное время, но и на мирное время.

¹⁾ Arthur Dix, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg».

Дикс пишет:

«Совместная деятельность руководящих организаций немецкой промышленности в военном комитете пошла на пользу в деле постоянного объединения промышленности. Уже в конце декабря 1914 года в статье об учреждении и задачах военного комитета я писал относительно этого объединения немецкой промышленности: «естественно возникает мысль, что это положение должно быть сохранено и после войны, что в дальнейшем, в мирное время, наряду с сельскохозяйственным советом, с'ездами торговли и ремесленных палат, должен существовать в качестве органа, представляющего всю немецкую промышленность, немецкий промышленный совет».

И действительно в дальнейшем, 25 октября 1916 года, в совместном заседании центрального объединения немецких промышленников и союза промышленников состоялось образование такого промышленного совета».

В области внешней торговли осуществлялось положение, в основном напоминающее нашу монополию внешней торговли. Включенное в ведомство войны, этого высшего органа «для объединения всех военно-хозяйственных организаций», отделение по ввозу и вывозу имело задачи:

«обеспечить военно-хозяйственные интересы Германии, т.-е. не только воспрепятствовать вывозу мало-мальски важных военных материалов, но и использовать последние возможности получить их из-за границы. Несмотря на общий недостаток сил и на то, что весь уголь был нужен для собственной военной промышленности, приходилось в интересах этой последней вывозить некоторое количество каменного угля в соседние нейтральные страны, чтобы получить благодаря этому необходимое сырье, а также, чтобы помешать тому, чтобы экономическое давление на них наших противников не повело к более тяжким результатам».

Здесь, на примере военного хозяйства Германии тов. Борилин может воочию убедиться, как вопрос о «государственно-капиталистическом тресте» властно становится в порядок дня, пытаясь сдержать и задержать начинающийся крах всей капиталистической системы в целом.

Так как, по заявлению самого т. Борилина, теория «государственно-капиталистического треста» «наиболее полно выражена у тов. Бухарина», то мы и позволим себе сослаться на работы т. Бухарина, чтобы показать насколько «добро-овестен» тов. Борилин в своем утверждении, что т. Бухарин за деревьями не видит леса, за «государственно-капиталистическим трестом» — борьбы и роста экономических противоречий.

Но прежде всего остановимся на самом понятии «государственно-капиталистического треста». Возражая Роге Люксембург, тов. Бухарин характеризует «государственно-капиталистический трест» следующим образом: «Представим се... коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс объединен в единый трест и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое с точки зрения классов хозяйство...», где «дан как спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другой, так и потребительский спрос и со стороны капиталистов и рабо-

чих», где нет «анархии производства», а есть рациональный с точки зрения капитала план»¹⁾, где важнейшим противоречием является противоречие между общественным производством и частным присвоением.

Что же такого рода «государственно-капиталистический трест» есть реальность, эмпирически данное общество? Конечно, нет. И тов. Бухарин, вероятно, в предвидении того, что найдутся такие критики, которые поймут «государственно-капиталистический трест», как эмпирически данное общество, специально оговаривает, что: «грамотный читатель все время помнит, что у нас абстрактные «идеальные» типы общественных структур, а не эмпирически данные общества». Но тов. Боролин даже с этой оговоркой не хочет «принять» «государственно-капиталистический трест». «Для чего пужен в экономической науке такой «идеальный» тип «организованного, но антагонистического общества?»—негодующе восклицает наш «критик от струвизма». «Какую познавательную ценность он имеет для нас? Подобная «абстракция» имела бы смысл только в том случае, если бы она соответствовала основной тенденции в современном капиталистическом обществе». И тов. Боролин возмущенно спрашивает, как будто не замечая приведенной выше оговорки т. Бухарина: «Где в мире существует «государственный капитализм», подобный «государственному капитализму» тов. Бухарина? «В каком «государственно-капиталистическом» обществе заранее дан спрос производственный и спрос потребительский?» «Подобного «государственно-капиталистического» строя нигде, ни в одной стране не существовало». Вот здесь то и сказалось то неприятное обстоятельство, что тов. Боролин, как чорт ладана, бьется монополий с их тенденцией превратить капитализм в свою собственную противоположность, когда прекращается и «частное производство» и «отсутствию планомерности».

Есть такая тенденция в капиталистическом обществе или нет? Учет и захват рынков сырья, распределение готовых продуктов по плану, как об этом говорит Ленин, есть проявление этой тенденции или нет? Можем мы игнорировать, обходить в своем исследовании империализма эту тенденцию? Конечно, нет, потому что тогда мы не поймем своеобразие этой эпохи, потому что тогда определение империализма сведется к ряду ничего не говорящих и ничего не объясняющих фраз, вроде того, что «мировая анархия капитализма (империализма. К. Р.) есть не что иное, как сгущенная, концентрированная анархия глубоких основ капитализма»²⁾.

То-есть капитализму свойственна анархия «вообще», так себе «слабенькая», «разведенная», а империализму «сгущенная», «концентрированная». Объясняет это что-нибудь в своеобразии «нового этапа капитализма»? Ровным счетом ничего. Отрицать наличие в капитализме тенденции к превращению в «собственную противоположность», к установлению известной «планомерности»—значит воевать не только против «государственно-капиталистических трестов», но и против и Ленина и Энгельса, против здравого смысла, потому что именно это соединение противоре-

¹⁾ Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 83.

²⁾ Боролин, стр. 125.

чащих друг другу «начал»—конкуренции и монополии—и существенно для империализма». У Ленина оба эти «начала» нашли свое отражение в его теории империализма, а у тов. Боролина одис из них выпало совсем.

И гвоздь вопроса о «государственно-капиталистическом тресте» заключается не в наличии совершенно очевидной тенденции (превращения анархического общества в плановое), потому что «рассуждая абстрактно и теоретически, такой трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картелирования»¹⁾, а в том, может ли найти и пойдет ли эта тенденция свое завершение в рамках капиталистического общества или нет.

У тов. Боролина возникает вопрос: нужна ли вообще такого рода абстракция или нет; имеет ли какую-либо познавательную ценность абстракция, не отображающая конкретной, реальной действительности? Но едва ли кто-либо из марксистов согласится с такой постановкой вопроса. Ведь если стать на точку зрения т. Боролина, то можно было бы сказать: какую познавательную ценность имеет теория, утверждающая возможность существования капитализма без внешних рынков? Где в мире существует такое капиталистическое государство, которое бы не ввозило и не вывозило товара? В каком капиталистическом обществе существуют только капиталисты и рабочие? Подобного капитализма ни в одной стране никогда не существовало. И тов. Боролин преспокойно выбросил бы в мусорную корзину «Капитал», как не имеющий, с его точки зрения, никакой познавательной ценности. В самом деле, какое значение имеет тенденция капиталистического общества превратиться, так сказать, в пределе в «чистый» капитализм, если все капиталистическое общество взлетит на воздух значительно раньше, чем хотя бы в одной стране реальный капитализм приблизится к «чистому».

Признать познавательную ценность только за теми абстракциями, которые отображают реальную действительность—это значит совершенно не понимать ни смысла, ни значения абстракции, лишить нашу деятельность, нашу мыслительную способность активности свести ее к чистому созерцанию, пассивному отображению реально протекающих процессов, без всякой надежды изменить их.

Любопытно сопоставить в этом вопросе мнение тов. Боролина, говорящего от имени Ленина, с тем, что говорит сам Ленин. В письме к Потресову («Большевик» № 16 за 1925 г.) Ленин пишет: «Я не могу согласиться с вами, что «центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мысленного положения» и главное мое возражение П. Б. Струве, состоит именно в том, что он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы. «Конкретно невозможно» не только представленная Марксом реализация, но и представленная им средняя прибыль и равенство заработной платы, стоимость рабочей силы и многое другое. Но невозможность осуществления в чистом виде вовсе не есть возражение» (уточн. паш. К. Р.).

Если здесь и тапгащиваются коз-какие аналогии, то отнюдь не лесные для тов. Боролина!

¹⁾ Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 85.

Нам было бы чрезвычайно интересно знать, к какого рода абстракциям свел бы тов. Борилин указания Владимира Ильича об «идеально возможных соотношениях и взаимозависимости» буржуазной и крестьянской революции. Мы не можем отказать в удовольствии тов. Борилину, чтобы не привести примера удивительнейшей и своеобразнейшей абстракции, допускаемой т. Лениным в этом отрывке.

«Всякая крестьянская революция, — пишет Ленин, — направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру, скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства, и возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением, и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т. е. такой, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства земельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию.

Следовательно, общее марксистское понятие «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие равно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле объективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна»¹⁾.

Революция, произведенная земледельцами при помощи наемных рабочих за уничтожение частной собственности! Куда оглядываясь, тов. Борилин, подобного рода абстракции? К тем, которые не имеют познавательной ценности?

И если бы тов. Борилину не изменило мужество, то он должен был бы сказать прямо и откровенно: «Несоогласен с Лениным», а не прикрываться трусливо Лениным, выступая против Ленина.

Тов. Борилин, очевидно, не понимает, что теория есть такой «ключ» к познанию действительности, которым нужно уметь оперировать», что «абстрактно положения теории помогают подойти к самым конкретным проблемам, если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от их непосредственной эмпирической действительности ведет ряд логических ступеней, перескочить через которые ни в коем случае нельзя»²⁾.

¹⁾ Н. Ленин, Собрание сочинений, т. IX, стр. 538.

²⁾ Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 100—101.

«Основная тенденция капитализма, — пишет тов. Борилин, — это все большее обострение экономических противоречий».

В такой общей формулировке это, конечно, в такой же мере верно, как и бессодержательно, потому что игнорируется, что сам процесс обострения экономических противоречий целиком связан с процессом картелирования, ростом монополистических союзов капиталистов.

Вот что пишет тов. Бухарин: «Конкретный процесс экономического развития пойдет через обостренную борьбу государственно-капиталистических трестов и остальных экономических образований», борьбу «государственно-капиталистических трестов» между собой. И «абстрактная экономическая возможность отнюдь не означает ее реальной вероятности»¹⁾. «Но, может быть, эпоха «ультра-империализма» есть все же реальная возможность, которая совершается путем централизованного процесса? Шаг за шагом будут поедать государственно-капиталистические тресты друг друга, пока победно не воцарится держава, победившая всех. Эта возможность была бы для нас мыслима, если бы мы механизировали весь общественный процесс и сносили бы со счета силы, враждебные политике империализма»²⁾. И то обстоятельство, что «мировой капитализм будет идти по направлению к всеобщему государственно-капиталистическому тресту», еще не говорит за то, что это превращение капитализма в его собственную противоположность совершится в его же собственных рамках.

Гарантирует ли картель, международный монополистический союз отсутствие борьбы и противоречий не только между ними и другими монополистическими союзами, но и внутри самих себя? «Всякий, знакомый с историей борьбы картелей даже в рамках одной страны, знает, как часто при изменившейся ситуации, скажем, изменившейся экономической конъюнктуре, ряд соглашений лопался, как мыльный пузырь»³⁾. Еще более сложно обстоит дело с международными монополистическими союзами. «Условием для образования более или менее прочного соглашения является приближительное равенство позиций на мировом рынке», равенство не только чисто экономическое, но и экономически-политическое. И «при учете условий борьбы на мировом рынке государственно-капиталистические тресты считаются не только с чисто экономическими, но и с экономически-политическими условиями этой борьбы. Поэтому, даже если имеются приблизительно одинаковые хозяйственные структуры, но значительное различие военных сил государственно-капиталистических трестов, то более сильному из них выгодно продолжать борьбу, чем идти на соглашение или фюзю»⁴⁾. Если же эти соображения о равенстве рассматривать «то только статически, но, главным образом, динамически», то будет совершенно понятно, что наличие монополий отнюдь не избавляет от величайших потрясений в случае изменения сил договаривающихся капиталистических групп. Не говоря уже о том, что этому процессу интернационализации государственно-капиталистического треста «противостоит другая еще

¹⁾ Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 86.

²⁾ Там же, стр. 91.

³⁾ Там же, стр. 90.

⁴⁾ Там же, стр. 86—87.

более сильная тенденция к национализации капитала и замыканию в государственные границы»¹⁾.

Таким образом, раздел мира между монополистическими союзами отнюдь не гарантирует от борьбы за передел при изменении сил борющихся и договаривающихся сторон. Это же говорит и Ленин: «Раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает передела, если отношение силы вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. изменяется»²⁾. Невозможно допустить, «при условии сохранения капитализма, чтобы такие союзы были не кратковременны»³⁾. «Наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а, следовательно, и обостренной борьбы за раздел и передел мира»⁴⁾ (курсив наш. К. Р.). «Его (Каутского. К. Р.) концепция предполагает заглушевывание гигантских противоречий, которые раздирают современное общество, и постольку является концепцией реформистской... Для последовательного марксиста все капиталистическое развитие есть не что иное, как процесс постоянного расширения воспроизводства противоречий капитализма». «Свое действительное разрешение эти противоречия находят уже в иной производственной структуре общественного организма: в общественной, плановой, социалистической организации хозяйства»⁵⁾. Границей же служит «определенная степень напряженности капиталистических противоречий»⁶⁾.

Рост организованности в национально-капиталистических рамках приводит к расширению этих противоречий в международном масштабе. И здесь борьба принимает новые формы, отличные от форм борьбы внутри национально-капиталистических государств, от форм борьбы «молодого» капитализма. И конкурентная борьба в эпоху империализма отличается от форм борьбы раннего капитализма. «Перед нами, — пишет Ленин, — уже не конкурентная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически новых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»⁷⁾. «Отношения господства и связанного с ним насилия — вот что типично для «повейшей фазы в развитии капитализма».

Таким образом, к отсутствию плановости, к кризисам приводит как раз сама тенденция к плановости. И если, с одной стороны, привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так наз. гужельная индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности к «еще более острому отсутствию плановости», то, с другой стороны, в связи с тем, что «чем выше развитие капитализма, тем сильнее чувствуется недостаток сырья... тем отчаяннее борьба за приобретение колоний», раздел мира между монополистическими союзами приводит к переходу «от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической

¹⁾ Там же, стр. 88.

²⁾ Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 64.

³⁾ Там же, стр. 115.

⁴⁾ Там же, стр. 120.

⁵⁾ Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 91.

⁶⁾ Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 129.

⁷⁾ Н. Ленин, стр. 17.

державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»¹⁾ (курсив наш. К. Р.).

И если мы отбросим, обойдем эту последнюю сторону империализма (борьбу одного монополистического союза с другим), то мы придем как раз к тем поверхностным, односторонним и потому глубоко ошибочным определениям империализма, которые дает т. Борилин. «Империализм, — пишет он в одном месте, — это монополистическое господство групп капиталистов над огромными колониальными и полуколониальными областями», а в другом — «господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств над миллионами колониальных рабов». Таким образом получилось курьезнейшее зрелище: выступая против теории «государственно-капиталистических трестов», тов. Борилин в определении империализма скатился к его каутскиански-роизским определениям. И здесь к тов. Борилину целиком и полностью приложимы слова т. Бухарина, направленные против «Розы Люксембург: «Из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «воинет к небу», и с этой точки зрения занятие Рура французами не есть империализм, поскольку «господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств» осуществлялось не «над миллионами колониальных рабов», а над высокоразвитым капиталистическим образованием, — господство одного империализма над другим.

И совершенно понятно, что безысходно запугавшись в характеристике империализма, тов. Борилин оказывается вынужденным противоречить самому себе и отказываться на одной странице от того, что признал несколькими страницами ранее. Так, например, на стр. 113 он пишет: «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп. Монополия капиталистических союзов распространяется через границы государств и морские (!) океаны» (это, вероятно, в отличие от океанов речных и т. п.), а на стр. 123 он, позабыв, что писал десятью страницами раньше, ломается над тов. Бухариным: если бы де «перспектива, которую имеет в виду и сам т. Бухарин, «была бы» вероятна, то «капиталистический» строй имел бы много шансов выправиться» и «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего (после мировой войны. К. Р.) развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор». Что же тов. Борилин пронизывает, потому что не согласен с этим? Но ведь он сам выражал свое согласие, правда, не на 123, а на 113 странице, с тем, что «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп!»

Тов. Борилин безусловно прав, когда решительно возражает против представления, что «социализм приходит внезапно, неизвестно откуда, словно «Венера из головы Юпитера». Хотя до сих пор, как известно, считалось, что из головы Юпитера родилась не Венера, а Минерва. Но зато рождение теории империализма т. Борилина можно уподобить именно рождению «Венеры из головы Юпитера».

¹⁾ Н. Ленин, стр. 84.

Меньшевицкие иллюзии и действительность.

(Растет ли национальный доход Европы?).

Основным моментом теоретического обоснования меньшевизма является тезис о том, что Россия еще не созрела до социалистической революции, что она является одной из самых отсталых аграрных стран, почему опыт социалистического строительства в ней неизбежно обречен на неудачу и на деле окажется жалким блефом.

Один из крупнейших экономистов меньшевизма Д. Далин в своей работе «После войны и революций» не щадит красок для доказательств неудач в России в области экономического строительства. «Экономическая политика коммунистической власти, — пишет он, — представляет собой ряд сплошных неудач, изредка прерываемых случайными, крохотными успехами» (стр. 68). «Чрез кризисы и подъемы проходит красной нитью основная тенденция: регресс является законом коммунистического хозяйства в России. Это первая основная черта этого «способа производства».

По мысли меньшевиков и Далина провал экономической политики большевиков обоснован отсталым характером промышленности и аграрно-крестьянским характером нашей страны. Социализм с неизбежностью неумолимого экономического закона склоняет голову пред мелко-буржуазными устремлениями много-миллионного крестьянского пролетариата, который все больше и больше захватывает небольшие островки или, вернее, обломки, оставшиеся от утопического, но зато героического периода русской революции — военного коммунизма.

Русские меньшевики не одиноки в отстаивании этого тезиса. Один из столпов II Интернационала Карл Каутский в «Социалистическом Вестнике» (№№ 15, 16 от 18 авг. 1925 г.) так определяет позицию, которую должны отстаивать меньшевики. «Весь марксизм означает для русского социализма и пролетариата некую большую сдержанность, самоограничение на задачах классовой борьбы внутри капитализма и отказ от немедленного его преодоления».

«Экономический регресс» г-на Далина, «самоограничение» и отказ от немедленного преодоления капитализма г. Каутского — все это явления одного и того же порядка. Меньшевики полагают, что «покуда капитализм способен производить тысячи изобретений, применять их на практике, совершенствовать про-

изводство, расширять общественные производительные силы — час его еще не пробил» (Далин, стр. 189—190). «Главным препятствием является не капитализм, а мелко-крестьянские хозяйства», — пишет Д. Далин (стр. 190). Не преодоление капитализма является задачей дня, по мысли меньшевиков, а осторожная крестьянская политика — вот альфа и омега их премудрости. Да и пробил ли час капитализма и в других, более передовых капиталистических странах? — задают себе вопрос Каутские, Далины, Макдональды и другие деятели современного социализма. По этому поводу поучительны рассуждения г. Далина о Германии. Как известно, надежды Маркса, Энгельса, Бебеля, Либнехта в своей практической политике в первую очередь оставались на идущей семимильными шагами по пути к промышленному прогрессу Германии с ее все растущей армией социал-демократических организованных рабочих масс. Верны ли их надежды? Не ошибались ли они? Созрела ли Германия хотя бы теперь для социалистического переворота, имеются ли там налицо экономические предпосылки для этого? Далин безжалостен к основоположникам марксизма и социализма. Он пишет: «В течение 70-ти лет лучшие представители социализма ошибались со дня на день, ожидая пришествия социализма, не ошибаются ли и современные представители в своих перспективах. Ведь ошибки сделались правилом; так не действует ли это правило и сейчас?» (стр. 185). И дальше он добавляет: «Слишком уж много раз хоронили капитализм, а как в известной поговорке — «кого заживо похоронили, тому долго жить суждено» (стр. 189). Далин анализирует данные переписи 1907 г. в Германии для того, чтобы оградить числовое отношение групп промышленности, которые, по его мнению, созрели для социализации и тех, которые до этого еще не созрели. Выводы, к которым пришел Далин не утешительны ни для большевиков, ни для дела социализма. Оказывается «только 10% населения в 1907 г. приходилось на сферу социализма», т. е. тех отраслей, которые уже созрели до социализма, в количественном отношении эти отрасли промышленности насчитывают 3 милл. населения. Далин прекрасно понимает, что Германия — страна передовой европейской индустрии и что вывод о Германии есть вместе с тем и вывод для всей остальной Европы. Так он и пишет: «Европа созрела для социализма, но далеко еще не созрела».

Этому объективному экономическому положению, соответствующим, как думает Далин, и субъективным предпосылкам. «Огромное большинство, — пишет он, — несмотря на те или иные убеждения и взгляды, боязливо отступает перед вопросом социализации» (стр. 206). «Оно не только отказывается вступить в последний решительный бой, но не проявляет энергии даже там, где речь идет о частичных успехах обобществления хозяйства» (стр. 207). Между тем это сознание должно быть аксиомой накануне успешной социальной революции». Когда же, спрашивается, по мысли меньшевиков будут налицо условия для социалистического переворота? Далин берет Великую Французскую Революцию и так определяет момент, когда она наступила. «Налицо были не только все элементы капитализма, «но капиталистический способ производства был уже вполне развит накануне буржуазной революции» (стр. 211)...

И далее... «революция произошла не потому, что надо было приступить к развитию капитализма... (это поистине великолепно!), а потому, что капитализм был уже развит внутри старого общества». Таким образом, капитализм развивался уже в пределах феодального строя, и когда феодальные одежды стали ему слишком тесны, он их разрывает, но «он не рождается в эпоху революции, а лишь достигает в ней совершеннолетия». Меньшевик совершенно также мыслит и наступлению социального переворота. «Ближайшая эпоха, — пишет Далин, — одно-два поколения, а может и больше (курсив мой. Л.), будет периодом медленного, но несомненного роста и расширения коллективного хозяйства. Мы стоим лишь в самом начале этого развития» (стр. 215) и т. д., и т. д. Вот откуда-то и вытекает, как образно определяет Каутский, тактика меньшевиков в русской революции: «для русского социализма (читай-меньшевизма) марксизм означает большую сдержанность, самоограничение на задачах классовой борьбы внутри капитализма и отказ от немедленного его преодоления». Основной смысл теоретического обоснования крепости капитализма господ меньшевиков сводится к тому, что капитализм при данной экономической и политической ситуации обеспечивает в наиболее полной степени развитие производительных сил мира, дает возможность безостановочного технического прогресса и роста народного дохода в то время, как социализм неизбежно означает «экономический регресс», падение производительных сил. Недаром Карл Маркс в своем классическом предисловии к политической экономии писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она дает простор, и более высокие производственные отношения никогда не заменяют старых отношений раньше, чем в недрах старого общества не разовьются материальные предпосылки для их осуществления».

Но верно ли, что капитализм за последние десятилетия, увеличивая производительные силы общества, увеличивал размер национального дохода и не сковывал технический прогресс и т. д. Казалось бы достаточно вспомнить те колоссальные кровопускания, свидетелем которых было наше поколение, мировую войну с ее 10 миллионами убитых, расходами на войну по Эерсу в 361.000.000.000 золотых рублей, по Богардту в 347 миллиардов, 100 миллионов золотых рублей, при увеличении государственных долгов с 84 миллиардов руб. в 1913 году до 743 миллиардов в 1921 году, — вспомнить бесконечные колониальные войны, которые с этого времени ведутся повсюду, те восстания и те движения, которые мы имеем в Китае, Индии, во всех восточных колониях и т. д., чтобы быть осторожнее в выводах о безостановочном прогрессе. Тем не менее, все эти факты не производят достаточного впечатления на меньшевиков и западно-европейских социалистов из II Интернационала, которые до сих пор а-приори считают верной известную формулировку Джона Стюарта Милля относительно роста народного хозяйства. В первой главе IV книги своих «Принципов политической экономии» он говорит: «Какими бы ни были те изменения, которым должна подвергнуться экономическая жизнь общества, один момент этой жизни находится в состоянии прогресса, о котором не может быть спора. В руководящих

странах мира и во всех других, поскольку они входят в сферу влияния этих передовых стран, существует по крайней мере одно прогрессивное движение, нарастающее с незначительными перерывами из года в год и из поколения в поколение; именно, прогресс в богатстве, поступательное движение так назыв. материального благосостояния. Все нации, которые мы привыкли называть цивилизованными, увеличивают постепенно свое производство и население: и нет никаких оснований сомневаться в том, что не только эти нации будут в течение известного времени продолжать так развиваться, но что и большинство других наций мира, включая и некоторые еще не возникшие, примут одна за другую участие в этом движении... Из черт, характеризующих прогрессивное экономическое развитие цивилизованных наций, прежде всего останавливает на себе внимание, благодаря своей тесной связи с явлениями производства, непрерывный и, насколько можно предвидеть, неограниченный рост власти человека над природой. Наше знание свойств и законов физических явлений не обнаруживает никаких признаков приближения к своему пределу: оно развивается быстрее и одновременно в большем числе направлений, чем в какое-либо прошлое время... Прогресс в физических науках и искусствах, соединенный с большей обеспеченностью собственности и большей свободой в пользовании ею, которые являются бросающимися в глаза особенностями в жизни цивилизованных наций, вместе с более широким и более успешным применением акционерного начала, делают возможным бесконечный рост капитала и производства и всегда сопровождающий его рост населения»¹⁾.

II Интернационал уверен в том, что экономический прогресс неизменно и для данного времени, что продолжится расширение воспроизводства капитала в полном объеме, что растет величина национального дохода. Одно время казалось, что война нарушила это идиллическое представление о ходе экономического прогресса и поставила на очередь вопрос о более пристальном изучении вопроса как о росте производительных сил мира, так и о росте народного благосостояния. В настоящее время меньшевики, однако, скоро стали это забывать. Тем знаменательнее вышедшая работа г. С. Н. Проконовича о росте народного богатства, напечатанная в «Русском Экономическом Сборнике» (№ 1, февраль 1925 г. Прага). Проконович является одним из «белых», высланных из пределов советской страны. Трудно заподозрить его в симпатиях к нам — к советскому строительству и к социализму, и поэтому его выводы приобретают особый интерес и значение. Он подвергает анализу работы крупнейших экономистов Германии, Англии, Франции и Америки о росте национального и душевого дохода. В основу анализа положены работы: Мелгола, Гиффена, Кипена, Гельфериха, Боули, Стампе, Зедберга, Кинга и целого ряда других авторов. Сводя единообразно данные этих работ, после приведения их к наибольшему единообразию и после критической проверки и исправления ряда данных и цифр, Проконович дает следующую таблицу величин народного дохода на душу населения в золотых рублях по основным странам мира²⁾:

¹⁾ J. S. Mill, «Principles of Political Economy», изд. 1920 г., стр. 696 и 699.

²⁾ Проконович, стр. 43.

Г о д а.	Великобритания.	Франция.	Германия.	Соед. Шт. Сев. Амер.	Европ. Россия.
1878—80	189,1	161,0	104,1	224,8	—
1890	—	—	—	341,6	—
1894—96	298,9	267,6	206,1	—	—
1900	—	—	—	420,5	67,2
1903	307,4	236,7	—	—	—
1910—11	—	225,4	—	475,3	—
1913	303,7	—	204,3	511,1	78,7

Рост народного дохода находится в некотором соотношении с ростом населения, поэтому ниже приводятся данные о движении населения в интересующих нас странах перед войною. Прирост населения составлял в процентах:

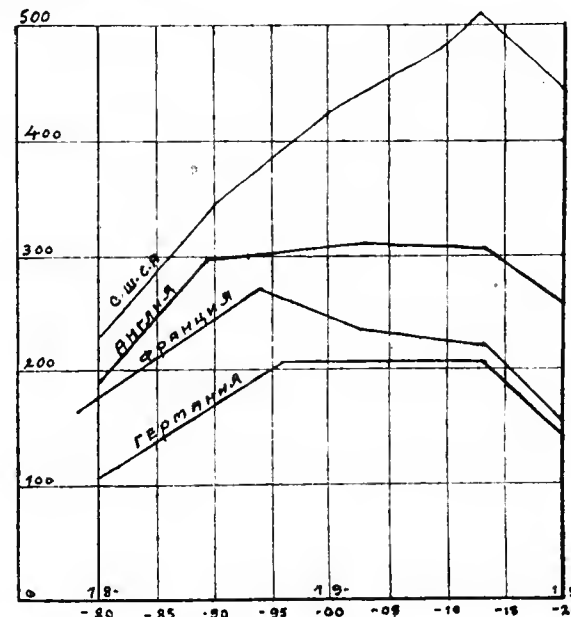
	1891—1900 г.г.	1901—1910 г.г.
В Соединен. Королевстве	9,9	9,1
„ Франции	1,4	1,6
„ Германии	13,8	15,2
„ Соединен. Штатах Сев. Амер.	20,7	21,0
„ Европ. России	—	14,4

Из этих таблиц сам собою напрашивается вывод, что уже до войны доход на душу населения, а следовательно и национальный доход в европейских странах перестал расти. Во Франции, в которой прирост населения до войны составлял ничтожный процент, народный доход на душу населения начал падать безостановочно, начиная с 900 годов. Этот процесс обнаруживает полную закономерность. В Англии и Германии при значительном росте населения, рост производительных сил до последних лет был достаточен для того, чтобы поддерживать жизненный уровень на прежней высоте. Однако, начиная с 1903 г. в Великобритании и с 900 годов в Германии обнаруживается тенденция к падению народного дохода на душу населения. Наконец, в Соединенных Штатах Сев. Америки и в России при громадном росте населения обнаруживается неуклонный рост народного дохода на душу населения. Особенно резко идет увеличение национального дохода в передовой капиталистической Американской Республике. Таково было положение к моменту начала войны. Совершенно естественно, что война могла только обострить процесс падения величины народного дохода во Франции, Германии и Англии. Уже тот факт, что война выбила 10 милл. молодых людей, из которых на Европу падает около 9 милл. человек, увеличила страшно мировую задолженность, произвела колоссальные разрушения на территориях воюющих держав и проч., и проч., неизбежно должен был повести к колоссальному падению национального дохода. Подробно исследуя все факторы, приводящие к обострению этой тенденции и произведя соответствующие поправки, Прокопович приходит к

следующим выводам о величине народного дохода в золотых рублях в 1920 году (стр. 51).

Г о д а.	Великобритания.	Франция.	Германия.	Соедн. Шт. Сев. Ам.	Россия.
1911	—	225,4	—	—	—
1913	303,7	—	204,3	511,1	78,7
1920	252,6	148,4	131,2	441,1	30,0

Таким образом, сокращение народного дохода на душу населения Западной Европы вследствие мировой войны выражается в Англии, примерно, на 17%, во Франции на 34% и в Германии на 36%. Происходит колоссальное падение производительных сил, которое с особенной наглядностью отмечается в следующей диаграмме.

То положение, которое когда-то было установлено классиками политической экономии о непрерывном экономическом прогрессе и росте национального дохода, оказалось неверным для настоящего времени. Далин, который неудачно открыл закон экономического регресса для СССР, закон, опровергнутый нашим экономическим строительством, просмотрел процесс падения национального дохода, который неуклонно наблюдается за последнее время в Западной Европе.

Если присмотреться к этим данным, то окажется, что процесс падения народного дохода сопровождался перегруппировкой величины дохода внутри каждой страны между различными классами населения. Особенно пострадали три слоя: класс индустриальных и деревенских рабочих, мелкое крестьянство и мелкие собственники и рантье, и «промежуточные» слои. Этот процесс обнищания пролетарских и средних слоев населения не означает того, что величина дохода правящих классов, капиталистов и аграриев, пала. Наоборот, война и послевоенный период сопровождался колоссальным перемещением ценностей, именно, в руки этих правящих групп. В это время создавались новые крупнейшие концерны, синдикаты и тресты. Однако, обнищание широких масс населения рабочих и крестьян становится очевидным фактом, и величина народного благосостояния в целом падает, еще более подчеркивая непропорциональное увеличение богатства в руках правящих классов. При таких условиях вряд ли здравомыслящий человек может согласиться с выводами Далина о том, что в этом подлунном мире все обстоит неизменно хорошо. Очевидно мы имеем дело с определенным затуханием капитализма, с экономическим регрессом, а не с хваленным бесконечно быстрым ростом производительных сил. Хорош рост производительных сил, когда основные отрасли европейской торговли далеко еще не достигли цифр 1913 года, когда весь европейский товарооборот по вычислениям экономистов составляет 82% от довоенного, когда Англия, год от года сокращая свой экспорт, испытывает хроническую безработицу, когда каждый 10-й из англичан является безработным, когда Германия от краха эпохи инфляции идет к крахам Стигнеса и др. периода дефляции!

Плохо обстоит дело у меньшевиков и с субъективными предположениями. Как ни старается II Интернационал записать сознание своих партий в рамки каутскианства и меньшевизма, мы имеем несомненный и колоссальный прорыв не только в росте симпатий к Коммунистическому Интернационалу, но и в факте бесконечной важности—в полевении английского рабочего движения и усвоении последним тактики внепарламентского действия, тактики насилия и тактики единого пролетарского фронта. Теоретическая мысль меньшевизма со старческой жадностью цепляется за уходящее прошлое капитализма. Мы слышим жалкое бормотание Каутского о «воздержании», видим размахивание картонным мечом—тоже «реальной политики»!—Далина, который начал с того, что скинул с исторических счетов «утопистов» Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта—и вытаскил на сцену обветшалые доспехи Бернштейна с его «врастанием социализма в капитализм».

Былые «вожди» в испуге и растерянности тянут пролетариат назад в стоящее болото капитализма и своей схоластики. Но пролетариат жаждет ветра революции, а не затхлого воздуха разлагающейся капиталистической Европы.

Работа Прокоповича против его воли бьет по голове меньшевизм и служит делу революции.

Социал-демократические размышления о мировом хозяйстве и мировой политике.

Небезызвестный российский меньшевик, Вл. Войтинский, отходящий сейчас в Германии от ратных и иных трудов, посвятил свои эмигрантские досуги статистическим и экономическим изысканиям на миро-хозяйственные темы. Как плод этих изысканий, в сентябрьской книжке, издаваемой Гильфердингом «Die Gesellschaft» появилась его большая статья «Новое мировое хозяйство—новая мировая политика». Полная удивительных откровений, статья эта «взвешана» самым лестным вниманием социал-демократической прессы и, видимо, призвана служить экономическим обоснованием политики и тактики II Интернационала.

Приложив свое ухо к земле, и прислушавшись к тому, что там делается, г. Войтинский приходит к грустному выводу, что «сердце мирового хозяйства не бьется более в Европе». Но для того, чтобы уразуметь истинное значение этого факта, по мнению Войтинского,

«надо исключить все побочные моменты, которые его усложняют и затемняют. Таковы проблемы междоусобицеских долгов, превращения Европы из кредитора Америки в ее должника и т. д. Закономерию и органически развивающиеся законы скрещиваются с результатами более или менее случайных комбинаций дипломатической и финансовой игры».

В разряд затемняющих и усложняющих «побочных моментов» попадают, таким образом, наиболее глубокие и длительные экономические последствия империалистической войны. Только в социал-демократические очки может показаться, что превращение Европы из кредитора Америки в ее должника есть лишь результат «более или менее случайных комбинаций дипломатической и финансовой игры». Отсюда один шаг до того, чтобы и самую войну объявить лишь «случайной комбинацией».

Г. Войтинский в сущности делает этот шаг. В его последствии причина перемещения «сердца мирового хозяйства» империалистической войны отсутствует. Огромное расхождение производительных сил, которое она означала, всеобщее обнищание и хозяйственный упадок, который она за собой повлекла, оказываются не при чем. Дело не в этих «побочных моментах». Главное в изображении социал-демократического апологета—это технический прогресс капитализма.

Связь этих сдвигов с изменением энергетических основ мирового хозяйства очевидна. Европейское хозяйство опирается на разрушенный теперь фундамент каменного угля, в

то время как хозяйство Америки органически связано с моторными силами нефти и белого угля... В Америке находится центр нефтяной промышленности мира, здесь процветают все связанные с нефтью отрасли промышленности, здесь больше всего и успешнее всего проведена электрификация водной энергии. Уже это одно должно было вызвать территориальное перемещение центра тяжести мирового хозяйства и помимо войны» (курсив наш. Э. Г.).

Нефть и белый уголь вытесняют каменный уголь, и поэтому американский капитализм оттесняет европейский. Взорность такого рода «построений» видна, между прочим, и из того, что с таким же успехом и с такой же, если не большей видимостью убедительности, можно утверждать и обратное. Господствующее положение Америки еще легче «выводить» из угольной энергетики, нежели из энергетики нефтяной. Общая сумма запасов каменного угля на земном шаре определяется в 7.338 миллиардов тонн. По главным центрам они располагаются следующим образом:

Соединенные Штаты Сев. Америки	около 4.000	млр. тонн.
Канада	1.250	"
Китай	1.000	"
Западная Европа	750	"
Россия	500	"

Огромное превосходство Америки над Европой станет еще яснее, если учесть к тому же расположение угольных запасов и легкость их разработки. И здесь все преимущества были на стороне Америки. В год на одного углекопа добыча в тоннах равнялась ¹⁾:

Англия	Германия	Соединен. Штаты.
1886—1890 г.г. 310	272	400
1903—1910 " 275	249	596

Производительность резко падает в Европе и быстро растет в Америке. В то же время запасы угля в одних только Соединенных Штатах почти в пять раз превышают запасы Западной Европы. Где основания утверждать, что «господство пара и угля должно было означать господство Европы над миром»? Напротив, с точки зрения того географического материализма, в который так наввно, сам того не замечая, впадает наш «марксист» из «Die Gesellschaft», как раз господство угля должно было принести с собою господство Америки. Но как на зло г. Войтинскому век пара и угля был веком европейской гегемонии.

Не лучше для него обстоит дело и с нефтью. По данным проф. Рамзина, мировые запасы нефти распределены по земному шару следующим образом:

В % к мировому запасу:	
СССР 37,4	Китай 2,4
Южн. Америка . . . 16,0	Япония 2,1
С.-А. Соединенные Штаты 12,0	Румыния, Польша и пр. Европа 2,0
Передн. Азия 10,1	Канада 1,7
Мексика 7,8	Брит. Индия 1,7
Ост.-Индия 5,2	Африка 1,6

Всего . . . 100 (7.696 миллионов тонн)

¹⁾ Эти цифры мы заимствуем из статьи тов. И. А. Иванова «Мировое хозяйство, как производственный организм». См. «Вестник Соц. Академии» за 1923 год, книга VI.

Соединенные Штаты на 3-м месте и владеют лишь 12% мирового запаса; их нефтяная позиция, таким образом, несравненно слабее их угольной позиции. Почему смена угля нефтью должна означать переход гегемонии к С. Штатам Северной Америки, становится окончательно непонятным. Необходимо добавить, что наиболее обследованная, с точки зрения богатства нефтью, часть земного шара—это Соединенные Штаты; и, следовательно, открытия новых ее местонахождений, ожидать которых мы имеем все основания, будут лишь уменьшать долю Соединенных Штатов в мировом запасе.

Переход мирового хозяйства на новую энергетическую основу, огромный рост количества и значения динамомашин и моторов внутреннего сгорания, сам по себе, следовательно, вовсе не означает неизбежности забивания Европы Америкой. Если бы европейский капитализм был так же силен, как и до войны, если бы он, как до войны, оставался хозяином на мировом рынке капиталов, то прикармливая колоссально нефтяные ресурсы колониального и полуколониального мира, он оказался бы богаче Соединенных Штатов. Если бы в России не произошла социалистическая революция, то овладев одной только русской нефтью, европейский капитал мог бы господствовать на мировом нефтяном рынке. Дело не в том, что дизель и электричество вытесняют паровую машину, а в том, что загнывающий европейский капитализм, расшатанный и истощенный войной, перестал быть тем хозяином мира, каким был до войны ¹⁾.

Таким образом, утверждение г. Войтинского, что «изменение энергетических основ мирового хозяйства» уже само по себе должно было вызвать перемещение центра его тяжести «помимо войны» — фактически неверно, неверно с любой точки зрения, представляет собою типичный апологетический вздор, попытку замазать роль войны и загнывание капитализма, свести весь процесс к натуральным факторам, находящимся вне власти людей, независимым от общественных отношений и общественного строя.

Выступая адвокатом европейской буржуазии, наш социал-демократический экономист не может, однако, ограничиться заявлением, что Европе конец, хотя бы даже и такой, в котором буржуазия совершенно пеповинна. Адвокату европейской буржуазии необходимо доказать, что европейский капитал еще живуч, что у него еще есть возможности дальнейшего развития. Нефтяная неремиада г. Войтинского поэтому быстро сменяется более пригнанными и идиллическими мелодиями. Конечно, американский капитализм сильнее европейского, но мир велик, и в нем хватит, в конце-концов, места для обоих.

«Мировое хозяйство,—утешает г. Войтинский,—способно еще к дальнейшему расширению, хотя, конечно, его рамки не могут расширяться при помощи до сих пор применявшихся

¹⁾ Мы не говорим уже о том, что вытеснение твердого топлива жидким отнюдь еще не означает вытеснения угля нефтью. Напротив. Опыты Бергнуса, как и ряд других, открывают перед углем совершенно новую перспективу стать основным источником жидкого топлива.

методов ¹⁾. Оно может быть расширено настолько, что в его границах арена действия будет достаточно велика и для Европы и для Америки. Задача удержания положения Европы в мировом хозяйстве, поэтому не включает в себя необходимости борьбы с Америкой. Речь может идти лишь о разделе сфер влияния и о хозяйственном сотрудничестве обеих континентов.

В этой тираде нашего воспринявшего духом Иеремии необходимо раньше всего отметить одно чрезвычайно ценное признание. Хотя в начале и говорится о том, что «до сих пор применявшиеся методы расширения мирового хозяйства (подразумевается колониальный разбой), теперь непригодны, в конце мы находим аппетитное упоминание о «разграничении сфер влияния» между европейским и американским империализмом. Иными словами, несмотря на свой пацифистский кретинизм г. Войтинский по-прежнему обнаруживает и крупную здравую мысль. Г. Войтинский пробалтывается, что без «сфер влияния», т. е. без грабежа колоний и полукolonий, без дальнейшего колониального разбоя, европейскому капитализму все же не выжить. Наш пацифист забывает лишь о том, что растущий и поднимающийся колониальный мир, «великий резерв угнетенного человечества» не позволяет больше делить и кромсать себя. Золотые дня Аранхуэца, когда империалистические колоссы могли делить между собой «сферы влияния», считаясь, лишь, со своими аппетитами и их бронированным обоснованием, безвозвратно прошли.

Предположим, однако, что при помощи II Интернационала международной буржуазии удастся преодолеть сопротивление колониальных революций. Неужели, однако, г. Войтинский всерьез думает, что «разделение сфер влияния» обойдется без вооруженной борьбы, без новой империалистической бойни, что Япония, Англия и Соединенные Штаты полюбовно поделят между собой Китай и не передерутся между собой при этом, что вопросы мусульманской и южно-персидской нефти будут решаться простым большинством голосов в Лиге Наций? Понятие наивность, переходящая в цинизм!

В этом вопросе г. Войтинский, впрочем, не оригинален. II когда он говорит о «мирном разделе сфер влияния» и хозяйствен-

¹⁾ В той же сентябрьской книжке „Die Gesellschaft“, в которой была помещена статья Войтинского, напечатана статья английского «социалиста» Бекстона, того самого, который был на Марсельском конгрессе II Интернационала докладчиком по вопросам международной политики. Статья посвящена колониальному вопросу. Мы приведем из нее одну выдержку.

«Какова должна быть наша непосредственная политика (в колониальном вопросе)? Должны ли мы требовать, чтобы более слабые народы были предоставлены самим себе, чтобы связанные с ними теперь государства увели свои силы из ныне оккупированных областей и предоставили рассеянному среди туземцев белому населению самому о себе заботиться? Следовательно, вернуть то, что было некогда насильственно взято и отказаться от всех договорных прав правомерно или неправомерно приобретенных. Некоторые социалисты склоняются к этому взгляду... Но мы потенциальные властители (potentielle Herrscher), мы ответственны не только за прошедшее, но и за настоящее и будущее. Если после всего, что произошло белые правительства отойдут в сторону, если они предоставят туземное население своей собственной судьбе после того, как они так глубоко изменили условия его жизни, то его положение от этого, несомненно, ухудшится. Не может быть, следовательно, и речи о том, чтобы туземцев тропических стран с их неисчислимыми богатствами предоставить самим себе».

Думаем, что этот замечательный документ в комментариях не нуждается.

ном сотрудничестве», то невольно вспоминается знаменитая и много раз битая теория ультра-империализма впавшего в детство идеологического вождя II Интернационала, К. Каутского. Ее существо, как известно, тоже сводилось к предкеванию полюбовного соглашения империалистических держав относительно «раздела сфер влияния». Тов. Ленин дал исчерпывающую критику этого нелепого построения:

«Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистических держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистические страны составят союзы одних против других с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будет «интер-империалистическое». Допустим, что все империалистические державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран — это будет «интернационально-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, например, в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, мыслимо ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предлагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?

Достаточно, ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немислимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников: дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников: дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, отраслей промышленности, стран, при капитализме быть не может» ¹⁾.

«Ультра-империалистическая» пошлятина Каутского еще pessнее и еще больше искажает действительность в том виде, в каком ее понимает г. Войтинский теперь, когда противоречия капиталистических интересов заострены так, как никогда раньше. Производственный аппарат тяжелой индустрии в важнейших странах работает с нагрузкой в лучшем случае не превышающей 70—75%. Не лучше обстоит дело и в текстильной промышленности. Англия переработала в 1924 г. лишь 65% того количества хлопка, какое было переработано в 1913 г., а весь остальной европейский континент — 67%. А 1925 год принес с собой дальнейшее ухудшение. И здесь, значит, мы имеем огромную перегрузку основного капитала. Европейская капиталистическая промышленность задыхается от отсутствия рынков; подаром ее общий кризис углубляется и усложняется необычайно резким и затяжным, специфическим кризисом экспортных индустрий. Проблема рынков стоит в настоящий момент перед европейским — да и перед американским капитализмом острее, чем когда бы то ни было.

¹⁾ Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма», Собр. соч., т. XIII, стр. 328-329.

А значит меньше, чем когда бы то ни было может идти речь о мирном ее разрешении.

Но менее безнадежны перспективы «мирного сожительства» и «хозяйственной кооперации», если от товарного рынка перейти к рынку капиталов. Вытеснение Англии с этого рынка Америкой и темп этого вытеснения общеизвестны. Причина этого вытеснения не только в том, что в Америке денег больше, но и в том, что в Америке деньги дешевле. Чтобы оценить все значение этого факта, необходимо помнить, что миродержавная роль английской буржуазии опиралась на английский экспорт капиталов. Чем были для английской буржуазии экспорт капиталов видно из того, что из всех ценных бумаг, находившихся в 1912 г. в ее руках, только 44% приходилось на английские и 54% на иностранные¹⁾. Чистый доход от заграничных капиталов Англии составлял по данным «Economist» 210 милл. фунтов стерлингов. В 1924 году он снизился до 185 миллионов фунтов. Если при этом учесть рост цен и обесценение фунта, то мы получим сокращение заграничных доходов на 40, приблизительно, процентов. Этот процесс продолжается и в 1925 году. Квартальная средняя английских заграничных эмиссий в 1924 году составляла 31,2 миллиона фунтов, за первую половину 1925 года—почти в два раза меньше—около 17 миллионов фунтов²⁾. В то же время пассив торгового баланса возрос в 1924 году, в довоенных ценах более, чем на 25% сравнительно с 1913 годом и продолжает неудержимо расти и в 1925 г. Ползущая вниз кривая заграничных доходов и ползущая вверх кривая пассива торгового баланса образуют своеобразные «ножницы», дальнейший распад которых означает не что иное, как банкротство английского капитализма.

Таковы факты. Нужно быть, однако, социал-демократом и сотрудником «Die Gesellschaft», чтобы думать, что английская буржуазия будет взирать на эти факты с пацифистским благодушием и будет лепетать о мирном сотрудничестве и «хозяйственной кооперации», когда экономическое соотношение сил складывается против нее, влечет ее к банкротству. Достаточно бросить взор на карту колоний, на карту великих морских путей, над которыми господствует Англия, чтобы понять, что гниющий и разлагающийся английский капитализм все-же еще слишком силен, чтоб сдаться без борьбы, без вооруженной борьбы за свое место под солнцем. И Сидней Джессен, автор книги «О мировых интересах английской нефтяной промышленности», говоря об особой важности персидской нефти недаром подчеркивает, что «Персия относится к таким точкам земного шара, которые наиболее далеко отстоят от Соединенных Штатов, что в соответствующем случае явилось бы важным военным преимуществом».

Замысливание того факта, что дальнейшее существование капитализма необходимо означает новые войны, одурачивание масс разговорами о мирном, бескровном развитии капитализма—а в этом разговоре на добрую половину свелся, между прочим, и марсельский конгресс—составляет одно из величайших преступлений II Интернационала, предательство в своем роде не менее похабное, чем то, которое было им совершено в 1914 году.

¹⁾ Для Франции соответствующие цифры дадут 63 и 37 (См. «Статистический справочник» Вольфа и Мебуса, стр. 278).

²⁾ «Economist» 21/VIII.

Успокоив читателя тем, что в драке между европейским и американским капитализмом нет никакой необходимости, и все отлично устроится с помощью полюбовного раздела «сфер влияния», г. Войтинский снова припадает ухом к земле, снова прислушивается к тому, что там делается и снова вспоминает, что Европа оскудела, что она беднее и слабее Америки. Он вторично задается вопросом, что привело ее в такое состояние. И, успев забыть о том ответе, который он дал в начале статьи, он продолжает так, как будто никаких изменений «в энергетических основах мирового хозяйства»,—изменений, в которых наш «марксист» из «Die Gesellschaft», как мы видели, усматривал еще несколькими страницами выше исключительную причину всех и всяческих сдвигов—как будто никаких таких изменений вовсе и не произошло. На один и тот же вопрос г. Войтинский дает два ответа, ничего общего друг с другом не имеющих. Но в этой нелогичности есть своя логика, логика апологета, чернильного кули буржуазии. Когда надо доказать, что капитализм и война вовсе не повинны в хозяйственном развале, тогда на сцену выступает нефть. Теперь же г. Войтинскому надо экономически обосновать буржуазный пацифизм II Интернационала. Тут нефть уже не нужна, тут он о нефти сразу забывает, и на сцену выступает совершенно новая аргументация. Послушаем его:

«Что же привело Европу в ее нынешнее положение? Была ли то война? Отчасти и война. Но не она вызвала кризис; она его лишь ускорила и заострила. Был ли то капитализм? Частично, конечно, и капитализм. Но, ведь, капитализм существует и в цветущей, развивающейся по восходящей линии Америке».

На этой тираде стоит остановиться. Война здесь берется сама по себе, а капитализм сам по себе. Как будто война не была следствием капитализма. Что же касается капитализма, то и он объясняет кризис лишь «отчасти», потому что, ведь, и в Америке капитализм, между тем, она «цветет».

Аргумент «от Америки» поистине замечателен. У г. Войтинского, который был все же некогда не чужд марксизму, вдруг совершенно отшибло память о том, что существуют различные стадии капиталистического развития, которые очень друг на друга не похожи, и которые располагаются не только во времени, но и в пространстве. Современный английский капитализм так же не похож на английский капитализм 60-х годов, как и на современный индийский капитализм. Европейский капитализм заканчивает в настоящее время свой последний, империалистический цикл, за которым следует социалистическая революция, между тем как Соединенные Штаты в него только вступают (хотя вступают поистине семимильными шагами)¹⁾.

¹⁾ О темпе «империализации» американского капитализма дает некоторое представление выдержка из речи товарища г. Войтинского по II Интернационалу, американца Хилкита, произнесенной им на марсельском конгрессе: «Новое высказанное доктрина Монро гласит уже: не Америка для американцев, но Америка для Соединенных Штатов. На американском континенте имеется двадцать не зависящих республик, помимо Соединенных Штатов. Часть из них находится под официальным финансовым контролем Соединенных Штатов. В шести республиках капиталистические вложения опираются на военную силу.

И в той мере, в какой капитализм Соединенных Штатов уже вступил в империалистическую фазу своего развития, в нем начинают проявляться симптомы загнивания, замедления роста производительных сил. В интереснейшей работе проф. Фалькнера «Рост народного имущества и дохода Соединенных Штатов» мы читаем:

«Рассматривая выведенные в таблице № 10 показатели роста американского производства, мы видим, что за 20-летний период (с 1899 по 1919 г.г.) последнее увеличивается почти вдвое, с 64,5 в 1899 г. до 112,5 в 1919 г. Но если разделить этот период пополам, то мы убедимся в огромном замедлении темпа этого роста: в то время как первое десятилетие с 1899 г. по 1909 год продукция возрастает с 64,5 до 95,0%, т.е. почти на 47%, за второе десятилетие с 1909 г. по 1919 год она увеличивается с 95,0% до 112%, т.е. лишь на 18%, или почти в три раза медленнее. В этом разительном расхождении темпа продукции Соединенных Штатов и проявляется влияние мировой войны»¹⁾.

Империалистическая фаза и вытекающая из нее война, таким образом, принесла с собою резкое замедление роста производства Соединенных Штатов. Еще отчетливее это видно в другом месте той же работы проф. Фалькнера, где он весьма основательно расправляется с мифом о том, что империалистическая война «обогатила» Америку. После сопоставления целого ряда статистических показателей проф. Фалькнер говорит:

«Мы приходим к чрезвычайно существенному и многозначительному выводу, что народное богатство Соединенных Штатов в результате войны, при расчете на душу населения оказалось в лучшем случае стабилизированным... Ходячее в Европе представление об огромном обогащении Америки за время войны является, таким образом, фикцией. Война, да еще война такого напряжения, как война 1914—1918 г.г., обогатить не могла»²⁾.

«Цветение» американского капитализма, таким образом, оказывается весьма отпоспелым. Лихорадочная смена конъюктур, частые кризисы (1920—21, 1924 г.г.) и затяжные депрессии послевоенного периода, во всяком случае не дают никаких оснований скакать и играть по поводу его полнокровия. Хотя, разумеется, в американском капитализме только еще начинается тот процесс, заключительная судорога которого уже сводит европейский капитализм.

... В 1912 г. солдаты Соединенных Штатов высадились в республике Никарагуа. В 1915 г. американские солдаты ворвались в негритскую республику Ганты. В 1916 г. та же участь постигла республику Сан-Доминго. То же, примерно, произошло в Гондурасе*. Достаточно общеизвестна мексиканская полнотка Соединенных Штатов. Последние годы Соединенные Штаты проявляли огромную империалистическую активность на Дальнем Востоке. И, наконец, само собой разумеется, что участие Соединенных Штатов в войне 1914 г. тоже является не чем иным, как выражением того, что и они уже вступили в империалистическую стадию своего развития.

¹⁾ «Плановое хозяйство» № 5, стр. 187.

²⁾ «Плановое хозяйство», № 4, стр. 222.

Аргумент г. Войтинского «от Америки» является чудовищной передержкой. Но передержка здесь ему понадобилась за тем же, что и передержка с нефтью в начале статьи.

Расчистив путь и «доказав», что ни война, ни капитализм в кризисе европейского хозяйства по повину, он, наконец, разрешается от бремени и сообщает миру о своем великом открытии:

«Главное, основное различие между обеими частями света заключается в политическом и хозяйственном единстве Америки... Несчастье Европы в наследии ее тысячелетней истории, которая ее разединила и раздробила».

Поткрыв эту Америку, наш Колумб тотчас же извлекает политическое поучение:

«В предстоящей борьбе за сохранение своего места в мировом хозяйстве Европа должна раньше всего устранить источник своей слабости: свою хозяйственную балканизованность».

Итак, на нефть, на войну, на капитализм — причины современного кризиса Европы; все дело оказывается в ее хозяйственной балканизованности. Довольительно, однако, осведомиться у социал-демократического Колумба: почему несмотря на балканизованность европейский капитализм рос до войны, а не сгинул с первого момента своего появления, когда его балканизованность была не меньше, чем теперь? И во-вторых, не является ли эта балканизованность, в свою очередь, результатом не только тысячелетней истории, но и капиталистической конкуренции, капиталистической борьбы?

Замечательно, в самом деле, манера г. Войтинского искать объяснение кризису где угодно и в чем угодно, только не в капитализме, его стремление ценою любой передержки выгородить и оправдать буржуазию. Если и на этот раз «балканизацию» Европы он «выводит» не из капитализма, а из «тысячелетней» истории, то это по случайности и по обмолвке. Это ему нужно для того, чтобы показать, что преодоление этой балканизации отнюдь не предполагает преодоления капитализма, что оно возможно и в рамках капиталистического строя.

«Без европейского таможенного союза, — вещает г. Войтинский, — экономическое восстановление Европы невозможно».

А так как в этом деле больше всего заинтересованы страны, наиболее страдающие от кризиса, то

«инициатива создания «Соединенных Штатов Европы» должна исходить от Англии и Германии».

Болдуин и Лютер, Чемберлен и Штресман, дружно взявшись за руки, приступают к созданию Соединенных Штатов Европы. Злейший враг социал-демократов не мог бы приписать им большую пошлость и большую глупость.

Выше мы уже привели выдержку из «Империализма» тов. Ленина, которая вполне подчеркивает вопрос об «интер-империалистических» объединениях. Мы можем поэтому теперь ограничиться лишь одним замечанием: быть может духовное око г. Войтинского прозревает в хороводе «Соединенных Штатов Европы» не Болдуина, Кафо и Лютера, а скажем Мак-Дональда, Блюма и Отто Брауна. Дело от этого, однако, ничуть не меняется. Пративительства Мак-Дональда и Блюма, будут такими же империа-

листскими правительствами, как и правительства Болдуина и Пендлеве. За это говорит не только опыт «рабочего» правительства в Англии и знаменитое послание «рабочего» премьера в Индию. За это говорит и признание г. Войтинского насчет необходимости «расширения мирового хозяйства» и «раздела сферы влияния». Еще красноречивее об этом говорит приведенная нами выше в примечании выдержка из статьи Бакстона. Обединение социал-демократических правительств будет, следовательно, таким же «антиимпериалистским обединением» и «разделом» ныне правящих консервативных зубров. И так же, как и последнее, невозможно.

Постараемся конкретизировать вопрос. Можно ли сколько-нибудь серьезно говорить о Соединенных Штатах Европы, пока существует план Дауэса? Необходимо помнить, что план Дауэса—это не локально-германское явление. Под режимом дауэсизации находятся помимо Германии и Австрии и Венгрия. К дауэсизации неужели можно катится и Польша. Вполне очевидно, что до тех пор пока в Европе существуют отношения победителей и побежденных, пока существует режим систематического выколачивания одним государством из других контрибуций и процентов, до тех пор дальше какой-нибудь каррикатуры, вроде Лиги Наций, дело обединения Европы не может пойти.

А откажется ли правительство Мак-Дональда от плана Дауэса? Конечно, нет, раз Мак-Дональд был одним из активнейших участников его принятия и проведения, стоял, можно сказать, над его купелью. Мак-Дональд и Эррио в Женевском протоколе, который теперь выставляется как евангелие внешней политики II Интернационала—не посмели, даже заикнуться о ликвидации плана Дауэса. Где уж, куда уж!

Дальше, думает ли г. Войтинский, что Мак-Дональд захочет или сможет поделить с остальными «штатами» Европы, хотя бы мессульской нефтью? Захочет ли он и сможет поделиться с другими «штатами» Гибралтаром, Суэцким каналом, Сингапурской военно-морской базой? Достаточно поставить эти вопросы, чтоб стала очевидной невозможность другого ответа, кроме отрицательного.

Г. Войтинский и сам чувствует, что у него это не совсем гладко выходит. Он настолько проницателен, что даже предвидит некоторые возражения. У него так и сказано:

«Мы предвидим некоторые возражения. Нам могут сказать, что национальная раздробленность не является единственным противоречием во внутреннем строении современной Европы. Существуют дальнейшие, глубже идущие социальные противоречия. Лишь устранение этих противоречий, лишь осуществление социалистического хозяйства, может положить конец национальной ненависти. Поэтому и теперь, как и раньше, лозунгом пролетариата следовало бы остаться социализму».

Таковы возражения, которые «предвидит» г. Войтинский. Возражения, как видим, довольно веские, хотя на формулировке их лежит яркая печать социал-демократической пошлости. Что же отвечает г. Войтинский?

Он ссылается раньше всего на свою статью в августовской книжке «Die Gesellschaft» «О тенденциях количественного раз-

вития пролетариата». В этой статье он огорошивает мир необыкновенным открытием: оказывается, что фабрично-заводский пролетариат образует в настоящее время меньшинство населения земного шара, и, судя по темпу его количественного роста, большинством станет еще не скоро. Взболтав это открытие на дрожжах «теоретического» анализа, он извлекает из него следующее поучение:

«Попытка связать тактику изолированной борьбы рабочих (фактически только индустриальных рабочих) с идеей социальной революции, неизбежно приводит к следующей дилемме: либо ждать пока индустриальный пролетариат станет большинством, либо при определенных условиях действовать не будучи большинством. В первом случае социализм будет отодвинут в туманную даль, во втором—мы попадаем на скользкую дорожку, ведущую к идеологии переворота, производимого меньшинством и поддерживаемого диктатурой крови и железа».

Положение, действительно, тяжелое. Сказать, что социализм подлежит отодвижению в туманные дали нельзя, потому что это значило бы разоблачить себя перед рабочими, но с другой стороны—перспектива таких вещей, как переворот и диктатура, для социал-демократа во всяком случае неприемлема.

«Выход из этой дилеммы,—поучает дальше г. Войтинский,—надо искать во внимательном исследовании процессов развития современного капитализма».

Плодом этого внимательного исследования и явилась разобранная статья «Новое мировое хозяйство—новая мировая политика», напечатанная месяцем позже в сентябрьской книжке «Die Gesellschaft».

Что у нас получилось? Августовская статья кончается установлением «дилеммы», выход из которой должна была дать сентябрьская. Сентябрьская статья, в свою очередь, упирается в возражения, для ответа на которые нас отсылают к августовской.

Простим, однако, г. Войтинскому это неуклюжее отсылание от Понтия к Пилату. Посмотрим, как выглядит окончательный синтез результатов, добытых обоими статьями:

«Социалистический пролетариат не составляет еще большинства внутри существующего общества. Но он становится большинством постольку, поскольку ему удастся присоединить к себе своих социальных соседей—промежуточные слои, т. е. поскольку его классовый парол станет паролем широких народных масс, паролем и таких слоев, которые по своему положению к рабочему классу не принадлежат».

Как это ни странно, г. Войтинский здесь высказывает абсолютно верную мысль. Конечно, для того, чтобы иметь большинство пролетариат должен заключить союз с примыкающими к нему полупролетарскими и промежуточными слоями. Но самый факт заключения такого союза вовсе еще не означает, что этот союз будет революционным, что он приближает к социализму. Так, союз английского пролетариата с некоторыми элементами мелко-буржуазной интеллигенции, организационным оформлением которого является Английская Рабочая Партия, является пре-

пятствием на пути к социализму. Союз наиболее отсталой, отравленной религиозным дурманом части германского пролетариата с известными слоями мелкой (а частью и крупной) буржуазии, организационным выражением которого является католическая партия центра, также является фактором, отнюдь, не революционным. Точно так же и проповедь союза пролетариата с его «социальными соседями» может быть революционной и контрреволюционной, в зависимости от того, для чего этот союз провозглашается. Если для борьбы с капитализмом, для социалистической революции—тогда этот союз, конечно, революционен. Но само собой разумеется, что союз, предлагаемый г. Войтинским, имеет совсем другие цели.

«Из всего сказанного,—говорит он,—вытекает необходимость постепенного продвижения, шаг за шагом к социалистической цели. В данных исторических условиях преодоление балканизованности Европы и основание Европейских Соединенных Штатов представляется ближайшим этапом».

Значит, не союз для преодоления балканизации и войн революцией, а напротив, союз с гегемонией мелко-буржуазного пацифизма, который является одним из главных «мирных» инструментов империалистской буржуазии; это значит отказ от революции и одурачивание рабочих масс бесконечно-пошлой и нелепой утопией «Европейских Соединенных Штатов» при капитализме. Таков конечный вывод г. Войтинского.

Объективно работа г. Войтинского, как и работа бесчисленного количества ему подобных чернильных кули II Интернационала, является не чем иным, как попыткой буржуазно-пацифистского «переключения» революционной энергии масс, замазывания грозной опасности новой империалистической бойни, попыткой примирить как пролетариат, так и его «социальных соседей» с дальнейшим существованием капитализма. Голыми словами, однако, классы не убеждаются и не разубеждаются: классы учатся на фактах. Первый такого рода факт уже налицо: марокканская война. Ближайшее будущее принесет с собою новые факты, в свете которых международный пролетариат со всею ясностью увидит чего стоят декламации о мире при капитализме героев II Интернационала.

Факты послужат главным орудием революционного просвещения рабочего класса, просвещения, которое выразится, между прочим, и в том, что он прогонит социал-демократическую клику, а вместе с нею и ту свору писак, к которой принадлежит г. Войтинский.

Ф. Сулковский.

Не „терминологическая“, а просто путаница.

I.

В №№ 9—10 «Большевика» помещена статья Богущевского под ширококешательным названием: «О деревенском кулаке или о роли традиции в термивологии». Эта статья приходит после беглого разбора к выводу, что «кулак, как определенный экономический тип, доживает последние дни», что кулак «это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка—это вымирающие уже единицы». И как вывод, т. Богущевский устанавливает: «только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака», ибо «кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас».

Вот так штука! Оказывается, кулак—просто недоразумение. Его нет, и мы лишь зря болтаем, когда о нем пишем резолюции и статьи. Основная линия партии за все время революции (как равно до нее) определенно учитывала наличие кулаков. Когда в настоящем году был взят курс на усиление работы в деревне в связи с лозунгом «лицом к деревне», то одним из основных вопросов, вставшим перед партийными организациями и перед Центральным Комитетом был вопрос о кулачестве. «Вопрос о кулачестве,—говорит Молотов,—имеет в настоящее время большое значение» («Об очередных задачах работы в деревне»). Об этом же говорят и решения XIV партконференции.

И вдруг вопрос о кулачестве—иллюзия, чуть ли не карточный домик, нами зря выдуманный.

Тсв. Богущевский грубо ошибается. Постараемся это доказать.

II.

«Само собой разумеется,—пишет тов. Богущевский,—что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически-предпринимательского хозяйства». Это положение будет совершенно верным, если мы возьмем его, как теоретическое положение: действительно, сплошной военный коммунизм исключает кулацкое хозяйство. Но подбное теоретическое положение является теоретизированием в худшем смысле этого слова, когда мы его применяем к нашей действительности 1917—1921 г.г. Впервые, целые годы

ряд крупнейших районов был во власти белых (Украина, Сибирь); там в это время, конечно, военным коммунизмом и не пахло. Там были и поддерживали белых не бывшие, а настоящие кулаки. Во-вторых, крестьянские восстания, охватывавшие крупнейшие территории Украины, ряд районов Сибири, Тамбовской губ., были определенно кулацкими не только потому, что кулаки были вожди в этой борьбе против Сов. власти, но и потому, что в восставших районах, как правило, воскресал и возрождался кулацкий тип хозяйства. В-третьих, при безграничных пространствах РСФСР, несомненно, были и не в белых, и не в восставших местах районы с определенными кулаками, не бывшими, как на это напирал Богусhevский, но настоящими. С точки зрения диалектики, которой придерживаются марксисты, совершенно недопустима та абсолютизация, которой т. Богусhevский одаряет эпоху военного коммунизма. Жизнь есть жизнь, но не нагромождение абсолютных схем.

Поэзму Богусhevский совершенно неправ, когда утверждает, что «если мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоставляя его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла идти только о бывшем кулаке». Как видно из сказанного выше, речь шла о настоящем живом кулаке; звание кулака не было экономическим анахронизмом, а упиралось как раз в деревенскую экономику. То, что кулаков стало меньше и их роль сузилась весьма сильно, не означает их перехода в «небытие».

Но тов. Богусhevский не останавливается только на том, что якобы кулак стал экономическим анахронизмом, но утверждает, что разгром контр-революции (к концу 1920 г.) привел к тому, что контр-революционные поползновения «совершенно перестали находить какой бы то ни было отклик в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне». Поэтому, — дальше развивает свою мысль т. Богусhevский, — одно это поставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической «политики».

Поистине удивительные рассуждения.

Прежде всего замечательно, что контр-революционные поползновения особенно потеряли почву в деревне. Что же, рабочий класс был в то время правее крестьянства? Значит, крестьянство было в то время основной опорой Советской власти? Стоит поставить пред собою эти вопросы и вспомнить это тяжелое для Советской Республики время — и станет совершенно ясным, что контр-революционные поползновения не имели почвы под собою именно в рабочих крупных районах и в фабрично-заводских центрах (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск), крестьянство же, наоборот, далеко не обнаруживало того политического спокойствия, которое так категорически утверждает тов. Богусhevский. Вспомним Кронштадтский мятеж, Антоновское восстание в Тамбовской губернии, полосу восстаний в Сибири, Украинские бродячие банды — и мы увидим, что крестьянство в целом ряде случаев, руководимое кулаками, политически было против Сов. власти. Касаясь Кронштадтского мятежа — по существу крестьянского мятежа — Ленин писал: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, демократическая с лозунгами свободной торговли и всегда направленная про-

тив диктатуры пролетариата». (Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1).

В знаменитой брошюре «О продналоге» т. Ленин замечает: «Политическая обстановка к весне 1921 г. сложилась так, что немедленные самые решительные, самые экстремные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы». Именно политическое настроение крестьянства весной 1921 г. поставило ребром вопрос о переходе к новой экономической политике. А это настроение в ряде случаев было таково, что крестьянская, мелкобуржуазная стихия, руководимая кулацкими и эсеровскими (это часто одно и то же) элементами, шла на свержение Советской власти (тот же Кронштадт); а это разве не контр-революционное поползновение?

К тому же т. Богусhevский путается в трех соснах — и путается основательно. Лишним доказательством этого служит то обстоятельство, что дальше (на стр. 60) Богусhevский утверждает, что «замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее, без сомнения, примирили с советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно». Как это вяжется с приведенным выше утверждением об отсутствии какого-либо отклика контр-революционных поползновений в деревне? Ведь одно другое исключает, — это ясно для каждого грамотного человека.

Попытки т. Богусhevского доказать политическое и экономическое «небытие» кулака в 1920 г. в период после разгрома контр-революции и до новой экономической политики — являются совершенно несостоятельными. Противоречие эпохи военного коммунизма заключалось в том, что военный коммунизм оказался не в состоянии увязать фабрично-заводскую и крестьянскую экономику и установить между ними подлинную смычку, обеспечивающую удовлетворение потребностей широких масс трудового крестьянства. А отсюда, как частный случай, вытекает вывод, что военный коммунизм не был в состоянии ликвидировать экономически и политически кулака. Гоня природу в дверь — она летит в окно. И как мы ни истребляли экономически и политически кулаков, они в первых рядах сражались против нас и организовывали против Сов. власти более широкие крестьянские круги. Для упрочения нашего союза с крестьянством, рабочему классу надо было перейти на новые позиции, которые бы усиливали его влияние в деревне и позволяли ему в большей степени, чем до сих пор, связаться с трудовым крестьянством, изолируя от него кулака. Этим тактическим маневром, подводящим прочную базу под союз города и деревни и явилась новая экономическая политика.

III.

Переходя к периоду новой экономической политики и к современности, т. Богусhevский заявляет о необходимости перенести вопрос «на чисто экономическую почву». Против этого возражать не приходится. Но это свое для марксиста вполне понятное заявление тов. Богусhevский сопровождает двумя замечаниями, заслуживающими больше удивления, чем внима-

ния: 1) «Разгром контр-революции и введение напa, если, может быть, и не совсем, то во всяком случае почти совсем уничтожили тип политического кулака» (курсив наш. Ф. С.).

Совершенно ясно почему без основания т. Богусhevский придает ему благочестивый советский облик. Затем трудно понять т. Богусhevского, почему это он так упорно отделяет, выражаясь его словами, «политического» кулака от «экономического»; самое противопоставление является странным, а в данном случае непонятным. Самое большее, о чем можно говорить, это «не об уничтожении типа политического кулака», а об изменении политических настроений кулачества. Настроение кулака сейчас, оставаясь попрежнему антисоветским, все же иное, чем до годов напa, особенно в области тактической: до напa кулак пытался нас удушить восстаниями, а сейчас использует легальные возможности: борьба за советы и т. д.

2) Сам чувствуя недостаточность своего объяснения, т. Богусhevский поясняет: «Мы не хотим сказать, что в деревне одни только советские настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (почти исключительно партийно-эсеровские (?), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а, во-вторых, не находят себе обычного объяснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении субъекта (более всего, объясняясь, как сказано, партийной принадлежностью)» (курсив наш. Ф. С.).

Это дальнейшее пояснение чрезвычайно хромает. Верно, что настроению деревни стало более однородным, чем в годы перед напом, но почему антисоветские настроения — «почти исключительно партийно-эсеровские»? Это делает слишком много эсеров, в то же время не соответствует действительности: эсерство не покрывает собою антисоветских настроений.

Затем, как же это так «антисоветские настроения не находят себе обычно объяснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении субъекта, объясняясь более всего партийной принадлежностью»? А партийная принадлежность из воздуха приклеивается к мужику? С каких это пор состояние в партии не связано с социально-экономической физиономией членов? Ведь по Богусhevскому получается, что: а) антисоветские настроения случайны; б) антисоветское настроение кулака не объясняется его экономическим положением; в) партийная принадлежность приобретает самодовлеющее значение, хотя на самом деле именно она является производным фактором, и сама нуждается в объяснении.

Совершенно очевидно, что т. Богусhevский грубо ошибается: политическое настроение крестьянства опирается и соответствует его экономике; противником советской власти, в первую очередь и главным образом, являются именно кулаки, независимо от их партийности. А сама партийность (эсеровская) является уже следствием (далеко не обязательным) недовольства политикой Советской власти, т. е. результатом антисоветских настроений. Как известно, недовольство Соввластью ведет не только к эсерству, но и к анархизму и монархизму.

IV.

Наконец, т. Богусhevский переходит к определению того, кого можно назвать кулаком. Тов. Богусhevский отказывается «отыскать в старой литературе определения этого экономического типа» и тем самым свое объяснение кулака базирует на статьях т. т. А. Смирнова и М. Калинина. Как известно, и т. Смирнов и т. Калинин заостряли вопрос в определении кулачества не на моменте эксплуатации, а на ее особенных формах: ростовщичестве и кабале. По Калинин у получается, что под кулачеством следует понимать «закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые бы являлись для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде». По Калинин, примером кулацкой сделки следует считать случай, когда «крестьянин нанимает работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности» (цитата у Богусhevского). Те же самые соображения развивает и т. Смирнов. К ним безоговорочно присоединяется и т. Богусhevский, подчеркивающий, что кулак — это не всякий сельско-хозяйственный капиталист, а обладающий особыми чертами (кабала и ростовщичество).

Мы полагаем, что совершенно неверным является это построение.

Совершенно неправильно в качестве мерила брать среднюю плату в данной местности. С каких это пор у марксистов водоразделом экономических определений является размер заработной платы. Вы представьте себе мужика, который летом платит работникам среднюю для данной местности зарплату; по определению тов. Калинина, он не кулак; но, если он зимой зарплату понижает, он превращается в кулака. Представим себе еще местность, где средняя зарплата в силу ряда условий является буквально ищеньской, но мужик вынужден наниматься в работники, ибо массовая безработица, неухоженный его на это толкают. Сельско-хозяйственный предприниматель эксплуатирует его во всю, но раз он не понижает средней зарплату (и без того мизерной) он не является кулаком. Если мы этот пример с зарплатой перенесем в промышленность, то у нас получится: капиталист, платящий ниже средней ставки — эксплуататор, платящий выше не может быть зачислен по эксплуататорскому ведомству, а между тем мы все превосходно понимаем, что независимо от того, сколько платит фабрикант рабочему — больше или меньше — он настоящий капиталист, буржуа, ибо для нас основное не в размере зарплаты, а в самом факте эксплуатации, являющемся результатом капиталистических производственных отношений.

Тов. Богусhevский не любит ссылок на старую литературу. Постараемся порыться в новой уже советской литературе. В «Ответе на запрос крестьянина» (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 29) мы читаем следующее определение т. Ленина: «Кулаки — богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное». Коротко и ясно. Тов. Ленин не проводит разницы между мужиками в зависимости от того, какую зарплату они выплачивают своим работникам, а подчеркивает момент угнетения, т. е. эксплуатации чужого труда.

Эта эксплуатация идет по двум путям: а) найма; б) ростовщичества. Таким образом, мужик, ведущий свое хозяйство наемными руками—настоящий кулак. Несомненно, что в условиях Советского Союза ведение хозяйства наемным трудом далеко от широкого распространения, но дело не в том, насколько широко распространен этот способ хозяйствования, а имеется он или нет. На этот вопрос ответ может быть только положительным. Наивным втиранием самим себе очков было бы, если бы мы утверждали, что у нас нет хозяйств, ведущихся наемным трудом. Само собой разумеется, что хозяйство, лишь на время пользующееся наемными руками, кулацким названо быть не может. Эксплуатация рабочей силы должна быть основой ведения хозяйства; лишь в этом случае мы можем назвать последнее кулацким. Как семья состоящая из мужа, жены, работающих на службе, и 3 детей не может быть причислена к эксплуататорской на том только основании, что она имеет прислугу, так и крестьянское хозяйство в основном живущее своим трудом не имеет кулацкого характера.

Возникает вопрос: можно ли сказать, как это утверждает и тов. Богусевский, «что кулак—сельско-хозяйственный капиталист, обладающий особыми чертами»? Если говорить о кулаках, как об особой категории сельско-хозяйственного капитализма, то это было безусловно правильным в дореволюционное время, когда существовало помещичье землевладение. Но теперь помещичье землевладение весьма прочно отсутствует; и сейчас (если не считать сельско-хозяйственных концессионеров, роль которых не может быть значительной) единственными монопольными представителями сельско-хозяйственных капиталистов в СССР являются кулаки. К тому же особые черты, как их понимает Богусевский (кабала, ростовщичество), не являются, как разобрано выше, исчерпывающими понятие кулака. Потому мы вправе установить, что для переживаемого нами этапа диктатуры пролетариата понятия: «сельско-хозяйственный капиталист» и «кулак» взаимно покрывают друг друга.

Основная ошибка т. Богусевского, а равно т.т. Калинина и Смирнова, заключается в том, что они деревенское кулачество связывают исключительно с торгово-ростовщическим капиталом. Совершенно верно, что торгово-ростовщический капитал исторически предшествует образованию промышленного капитала и логически является необходимым условием этого образования (Н. Ленин, Собр. сочинений, т. III, стр. 138, «Развитие капитализма в России»),—это же по аналогии относится и к сельскому хозяйству, где капитал «не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, но обращается также и на производство». Но, как говорит Ленин, «нанимает ли крестьянин рабочих для расширения производства, торгует ли он землей или бакалейными товарами, торгует ли он коноплей, сеном, скотом и пр., или деньгами (ростовщик) он представляет из себя один экономический тип, операции его сводятся в основном к одному и тому же экономическому отношению» (там же, стр. 139), т.-е. к присвоению прибавочной стоимости.

Таким образом, нельзя противопоставлять, как различные в основе категории, крестьянина-ростовщика-торговца и крестьянина-производственного, живущего эксплуатацией наемного труда: оба представляют одну экономическую категорию—кулака.

V.

Сузив и извратив, таким образом, понятие кулака, т. Богусевский идет дальше семимильными шагами. По его мнению, развитие типа кулака невозможно и сейчас, при сравнительной слабости кооперации, тем более т. Богусевский считает невозможным это развитие в дальнейшем, когда внушительно окрепнет кооперация. По Богусевскому, кулаки—просто вымирающие единицы.

Даже, если мы примем исходную точку т. Богусевского о ростовщической базе кулачества, то для подобных «розовых» рассуждений и утверждений имеется весьма мало оснований. Еще меньше будет этих оснований, если мы к исследованию кулацкого типа подойдем без розовых очков. Посмотрим, что нам говорят цифры:

По данным Ц. С. У. к лету 1923 г. 6,2% крестьянских дворов относится к зажиточным и 1,8% к богатым (безусловные кулаки). К 1925 г. можно предполагать, что % кулаков доходит до 2—2,2. По подсчетам Ю. Ларина («Советская деревня», стр. 85—86), число хозяйств, нанимающих рабочих, колеблется в пределах от 400.000 до 600.000.

У Хрящевой мы находим следующие цифры, касающиеся гряды не пострадавших от голода губерний: хозяйства с посевами от 6—10 десятин составляли в 1920 г. 2,7%, а в 1924 г.—5,5%; с посевами 10—16 дес. в 1920 г.—0,7%, а в 1924 г.—0,7% («Большевик» №№ 5—6 за 1925 г.). Приведенная там же сводка дает нам для 1924 г. процент крупнопосевщиков от 6 дес.—9,5%, свыше 10—2,5%.

Эти цифры можно значительно умножить («Экономическое обозрение», «Плановое хозяйство», «На аграрном фронте», статьи Хрящевой, издания ЦК РКП и т. д.). Но и их достаточно для того, чтобы установить существующий процесс расслоения деревни и развитие и укрепление ее кулацкой верхушки. В современной деревне имеется почва для развития кулачества. В каких размерах—это вопрос другой. Поэтому существование кулака это—непререкаемый факт, который находит себе полное подтверждение в нашей политике. Последние перемены Советов это показали с удивительной отчетливостью. Не только в издавна кулацких местах, как Кубань, но и в таких рабочих районах, как промышленные округа Урала и губернии Центральной России, мы чувствовали политическое соприкосновение (большее или меньшее в разных местах) кулацких элементов, бравших не своим количеством, но своим качеством (экономическая зависимость от них части середняков и бедняков. активность и организованность). Развитие кооперации в деревне, помимо прочих препятствий, наталкивается также на резкое противодействие кулачества.

Но не только существование кулаков несомненно, безусловным фактом является рост кулачества. Экономика современной деревни создает условия, которые способствуют развитию буржуазной верхушки.

Резолюция XIV партконференции констатирует, что «начавшееся с изломом расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьян-

ской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства... Наряду с этим конференция высказывается за «недопущение в правление обществ явно кулацких элементов». Наша партия не боится констатировать того, что есть, и прямо признает существование кулачества и усиление его на известное время: факты—упрямая вещь.

Позиция же т. Богусhevского попросту смазывает существование кулачества. Какие там кулаки,—восклицает т. Богусhevский,—были да почти вышли, а сейчас они доканчивают свое разложение и исчезновение.

Чувствуя под ногами непрочную почву, т. Богусhevский ссылается, в качестве последней соломинки, на то, что «большим вопросом для крестьян является вопрос о том, «кого из граждан данного селения следует причислить к кулакам». Затруднения, конечно, в этом бывают, ибо точную, отчетливую границу между кулаком и зажиточным крестьянином провести трудно. Но значительная часть этих затруднений вытекает из того, что понятие кулака толковалось часто слишком распространительно и захватывало крупную категорию «хозяйственных» и «крепких» середняков. Конечно, этот аргумент т. Богусhevского ничуть не доказывает отсутствие кулака. В конце т. Богусhevский все же делает «одну оговорочку». Оказывается, есть «элементы, напоминающие кулачество», как-то: «особо невыгодные для одной стороны сделки» и «элементы ростовщичества». Оказывается, что хотя это—кулацкие элементы, но это еще не кулачество, ибо мы не можем утверждать «наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизировавших происходящие из этого (!) особые выгоды». Утверждение далеко неясное и неверное. Тенденция к обособлению, т.-е. к выделению, именно имеется.

Наивно указание т. Богусhevского, что «божеские» проценты берет каждое крестьянское хозяйство, настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить». Значит «божеские» проценты берет только определенная, имущая категория крестьянства. Ведь бедняк не сможет ничего одолжить, ибо ему нечего одалживать. Поэтому «божеские» проценты доказывают обратное тому, на что ссылается наш автор.

Совсем нелепо звучит рассуждение, что при аренде «в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянство, так как сплошь и рядом в аренду сдают сейчас крестьяне-полупролетарии, осевшие в промышленности, а арендуют более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплуатирует, разобрать нелегко». Зажиточный крестьянин, арендующий землю соседа, ушедшего на фабрику, по Богусhevскому, оказывается чуть ли не эксплуатируемым существом! Мужика, ушедшего из-за невозможности свести концы с концами в город на фабрику, т. Богусhevский готов зачислить в эксплуататоры!

Это—все же слишком! Всякому увлечению есть предел.

VI.

Статья т. Богусhevского является, независимо от субъективных взглядов автора, попыткой легализовать кулака, отрицая его существование и вводя его тем самым в состав полноправных

советских граждан. Она дает неверную перспективу происходящему в деревне процессу расслоения и излишне оптимистически расценивает классовые отношения в деревне.

Классовая борьба в деревне приобретает у Богусhevского прямо-таки идиллический характер. Давая совершенно неверный анализ классовым отношениям в современной деревне и делая из этого «розовые» выводы об отсутствии кулака, т. Богусhevский вступает в явное противоречие с позицией партии по этому вопросу.

Партия на основании объективного изучения деревенских отношений пришла к выводу, что классовое расслоение в деревне, выделение крепнущей и активной буржуазной верхушки, выдвигает перед нами исторической важности задачу—борьбу за середняка. Борьба за середняка происходит между городской буржуазией и деревенским кулачеством с одной стороны, и рабочим классом, руководимым партией,—с другой стороны.

Эта борьба происходит в своеобразных условиях, когда для усиления нашей промышленности, для увеличения рядов пролетариата для укрепления социалистического участка борьбы мы вынуждены развязывать новую экономическую политику в деревне, приводящую не только к укреплению наших позиций у бедняка и середняка (сельско-хозяйственный кредит, кооперация), но и к росту деревенской буржуазии, к росту кулачества, к росту на известное время капиталистических элементов.

В этом и заключается суровая диалектика переживаемого нами момента.

Соотношение сил социализма и капитализма в системе нашего народного хозяйства, как показывают нам годы непа, складывается из года в год в сторону советского государства, т.-е. социализма.

Но этот наш социалистический успех не должен мешать нам пристально следить за успехами капитализма в первую очередь в деревне. Опасность здесь далеко не преодолена. В деревне нам предстоит очень тяжелая, кропотливая работа, борьба. И лишь в итоге этой борьбы мы сможем сказать, что уже победил социализм. Поэтому мы проявляем такое внимание к деревне, поэтому мы ее так пристально пытаемся изучить.

По Богусhevскому же, деревня является наиболее спокойным участком нашего союза, где тишь, гладь, да божья благодать. Отсутствие кулака, отсутствие предпосылок для укрепления этого нашего злейшего и опаснейшего врага влечет за собой, как вывод, ослабление нашего внимания деревне, «почивание на лаврах». А именно это особенно опасно. Поэтому статья т. Богусhevского не только неверная, но и вредная статья.

На путях культурной революции.

(В порядке постановки вопроса).

I.

Речь идет о постановке широкой просветительной работы среди культурно-отсталых народов СССР,—среди киргизов, калмыков, башкир, бурят и др.,—которые диалектикой всемирной истории и победным ходом пролетарской революции в России поставлены ныне пред проблемой: «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹⁾.

Эта исторически данная проблема определяет собою в основном все своеобразие дальнейшего развития отсталых народов Советского Союза и определяет его как путь «культурной революции»²⁾. Ибо серьезное социалистическое строительство среди этих народов, т. е. в обстановке почти полного отсутствия развитой промышленной техники, капиталистической выучки пролетариата, чудовищной безграмотности, господства самых диких идеологических, психологических и религиозных воззрений, предрассудков и привычек,—мыслимо только на основе большого культурного сдвига, переворота. Без такого культурного переворота—выражаясь по Энгельсу—«революции сверху», 1917 г. нельзя будет дополнить «движением снизу», которое в капиталистически развитых странах обеспечивается наличием вышколенного капитализмом, классово-организованного и держащего в своих руках весь стальной костяк страны—пролетариата.

Формула—«к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»—означает процесс насаждения современной развитой общественно-производственной техники и принципов коллективистической культуры на девственной почве. Но для того, чтобы такая в огромной степени искусственная («сверху вниз») и, разумеется, плано-организованная посадка успешно могла приняться на этой почве, необходимо предварительно пройти по ней культурным трактором,—разорвать по крайней мере ее верхний слой—перевернуть дерно. В этом именно смысле и идет речь о предварительной «культурной революции».

¹⁾ «...с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». (Н. Ленин, Собр. соч. том XIX, стр. 226).

²⁾ «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов) и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, пред лицом которой мы все-таки теперь стоим». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 134—135).

II.

Обратимся теперь к конкретным фактам, характеризующим современный культурный уровень отсталых народов СССР.

В своих «Страничках из дневника» тов. Ленин приводит следующую таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 годы:

	Грамотных на 1000 душ населения					
	Муж. пола		Женск. пола		Всего	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европейск. Россия	326	422	136	225	229	330
2. Северный Кавказ	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (Западная)	170	307	46	134	108	218
Всего . .	318	409	131	244	223	319

Таким образом, население России в указанных в таблице пределах грамотно на 32%, т. е. меньше, чем на 1/3. «Это служит,—говорит тов. Ленин,—грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня»¹⁾.

Но даже эти 32% для многих народов СССР являются сейчас—в 1925 г.—идеальной цифрой.

Так, напр., по Бурято-Монгольской ССР процент грамотности понижается до 14,3%, а по самой крупной из автономных ССР—Киргизской до 2,5%²⁾.

Таким образом, русские при всей своей, выражаясь по тов. Ленину, «полуазиатской безкультурности» в 13½ раз грамотнее киргиз—коренного населения нашей самой крупной АССР. Факт чудовищный.

Этот факт, как и вообще интересы первоначального народного образования не могли не найти своего отражения и в нашем государственном бюджете.

Ассигнования по ведомствам Наркомпроса на 1924—1925 г.г. по данным государственной росписи (в тысячах рублей) дают следующую картину:

¹⁾ Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 105.

²⁾ См. Статистический сборник «Народное Хозяйство СССР в цифрах» год 2-й, стр. 49.

РСФСР в целом	70.638 руб.	25 проц. всего госбюджета
Наркомпрос РСФСР	63.128	"
Баш. АССР	808	33,3
Бур.-Мон. АССР	154	23,2
Дагест.	188	17,1
Карельск.	—	—
Киргизск.	1.959	42,8
Крым.	528	—
Немец.	252	31,1
Татарск.	1.078	36,7
Турк.	2.294	34,0
Якут.	249	35,9

Таково положение вещей в абсолютных цифрах. Но для большей конкретности приведем эти цифры в относительных показателях с одним общим знаменателем; посмотрим, что приходится на одну душу населения по более типическим республикам. В качестве последних возьмем РСФСР в 82.463.000 душ населения¹⁾ с 82% грамотности²⁾, Татарск в 2.925.100 душ населения с 18,9% грамотности, Бур.-Мон. АССР в 450.700 душ населения с 14,3% грамотности и Кир. АССР в 5.970.800 душ населения с 2,5% грамотности. По этим частям РСФСР мы получаем следующие цифры ассигнования по госбюджету на одну душу населения:

РСФСР	0,71 руб.	
Татарск. АССР	0,40	(наибольшая грамотность)
Бур.-Мон.	0,34	(средняя грамотность)
Кирг.	0,33	(наименьшая грамотность)

Цифры чрезвычайно характерные. Они прежде всего констатируют тот факт, что чем безграмотнее республика, тем она в меньшей доле обеспечивается за счет государственного бюджета. Выходит, что называется, шиворот навыворот; обратная прогрессия. При чем эта обратная прогрессия возрастет в геометрической степени, если принять в расчет еще местный бюджет. В местном бюджете цифра РСФСР будет еще в гораздо большей степени благоприятна. Это вне всякого сомнения, ибо промышленные и городские центры РСФСР со своими платными городскими школами, школами фабзавуча; с многочисленными видами профессионально-технического, клубного, театрального, художественного, музыкального и проч. и проч. образования; с периодическими и непериодическими самокупающимися партийными, советскими, профессиональными, кооперативными и другими издательствами и т. д. и т. д.—ассигновывают колоссальные суммы сверх государственного бюджета. А у татар, у бурят и у киргиз нет собственных городов и промышленных центров. Если у них и есть кое-какие городишки, то в них соб-

¹⁾ Без автономных республик, но со включением всех автономных областей. Цифры населения везде взяты по состоянию их на 1 января с. г. (см. названный «Статистический сборник», стр. 10—16).

²⁾ По Велкороссии 33,4% грам.; по автоном. областям с общим количеством населения в 4.294.600 душ—10,5% средней грамотности. Таким образом, общий и средний % грамотности РСФСР (без автоном. республик)—32,—как раз та самая цифра, которая, как мы указывали выше

ственно татарского, собственно бурятского, собственно киргизского населения, что называется, кот наплакал. Мы сбиты, к сожалению, не располагаем проверенными данными местных и городских бюджетов, но насколько интенсивна культурная жизнь в городских и фабрично-заводских центрах—нетрудно себе представить хотя бы по таким показателям, как, например, цифры распределения изданных в РСФСР книг. Вот три совершенно убедительные цифры:

В 1923 г. распределено книг:

по Москве	5.040 названий
Ленинграду	2.293
проч. местностям	3.477

Одна Москва поглощает книжной литературы почти в 1½ раза больше, чем все «прочие местности» вместе взятые, за исключением лишь Ленинграда. Один Ленинград поглощает этой литературы только в 1½ раза меньше, чем все «прочие местности» вместе взятые (разумеется, без Москвы). После этого уже совсем нетрудно себе представить, что может пасть на долю, например, великорусской или татарской деревни, не говоря уже о бурятском или киргизском кочевнике, который даже и папиросы не научился заворачивать из своих национальных газет и листовок.

Все это в конце-концов говорит о том, что тов. Ленин был тысячу раз прав, говоря, что «у нас делается еще слишком мало. Безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребности первоначального образования»²⁾ и в особенности—прибавим к этому от себя,—этих потребностей у наиболее, чудовищно культурно отсталых народов СССР.

III.

Так обстоит дело, так сказать, с чисто количественной стороны. Но посмотрим, каково положение вещей со стороны качественной; насколько рационально, с каким полезным результатом используются среди отсталых народов нашего Союза те жалкие гроши, которые, как мы только что видели, ассигновываются по нашему государственному бюджету.

С этим вопросом мы обратимся к самой важнейшей арене культурно-просветительной работы в народных массах—к народной школе наших отсталых национальных окраин.

Приступая к разбору постановки широкой совхозовской работы в особых условиях наших отсталых национальных окраин, необходимо строго придерживаться положения, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенных исторических рамках, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»³⁾.

¹⁾ См. тот же «Статистический сборник», стр. 79.

²⁾ Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 106.

³⁾ Н. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 94.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает, что мы должны вопрос наш рассматривать и разрешать в эпоху переходную от буржуазно-капиталистической к пролетарско-социалистической культуре и в условиях диктатуры пролетариата, т. е. ответить на вопрос, какие общие проблемы и методы разрешения этих проблем выдвигает данная историческая эпоха. Но на этот вопрос мы уже ответили в начале настоящего реферата, говоря о ленинской формуле, «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» и о «культурной революции». Поэтому нам сейчас остается лишь остановиться на «конкретных особенностях» культурно-отсталых народов нашего Союза с точки зрения интересующего нас вопроса—школьного вопроса.

Важнейшее основное, что необходимо отметить с самого начала—это то, что в огромной своей массе эти народы не только не доразвились до буржуазно-капиталистической машинно-промышленной культуры, но они даже стоят за порогом мелко-буржуазной оседло-земледельческой экономики. Эти народы в основной своей массе еще пребывают в стадии примитивного кочевого и полукочевого скотоводческого быта.

По данным ЦСУ по тем национально-автономным образованиям, которые мы приводим как типические, на 100 душ населения (за 1924 г.) приходится:

Бурят.-Мон. АССР	158	голов скота
Киргизск.	125	„
Калмыц. Авт. Обл.	114	„ в то время
как всего только	511	„ в среднем

приходится по губерниям Тульской, Рязанской, Пензенской, Орловской, Тамбовской, Курской и Воронежской—центрально-земледельческой Великороссии. Эти данные говорят о господстве экстенсивного скотоводства у данных народов. Об этом весьма убедительно свидетельствует % сенокосных и выгонных угодий к общей площади удобной земли. Вот соответствующие данные Центр. Стат. Управл.

В Западном Крае сенокосов	20,7	% выгонов	2,2	%
„ Центр.-Земл. Крае	6,8	„	2,7	„
„ Калмыц. Авт. Обл.	2,6	„	87,9	„
„ Киргизской АССР	к сожалению, сведений нет			
„ Бур.-Мон.	то же	1)		

Из этих данных следует, что наши скотоводческие народы сено почти не косят, а скот свой содержат почти исключительно на «подножном» корму, ибо у них сенокоса почти не оказывается, но зато у них огромные площади выгонных (пастбищных) угодий; значит, у них кочевое, или, в лучшем случае, полукочевое экстенсивное скотоводство—«табуны калмыцких коней пасутся вольно и не хранимы».

С точки зрения интересующего нас вопроса выдающейся особенностью в жизни отсталого-скотоводческих народов является

1) См. тот же «Статистический Сборник», стр. 203, 205, 207 и 209.

2) См. тот же «Статистический Сборник», стр. 132—137.

характер их расселения. Экстенсивное скотоводство, в основе которого лежит принцип количества, а не качества, разбрасывает население в пространство. Для того, чтобы содержать свои многочисленные стада на дико растущем подножном корму, скотоводу нужны обширные пастбища и усадебные выгоны. Это обстоятельство исключает всякую возможность образования у скотоводов крупных и компактных поселений. Скотоводческий улус (поселок) обычно состоит из 4—7 дворов, расположенных друг от друга (благодаря своим обширным скотным дворам и усадебным выгонам) на весьма и весьма почтительном расстоянии. А расстояния между улусами простираются на 3—7, нередко и еще больше верст. Но этого мало. Улусы эти не всегда обитаемы. Они делятся на две категории: «зимники» и «летники». Первые расположены в местах сенокосов и хлебных полей. В них скотоводы живут только в течение зимы—в период зимней кормежки скота. С наступлением весны, с появлением свежего подножного корма на летних пастбищах скотоводы вместе с своими стадами из «зимников» перебиваются в «летники», где они остаются до осени, до окончания уборки сена и хлеба. Таким образом, скотоводы расселены не только чрезмерно разбросанно, но и текуще, при чем дело обстоит так при так называемом полукочевом скотоводстве. Что же касается вполне кочевого скотоводства, то оно почти совершенно не знает улусов с неподвижными строениями. При нем население постоянно кочует в поисках все новых и новых пастбищ для своих стад; кочует вместе со всем своим скарбом, в том числе и с жилищами—переносными войлочными кибитками или юртами; кочует во все времена года.

IV.

Теперь посмотрим, как влияет на школьное дело эта своеобразная обстановка экстенсивно-скотоводческого быта.

Прежде всего она начальную народную школу обрекает на примитивно-кустарный тип. Обыкновенная сельская школа на 40—50 учащихся при одном учителе в условиях скотоводческого расселения совершенно невозможна. Чтобы укомплектовать такую школу до нормальной со нагрузки, потребовался бы район с радиусом в 15—20 верст. Другими словами, для того, чтобы посещать такую школу, торчащую в улусе из 4—7 кибиток, огромному большинству учеников, пришлось бы каждый день приезжать за 15—20 верст, что, конечно, технически и физически невозможно. Поэтому средний «нормальный» контингент учащихся бурятской, киргизской, калмыцкой начальной школы 13—17 человек детей. Но и такая кустарная школа при полном комплекте должна обслуживать целую группу улусов, расположенных от 3 до 10 верст от школы, так что школьники из более отдаленных улусов могут регулярно посещать школу, лишь имея в своем исключительном пользовании верховую лошадейку. И лишь дети ближайших улусов приходят на уроки пешком с дневным запасом продовольствия,—да при том только дети достаточно хорошего нитания и достаточно хорошо одетые и обутые. А дети бедняков и батраков или вовсе не в состоянии посещать школу, или если кто-то посещает, то так нерегулярно, что рано или поздно все равно исключается из школы.

После окончания уроков школа запустевает до следующих уроков. Учащиеся поодиночке и подвоем кто верхом, кто пешком распыляются по окрестности школы. Внеурочное время они абсолютно вне поля зрения и организующего влияния школьного учителя. И вообще, вследствие своей распыленности на огромном пространстве, дети скотоводов не поддаются организации и коллективизации, почему различные формы детского и юношеского движения, столь успешно ныне развивающиеся в городах, промышленных и сельскохозяйственных районах, не прививаются в условиях скотоводческих стран.

Само собою разумеется, что для такой миниатюрной школы нет почти никакого смысла строить специальное здание. Поэтому она, как общее и ненарушаемое правило, ютится в избушке жилого типа, арендуемой у какого-нибудь богатого скотовода и построенной по самой примитивной улусной констатации: темной, грязной, душной. Вообще трудно себе представить что-нибудь более антисанитарное, чем такая улусная школа. И неудивительно, что врачи европейской медицины единодушно констатируют факт исключительно большой заболеваемости и смертности школьных детей и большой процент туберкулезно-больных народных учителей у скотоводов. И недаром даже в народной массе утвердилось мнение, усиленно поддерживаемое служителями культа — муллами и ламами — о вредности школы вообще.

Таково общее положение школьного дела в особых объективных условиях экстенсивно-скотоводческого быта.

Конкретизируя это положение, не трудно прийти к следующим основным выводам:

1. Экстенсивно-скотоводческая экономика, обуславливающая чрезмерную распыленность и текучесть населения, стоит в непримиримом противоречии прежде всего с современной школьной техникой; так в ее объективных условиях невозможна школа технически, санитарно и педагогически рациональная и соответствующих размеров. Между тем современная передовая советская школа, основывающаяся на так называемом активно-действенном трудовом методе воспитания и обучения, может правильно функционировать только на базисе сложного технического оборудования: лабораторий, мастерских, опытно-показательных полей и т. п.

2. Экстенсивно-скотоводческая экономика стоит также в резком противоречии к основной цели современной советской педагогики, задаче воспитания гражданина и деятеля социалистического общества; к выработке и развитию в детях приемов и навыков организованно-коллективных действий и творческой активности, ибо эта задача, согласно научным принципам марксистской педагогики, разрешается на началах организованно-коллективной самостоятельной трудовой активности детей. Для этого служат как различные формы организации детского и юношеского движения, так и специфические школьно-ученические самостоятельные коллективы, которые возможны лишь в более или менее крупных и компактных населенных пунктах и, наоборот, совершенно немислимы в условиях чрезмерной разбросанности и подвижности скотоводческого населения.

3. Объективные условия экстенсивно-скотоводческого быта обрекают улусного школьного учителя на медленный, но тем более верный культурный регресс. Оторванный многими десятками, а иногда и сотнями верст от всего культурного мира и лишенный

не только развитой современной школьной техники, но даже самого элементарного орудия своего труда, который, к стати, протекает в убийственных для человеческого организма условиях, — школьный учитель не только не в состоянии реализовать в жизни хотя бы самые необходимые принципы советской научно-социалистической педагогики, но даже он не в состоянии поднять свою собственную профессиональную квалификацию до уровня понимания этих принципов. Одиноким, нищим, погруженный в мрак народного невежества и предрассудков и, как общее правило, больной — он в конце-концов сам нивелируется под уровень окружающей его материально-моральной среды. Судьба его больше, чем печальна.

4. Присущая кочевому или полукочевому скотоводству разбросанность и распыленность населения извращает классовую линию в области школьного дела — этой единственной формы массового образования у скотоводов: народные школы отсталых скотоводческих национальностей объективно недоступны детям батраков и бедняков. Слабосильные от рождения, полуголодные, одетые в жалкие рубища и пешие, дети улусной бедноты физически не в состоянии преодолевать огромные расстояния от их когур до школы. Получается вопиющий парадокс: народные школы советского государства недоступны для детей бедноты и паишного батрачества — этих единственных социальных опор советской власти у наших отсталых, докапиталистической культуры народов; и эти дети стихийной силой вещей обрекаются на участь социальных отбросов.

Таким образом, экстенсивно-скотоводческая экономика, распыляя скотоводческое население наших отсталых национальностей окраин по ширям огромного и дикого пространства, при существующем положении школьного дела в этих окраинах стоит в непримиримом противоречии как с общими принципами и методами советской научно-марксистской педагогики и обусловленной ею современной школьной техникой, так и с самой классовой линией школьно-просветительной политики первого в мире государства пролетарской диктатуры.

Из этого, по нашему мнению, совершенно непрерываемого вывода следует, что существующая сейчас и обуславливаемая скотоводческой экономикой наших отсталых народов школа-примитив — ныне ступень уже перешагнутая самой жизнью, и частности, особым призванием новой трудовой школы, школы коммунизма. Наши культурно-отсталые народы, волею судеб идущие к коммунизму путями «культурной революции» и «минуя капиталистическую стадию развития», сейчас поставлены пред повелительной необходимостью приступить к коренной реформе своей народной школы первоначального образования.

V.

Эта реформа должна разрешить три основные и общие задачи:

Во-первых, школу первоначального народного образования сделать не только совершенно, но и преимущественно доступной для детей беднейших слоев населения. Задача огромного политического значения.

Во-вторых, организовать школьную детвору в самостоятельные коллективы на почве интересов школьной и внешкольной

ной жизни детей, являющихся главным фактором активно-действенного коммунистического воспитания.

В-третьих, как говорил тов. Ленин, «поставить народного учителя на высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре»; это—забота «над его (народного учителя) духовным подъемом и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию»¹⁾.

Первая и вторая из указанных задач в условиях экстенсивно-скотоводческого быта отсталых народов СССР могут быть разрешены лишь организацией при начальных школах обширных и образцово поставленных интернатов. Только интернат может помочь детям бедных родителей, особенно детям батраков, регулярно посещать начальную школу; только собранные в образцово оборудованный интернат эти дети могут быть организованы в самодеятельные коллективы; наконец, только он может позволить перейти к крупным с современной техникой школам. В этом последнем смысле интернат поможет разрешить и третью задачу—улучшить материальное и моральное положение народного учителя. Ибо только в школах крупного масштаба народный учитель будет поставлен в условия современной школьной техники и педагогики. Для надлежащей подготовки народного учителя, для того, чтобы «поставить народного учителя на высоту», соответствующую его действительно высокому званию,—для этого необходимо перейти к так называемой предметной системе преподавания в школе, т. е. к узкой и, следовательно, углубленной специализации народных учителей по отдельным свободно избранным ими научным дисциплинам. Реализация предметной системы преподавания в школах первоначального образования, являющаяся заветной, по—увы, до сих пор и заповедной мечтой народного учителя, возможна лишь в школе крупного масштаба, в школу, в которой будут сотрудничать одновременно 5—6 преподавателей, образующих вместе школьный педагогический совет. Кстати, последний, развивая и обобщая педагогический опыт своих членов, приобретет особенно выдающееся значение в переходный от буржуазно-идеалистической к научно-марксистской педагогике период. Достаточно будет одного марксистски подготовленного члена такого школьного педагогического совета, чтобы обеспечить нужной тонкой всей жизни школы.

Таким образом, вопрос об образцовом интернате, по существу есть альфа и омега предстоящей реформы начальной школы культурно-отсталых народов СССР. «Без разрешения вопроса об общежитиях,—как совершенно правильно заявляет в своем официальном отчете второму всебурятскому Съезду Советов Наркомпрос Бур.-Мон. АССР,—не разрешить и вопроса школьного образования»²⁾.

Из изложенного уже достаточно явственно вырисовывается общий контур новой школы. Из того, что она должна функционировать при 5—6 одновременных постоянных штатных преподавателях, следует, что эта школа должна одновременно вмещать 125—150 человек учащихся. Радиус района, обслуживаемого такой школой, при описанной выше редкости скотоводческого населения

¹⁾ Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 106 и 107.

²⁾ См. сборник «Бур.-Мон. АССР. Очерки и отчеты за 1923—24 г.» стр. 273. Изд. Госплана Б.-М. АССР, г. Верхнеудинск, 1925 г.

будет настолько огромен, что минимум 75—80% учащихся не будут в состоянии посещать школу из дома и будут нуждаться в школьном интернате. Поэтому последний должен быть по своему объему достаточен, приблизительно для ста человек детей. Наконец, для того, чтобы такой обширный интернат поставил действительно на образцовую ногу, необходимо организовать при нем опытно-показательную школьную с.-х. ферму с подсобными кузнечно-слесарно-столярными мастерскими, на которой школьники-интерны будут заниматься производительными трудовыми процессами. Кстати, эта школьная ферма наряду со своим опытно-показательным значением должна сыграть большую роль и в школьной экономике. В этом смысле она должна стать главной и даже исключительно поставщицей продуктов продовольствия для пансионеров школьного интерната.

Таким образом, в своих важнейших основных чертах пореформенная советская трудовая школа первой ступени у бурят, калмыков, киргиз и других скотоводческих народов нашего союза будет представлять из себя соединение трех элементов: школы, интерната и фермы. Поэтому предстоящую школьную реформу у названных народов следует представлять как переход от примитива к высокому образцу.

VI.

Целесообразность, как и своевременность этой реформы, не подлежит никакому сомнению. Но, однако, столь же несомненно, что эта реформа может быть осуществлена только ценою огромных материальных жертв, при сильнейшем напряжении местных финансов и при мощной поддержке общесоюзного государственного бюджета. Так что практическое осуществление этой реформы в полном ее объеме следует представлять как процесс длительный, рассчитанный на ряд лет, например, на десятилетие. Но тем не менее необходимо как можно скорее приступить к этой реформе на деле. В этих целях необходимо воспользоваться плодами былого урожая пятилетнего года и развернуть первую сеть новых школ.

На первых этапах реформы новые школы должны быть ориентированы исключительно на детей беднейших слоев. Первая сеть новых образцовых школ должна быть сетью своего рода привилегированных батрацких лицеев¹⁾.

При приступлении к этой реформе надо строго придерживаться принципа «лучше меньше, да лучше». Надо начать хотя бы с того, что построить один такой образцовый батрацкий лицей на уезд (при уездном центре), но зато построить по последнему слову школьной техники, педагогики и гигиены—построить так, чтобы эта школа стала гордостью народа и пролетарского государства. Эта школа в своем развернутом виде должна из себя представлять целый школьный городок-сад: вокруг громадного школьного здания²⁾ должны быть в строго-плановом порядке

¹⁾ Несомненно, что эти школы из года в год будут расширяться дополнительными классами школы второй ступени и с течением времени превратятся в особые батрацкие политехникумы с агрикультурным уклоном.

²⁾ В плане самого школьного здания должен быть предусмотрен просторный рекреационный зал, который одновременно должен служить помещением для обще-ученических собраний, публичных лекций и докладов, театраль-

расположены—админе интерната, дома под квартиры служебного школьного персонала, надворные постройки, служебные и жилые постройки школьной с.-х. фермы и т. д., и т. п.

Эта школа будет иметь огромное политическое значение. Она будет своего рода фабрикой, вываривающей в своем котле сырой батрацкий материал в классово-сознательных пролетариев. Советское государство должно искусственно сфабриковать классово-сознательных пролетариев там, где об этом не успел позаботиться капитализм. Сфабриковав таких пролетариев и влив их в свой партийный и государственный организм, советская власть народы докапиталистической культуры поведет, как говорил тов. Ленин, «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». Ибо глубокий смысл этой формулы ленинизма заключается в конце концов именно в том, что отсталые народы в силу диалектического движения всемирной истории перешедшие на советский строй, опирающиеся на могущественнейшее государство пролетарской диктатуры и не имеющие у себя дома объективных материальных предпосылок для строительства социализма,—должны начать это строительство с создания субъективных культурных предпосылок. Как политической революции предшествует революция идеологическая, а политическая революция в свою очередь предшествует революции экономической,—так к объективно-материальным предпосылкам к социализму необходимо предполагаются прежде всего субъективно-культурные предпосылки—так называемый субъективный фактор социалистической революции: партия коммунистического пролетариата, а за отсутствием последнего партия революционно-социалистических элементов данного общества.

Но из кого, из какого конкретно-человеческого материала мы должны выпестовать настоящую революционную и подлинно-большевистскую партию среди народов докапиталистической культуры, т.-е. там, где нет не только организованного классово-сознательного пролетариата, но где даже нет развитых товарных отношений; где преобладает до сих пор натуральная или, в лучшем случае, полунатуральная форма хозяйства, покоящаяся по существу на авторитарно-родовом социальном строе? В самом деле, какова фактически социальная структура наших экстенсивно-скотоводческих народов?

В основных своих чертах эта структура сохранила авторитарно-родовой общественный строй.

На вершине этого строя—фамильно-родовая знать. Слой не только эксплуататорский, но и правящий; правящий на основании личного фамильного авторитета, опирающегося на традиционное «обычное право». Слой безусловно реакционный, во время гражданской войны питавший контр-революцию. К нему примыкают элементы реакционно-теократического духовенства—муллы и ламы.

В середине этого строя—свободные скотоводы, развитые, как указывалось выше, на многочисленные мельчайшие улусы, по

них представлен, музыкальных концертов, школьных детских вечеров, а также помещением школьного краеведческого музея. Между прочим последний, изучая школьный район (в данном случае улус), являющийся в буквальном смысле слова terra incognita (неизвестной землей), должен выполнять и, несомненно, выполняет чрезвычайно важную и актуально-практического значения научно-культурную работу, оставаясь одновременно ценнейшим учебно-наглядным пособием при прохождении предметов: краеведения, естествознания, родной истории по школьной программе.

существу представляющие из себя разросшуюся семью и объединяющиеся в родовые, а затем племенные союзы с родовыми и племенными заправилами во главе. Последние представляют из себя агентуру высшей фамильно-родовой знати. Слой, политически и идеологически находящийся под сильнейшим влиянием своей реакционной социальной верхушки и во время гражданской войны занимавший «благожелательный» для последней нейтралитет; слой консервативный.

В подвальной этажке этого строя—беднота и батрачество. Самый многочисленный и самый отсталый слой; слой, находящийся не только в безысходной нужде и экономической зависимости, но фактически—и в личном порабощении от верхних социальных этажек. Он в массе своей политически безличен. Его социальное классовое сознание парализовано не только его угнетенным безличным положением, но и еще больше—авторитарно-родовой и возникающей из нее религиозной идеологией, по которой знатный и богатый—носитель народной мудрости, народного сознания, а беднота¹⁾—его рабы по призванию. После революции²⁾ в глазах и в сознании этого слоя выросла революционная интеллигенция. В лице последней он стал видеть восходящую и превосходящую национальную фамильно-родовую знать силу, которой он постепенно начинает сознательно симпатизировать. В острые периоды гражданской войны этот слой выделил из себя отряды преданных революции бойцов, которые не раз сражались с оружием в руках с своей доморощенной национальной контр-революцией. Наиболее передовые, сознательные, «тертые», «бывалые» элементы из этих отрядов впоследствии вошли в партию, образуя ее батрацкие элементы, из которых затем выработались выдающиеся и наиболее устойчивые партийные и советские работники.

Поэтому на поставленный выше наш вопрос мы отвечаем: настоящая революционно-коммунистическая, подлинно-большевистская партия среди культурно-отсталых народов СССР должна выпестоваться именно только из этого батрацкого материала; именно только из этого человеческого материала мы должны выработать (именно выработать) субъективный фактор социалистической революции и к достижению этой именно цели должен быть направлен в первую голову центр тяжести всей нашей культурно-просветительной работы среди отсталых народов нашего Советского Союза. Без этого немислимо прежде всего нормальное развитие партийных организаций, немислимо даже искоренение тех внутрипартийных трений и склоков, кои за последнее время

¹⁾ Забитая в буквальном смысле слова: «В детстве меня били все,—пишет в своей интересной автобиографии бывший батрак, ныне видный калмыцкий партийный работник тов. Амур-Самон,—все, кому только было не лень, так же били моего отца. И били нас так, что я никогда этого не забуду: били больно, унижительно, издевательски. Мой отец все свое зло вымещал только на моей бедной и всегда больной матери. Мое детское сердце разрывалось от злости, обиды и несправедливости». (См. книгу Амур-Самон «Мудренкины сыны». Изд. «Прибой», 1925 г.).

²⁾ До революции этот авторитарно-родовой строй знал социальные расхождения только по вертикальной плоскости—борьбу рода с родом, племени с племенем, порождаемую антагонизмом между знатно-фамильными группировками, их конкуренцией за сферу и масштаб влияния, почему отдельные моменты внутренней истории наших отсталых народов носят названия, происходящие от фамилии знатных типов. Расслоения по горизонтальной плоскости он совсем не знал. В этом, собственно, и заключается существо авторитарно-родового строя.

у наших остальных национальностей стали явлениями почти бытового и хронического порядка, сигнализирующими, что батрацкая пехота нашей партийной армии долженствующая, как мы видели, образовать настоящий пролетарский костяк последней, превратить ее в подлинно-большевистскую партию у наших остальных национальностей, — эта батрацкая пехота отстает и уже отстала.

И вот, исходя, из учета этого основного и несомненного факта, мы говорим о том исключительном политическом значении, которое приобретут образцовые школы-интернаты для детей батраков, как единственные формы организации и просвещения армии национального батрачества, ныне неудовимо распыленного, потому не поддающегося не только профессионально-классовой организации, но и даже простому статистическому учету.

Эти школы есть то «очередное звено», за которое необходимо ухватиться со всей силой, чтобы удержать и овладеть всей цепью, которую мы называем «культурной революцией». В ближайшее время эти школы в ходе естественного своего развития, как мы говорили выше, должны превратиться в средние батрацкие лицейно-политехникумы, которые будут пачками выбрасывать классово-сознательных и достаточно научно подготовленных организаторов во все отрасли партийной, административной, культурной и хозяйственной работы; которые будут работать со всей преданностью, со всей энергией, со всем присущим пролетарию революционным энтузиазмом и без которых не может быть и речи о той «культурной революции», при помощи которой остальные народы нашего великого союза должны прийти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

VII.

Выше мы приводили цифры грамотности народов России. Мы видели, что эти цифры в отношении многих наших скотоводческих народов являются показателями не степени грамотности, а, вернее, степени безграмотности, степени варварства. Так, если мы говорим, что 91% башкир, 96% калмыков, 97,5% киргиз, 98% кабардинцев, 99% балкарцев абсолютно безграмотны, то речь идет не о степени культурности, а о глубокой дикости этих народов. Но если наряду с этими «варварскими» цифрами устанавливаем, что наиболее культурные, наиболее богатые из этих народов по своим государственным бюджетам расходуют не свыше 40 коп. на душу населения, то здесь, несомненно, мы имеем дело с фактом вопиющей диспропорции и с таким темпом культурного прогресса этих народов, при котором всякие разговоры о культурной революции могут звучать лишь юмористически.

Эти цифры говорят о полной беспомощности, о полной несостоятельности этих народов выбиться собственными силами на широкий и светлый путь социалистической культуры. Они говорят о том, что весь жизненный сок этих народов был выжат железным прессом колониально-полицейского режима паризма, — режима союзов приката, попи и спирта; что пролетарская революция эти народы застала в состоянии, когда их жизненный уровень был низведен ниже так называемого физиологически необходимого

минимума, когда эти народы начали вырождаться и вымирать, что уже установлено статистически; и что без мощной поддержки со стороны населения бывшей метрополии (куда в свое время и были выкачаны богатства остальных колониально- и национально-угнетаемых народов) эти народы не смогут идти в ногу с революционным пролетариатом СССР¹⁾.

Говоря о темпе культурного подема наших остальных национальностей, еще находящихся на ступенях примитивно-кочевой экономики, следует сказать, что в самых условиях их хозяйственного быта мы находим залог к тому, что темп этот при достаточных финансовых возможностях превзойдет всякие ожидания. Ибо теорией марксизма установлено, что интеллект (разум)номада (кочевника) развит²⁾. У кочевника-скотовода борьба за непосредственное существование не составляет всепоглощающего момента в его жизни. Он беспечно кочует за своими огадами в поисках «подножного» корма. Его многочисленные стада для него являются почти бесплатным даром природы; эти стада живут и размножаются почти без всяких трудовых усилий со стороны их хозяев. У кочевника-скотовода всегда огромный досуг, который дает ему возможность изощряться в области отвлеченно-рассудочных упражнений. Во всяком случае интеллект скотовода-номада не ниже, а скорее выше³⁾ интеллекта крепостного или закабаленного кулацко-ростовщической системой эксплуатации крестьянина-земледельца. Мы говорим «скорее выше», ибо является несомненным то, что так называемого необходимого рабочего времени у крепостного или закабаленного крестьянина неизмеримо больше, чем необходимого рабочего времени у скотовода-кочевника; ибо, чем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя, тем больше должен быть избыток его трудовой энергии, идущей на ту или другую, форму интеллектуального совершенствования по пути борьбы за лучшую жизнь; к сожалению, номад находил ее до сих пор только в небесах.

¹⁾ Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует с непрерываемостью точного математического вывода сопоставление следующих четырех цифр: например, Кир. АССР, тратя — как мы выше указывали — на дело нар. обр. 33 коп. на душу своего населения, охватывается, превосходит 42,8% всего своего госбюджета. А весь СССР в целом (значит, включая и Кир. АССР) тратит по нар. обр. 82 коп. на душу населения. Но эта относительно очень крупная цифра составляет лишь только 24,9% общесоюзного госбюджета. Отсюда конкретный вывод: общесоюзный госбюджет почти в 4^{1/2} раз благоприятнее общекиргизского. Цифра, которая может порадовать любого меньшевика, полвагающего, что киргизы социализма не видят, как своих ушей.

²⁾ К. Кавтский в своем «Размножение и развитие в природе и в обществе» утверждает категорически, что «нибольшее развития в борьбе за существование достигнет интеллект народных масс в эпоху номадной жизни на суше и «в море» (Госизд., 1919 г., стр. 93).

³⁾ Правильность этого в конечном итоге чисто теоретического положения подтверждается с полной несомненностью фактами эмпирического порядка. Так по единодушному свидетельству просвещенных и компетентных наблюдателей, — ученых этнографов, педагогов, врачей, миссионеров, — дети кочевников недолжимо преуспевают в науках и особенно в отвлеченных науках: математике, общей теории естествознания, политической экономии и т. п. обычно их любимые предметы. Вообще наличие общего интереса к самым широким слоям скотоводческого населения к науке и знанию имеет общезвестно. Этот интерес настолько силен, что даже, например, введение впервые воинской повинности это население встречает с огромным и неподдельным энтузиазмом, видя в этой повинности один из путей к культуре и знанию.

VIII.

В заключение и резюмируя изложенное выше, мы приходим к следующим общим выводам:

1. Победоносная пролетарская революция в России, установившая диктатуру пролетариата, целый ряд народов бывшей Российской империи, находившихся на различных ступенях докапиталистической культуры, поставила пред исторической необходимостью: притти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

2. Разрешение этой своеобразной исторической проблемы мыслимо только путями «культурной революции», — путем поднятия на небывалую высоту культурного уровня народных масс вообще, в частности, — поднятия в первую голову сознания прогрессивных элементов этих масс — батраков — до уровня сознания революционного социалистически мыслящего пролетариата.

3. Но неоспоримые статистические данные о современном состоянии народного образования и существующая система первоначального школьного образования у культурно-отсталых народов СССР вопиют о том, что до сих пор не принято сколь-нибудь серьезных мер по пути указанной «культурной революции» и что это не может продолжаться дальше.

4. Дело — за финансами и в конечном итоге — за общесоюзным бюджетом, который, воспользовавшись небывалым урожаем нынешнего года, может и должен с ближайшего своего квартала открыть эпоху действительной «культурной революции» среди отсталых народов СССР.

«Надо», — говорил великий учитель нашей эпохи и народов еще в 1923 г. ¹⁾, — «чтобы при ближайшем просмотре нашего квартального бюджета мы взяли за дело практически... Не надо скардинчать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний...»

Н. Манойлов.

К вопросу о здоровье партактива.

(Данные обследования одесской организации).

Ряд статей, посвященных в последнее время вопросу о заболеваемости партактива указывает, что партия к вопросу борьбы с выбыванием из ее рядов членов партии относится с глубоким вниманием и серьезностью. Вопрос этот еще более расширяется тем, что, с точки зрения населения нашей республики, в партию вошла вся наиболее передовая часть рабочего класса, все наиболее сознательное, наиболее ценное в наших рядах. И как для партии, так и для всего рабочего класса далеко не безразлично, кто и как скоро выпадет из активной работы, кто даст новое поколение, каково оно будет, какая ждет нас смена. Нужно считать твердо установленным научным фактом, что та или другая группа населения передает по наследству потомству свои способности и дарования. Разработанных статистических данных о рождаемости среди членов партии нет, приходится поэтому ссылаться для освещения вопроса на другие статистические данные. Общие выводы по этому вопросу, сделанные проф. Кольцовым, мало утешительны. По статистическим данным, приведенным для Гессена проф. Грубером видно, как резко уменьшается деторождаемость в зависимости от профессии. Для 1912 года Ленц дал следующее число детей на семью:

у высших чиновников, лиц свободной профессии	2,0
„ служащих с техническим и коммерческим образованием . .	2,5
„ низших служащих с профессиональной подготовкой	2,9
„ фабричных рабочих	4,1
„ сельско-хоз. рабочих и поденщиков	5,2

Коммунар имеет не одну профессию и не может быть строго отнесен ни к одной из указанных выше групп, так как он всегда, кроме основной работы на предприятении, выполняет напряженную общественную работу. В своем лице он объединяет и работника физического труда и умственного. Для сохранения какой-нибудь группы населения, по Груберу, необходимо иметь на семью 3,75 рождаемости или 3,1 для выживших детей к 15 годам. Мы видим, как резко падает рождаемость в зависимости от профессии. Переход крестьянина в число фабричных рабочих уже резко сказывается на рождаемости, а этот переход наиболее одаренных людей из крестьянства в города в ряды фабричных рабочих, а отсюда наиболее ценных в ряды нашей партии происходит непрерывно и все ускоряющимся темпом. Половая анкета, проведенная среди слушателей Свердловского университета, а также личные наблюдения показывают, что с сохранением этой группы населения, наиболее ценной для ра-

¹⁾ Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 105—106.

бочего государства, дело обстоит далеко не благополучно. Кроме этого зла, зла еще недостаточно осознанного, но имеющего чрезвычайно важное значение, остаться без хорошей смены, нам грозит еще большая опасность, ибо всевозможные болезненные формы, главным образом туберкулез и нервное переутомление, резко уменьшают рождаемость. Непомерная перегруженность в работе, разнообразие выполняемой работы, неумение использовать отпуск, хроническое переутомление, плохие условия труда (накуренные комнаты, теснота в них) и что нам еще кажется необходимым подчеркнуть, это—небрежное отношение к лечению подчас серьезного заболевания, эту опасность еще больше обостряют.

Заболеваемость среди партийцев значительно превышает таковую у беспартийных рабочих. Широкое распространение болезней еще больше подкапывает возможность вообще иметь детей или детей здоровых. Д-р Зейдман в работе «Хронические туберкулезные интоксикации» показала, что приблизительно 80% детей больных туберкулезом, происходили от наследственно отягощенных семейств. Главный бич личного состава партии это—туберкулез и нервные заболевания, а также связанные с ними явления: расстройство питания, болезни сердца и все это на фоне хронического переутомления.

Более частая заболеваемость туберкулезом особенно замечается начиная с 20-летнего возраста и в общем объясняется предъявлением к ним более повышенных требований. Такими факторами, говорит Клемперер, являются упадок питания, горе и заботы, умственное и физическое переутомление, алкоголизм и сифилис.

Кроме напряженной работы, отвлекающей от лечения, огромный процент заболевших туберкулезом партийцев, проявляет специфические особенности туберкулезной интоксикации—приятное возбужденное настроение. Туберкулезный больной редко сознает опасность своей болезни. В остальных случаях партийцев, неся непомерное количество нагрузок (иногда до 10 и даже до 15 обязанностей), не имея возможности после подчас тяжелой физической работы поесть, и хотя бы один час отдохнуть, бросается в кипучий водоворот общественной жизни предприятия, подстегиваемый усталыми нервными клетками, усталость которых выражается в перевозбуждаемости, забывая о своей болезни,—ему некогда лечиться. Тем же грехом страдают и пионерские и комсомольские организации, где наблюдается та же непомерная загруженность. Уже у среднего рядового партийца, нет почти личной жизни, кроме общественной. Неврастения, травматический невроз, явления обычные для членов партий. Вследствие своей большой загруженности, он и болеет в значительно большем проценте, чем рядовой рабочий, имея тот же заработок, как и ого беспартийный товарищ. Интересна смертность от туберкулеза, в зависимости от получаемого жалования. По старой гамбургской статистике, смертность от туберкулеза на 10.000 жителей в семьях с заработком:

от 900 до 1.200 марок	65,7
с доходом от 1.200 до 2.000 марок	55,9
„ „ „ 2.000 „ 3.500 „	36,3
„ „ „ 3.500 „ 5.000 „	22,8
„ „ „ 5.000 „ 10.000 „	18,3
„ „ „ 10.000 „ 25.000 „	17,2

Чтобы не показаться голословным в своем утверждении, что коммунары болеет в большем проценте, чем рядовой рабочий, нами приводятся цифры, полученные в результате обследования в 1924 г. в одесском батальоне части особого назначения (ЧОН) коммунаров, прошедших через медицинскую комиссию, а также данные Ремонтной Комиссии за тот же год, любезно предоставленные мне т.т. работающими в Оргинстре Одесского Губкома. Эти цифры я сравню с материалами, полученными д-ром Левантином, по обследованию рабочих, работающих в одесских предприятиях. Спешу оговориться, что эти цифры не совсем сравнимы. Д-р Левантин, отмечал даже легкие случаи заболевания, тогда как, по положению, подлежащие освобождению по болезни из ЧОН'а, а только последние и отмечены в моей статистике, представляют больных серьезными заболеваниями. Для иллюстрации укажу, что только активный туберкулез с упадком питания освобождал из ЧОН'а, такие же требования предъявлялись к болезням сердца, нервной системы и проч. Так что приводимые цифры заболеваемости являются преуменьшенными. Необходимо отметить еще также факт, когда товарищи упорно утверждали, что они здоровы и при осмотре оказывались опасными больными; а таких неуловленных больных, я считаю, имеется достаточный процент. Поэтому, чрезвычайно сомнительными являются данные анкет, в которых член партии отмечает сам свою болезнь. Необходим поголовный осмотр.

Статистические данные о заболеваемости среди партактива, полученные Ремонтной Комиссией, этим недостатком не страдают, так как каждый подвергался всестороннему обследованию.

Надо подчеркнуть один чрезвычайно отрядный факт, что все нергические заболевания, представляются по моим наблюдениям, буквально, единичными. Объясняется это тем, что, как известно, при напряженной умственной работе, резко падает и половое влечение. (Перн, Репрев и др.), т. к. внутренняя секреция половых желез идет на поддержку работы мозга и мышц. Это может быть иллюстрировано следующей сводной таблицей проф. Кольцова о рождаемости, на каждый брак, у группы лиц, живущих интенсивной умственной работой.

Для 450 знаменитых французов (Бертильон)	1,3
„ 1000 браков американских ученых (Кетль)	1,5
„ английской интеллигенции	1,6
„ немецких ученых (Муни)	1,8
„ ленинград. ученых, зарегистрир. в ЦКУБУ (Филиппенко)	1,78

Перейду теперь к данным о заболеваемости среди коммунаров одесской организации. Обследованию состояния здоровья 147 человек (145 мужчин и 2 женщины) ответственных работников одесской организации дало следующие результаты (обследование 8—12 мая 1924 г.): больных 142 чел., здоровых 5, т. е. больных 96,6%, здоровых 3,4%.

Больных одной болезнью 65 челов.	45,8 проц.
„ 2-мя „ 56 „	39,4 „
„ 3-мя „ 16 „	11,3 „
„ 4-мя „ 5 „	3,5 „

По болезням они распределяются:

Туберкулез 62 чел.	44 проц.
Болезни сердца 24 чел.	16,9
Эмфизема 2 чел.	1,4
Горла и уха 3 чел.	2,1
Катарр носа 2 чел.	1,4
Артериосклероз 5 чел.	3,5
Заболвание плевры 4 чел.	2,8
Малокровие 11 чел.	7,7
Колиты (звпоры) 15 чел.	10,6
Желудочн. заболван. 7 чел.	4,6
Истерио-неврастения 3 чел.	2,1
Заболв. перифер. нерв. сист. 3 чел.	2,1
Травматический невроз 2 чел.	1,4
Неврастения 78 чел.	55
Эпилепсия 1 чел.	0,7
Заболваемость костей 6 чел.	4,2
Сифилис нервной системы 1 чел.	0,7
Спинальная сухотка 1 чел.	0,7
Женские болезни 2 чел.	100,0

Если мы рассмотрим в эту таблицу, то нас поражает огромный процент заболеваемости туберкулезом—44% и болезнями нервной системы: неврастения—55%, травматический невроз—1,4%, истерио-неврастения—2,1%, перифер. нерви. система—2,1%, эпилепсия—0,7%,—всего 61,3%. К болезням, связанным непосредственно с состоянием нервной системы надо отнести колиты—10,6%, желудочные заболевания—4,6%,—всего 15,2%. Таким образом, болезни нервной системы и связанные с нею составляют 76,5% всех болезней. Таким образом, от перенагрузки нервной системы и вытекает главная, доминирующая картина заболеваний. В эту группу входит заболеваемость среди старых ответственных членов партии, находящихся на руководящей работе. Другая группа коммунаров, прошедшая через медицинскую комиссию, представленная в количестве 3.870 человек, по роду заболеваемости распадается:

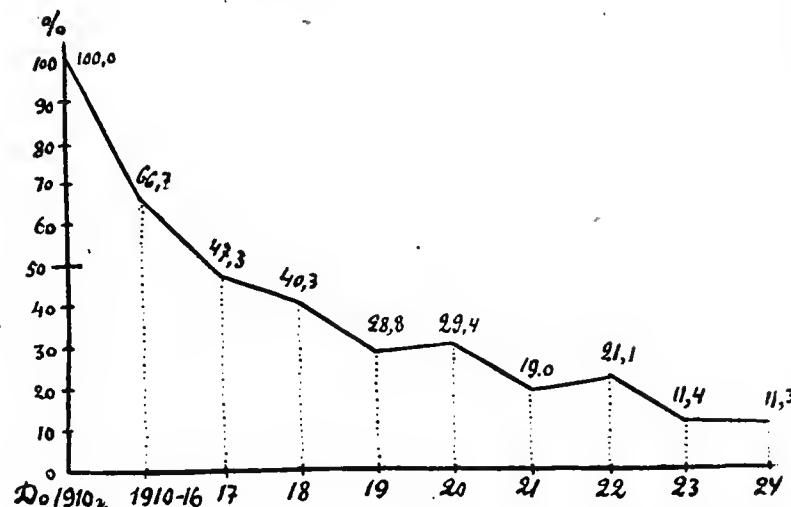
Туберкулез	35,4 проц.
Болезни сердца	20,2
Заболваемость органов брюш. полости	5,4
Расстройство питания	5,7
Увечье	15,8
Травматический невроз	4,8
Эпилепсия	1,2
Заболвание периф. нервн. системы	2,7

Опускаем таблицы заболеваемости среди рабочих и коммунаров в более расширенном виде. Используем данные д-ра Левангина, обследовавшего 5570 рабочих одесских предприятий. Для удобства сравнения составим таблицу, где сверху обозначена заболеваемость рабочих, а снизу—коммунаров:

	Туберкулез	Болезни сердца	Болезни брюш. пол.	Общие расстройства пит.	Увечье.
Рабочие . . .	10,4%	10,4%	5,3%	22,2%	10,1%
Коммунары . .	35,4%	20,2%	5,4%	5,7%	15,8%

Из этой таблицы видно, что процент заболеваемости среди коммунаров значительно превосходит таковой у рабочих. $\frac{3}{4}$ всех увечий коммунаров—последствия фронтовых ранений. Еще раз напомним, что эти цифры заболеваемости для коммунаров являются преуменьшенными.

Очень интересная кривая получается, если мы разобьем коммунаров по партстажу. На горизонтали отложены года вступления в партию, а на вертикали—% заболеваемости.

Среди поступивших в партию до 1910 г. 100% заболеваемости. Далее, мы видим, как кривая падает вниз, доходя к поступлению в партию в 1924 г. до 11,3%.

Из приведенных мною данных видно, что % заболеваемости среди членов партии сравнительно с рабочими очень высок, и чем больше партстаж, тем процент выше. Главные заболевания это парвине и туберкулез. Если нервное заболевание является моментом уменьшающим работоспособность партийца и дающим предрасполагающие моменты нервным заболеваниям у детей, то туберкулез является более грозным злом.

К началу XX столетия 15% всех смертей было от туберкулеза. По статистике Негели и Бурхардта заболеваемость в последние годы равна 93% у всех вскрытых трупов. После 30 лет на вскрытии почти нет человека, кто бы не был заражен туберкулезом. Меньший процент болев клинической формой и еще меньший умирает. Но по всем данным у коммунаров туберкулезный процесс протекает в значительно более тяжелой форме, чем у рядового рабочего. Клиническая картина более резко выражена и болезнь носит более злокачественный характер. Все нарушения гигиены отражаются очень ярко на заболеваемости коммунара, подготавливая почву для большей ранимости организма. Большое значение имеет также относитель-

ная необеспеченность членов партии. Из своего жалования он должен провезти отчисление в ячейку, профсоюз, выделить средства для удовлетворения своих культурных нужд: покупка книг, клуб, театр, кино и т. п. Эти деньги он отрезывает от своего питания и одежды. Разность в получаемом содержании влияет как фактор, повышающий заболеваемость (Клемперер).

В заключение я еще раз хочу остановиться на затронутом в начале статьи вопросе. Болезнь партийца не только его болезнь, но и болезнь его потомства. Опасность угрожает, в смысле исчезновения из актива Рабоче-Крестьянской Республики детей тех, кто по законам наследственности должен передать свои качества революционного бойца. Проф. Кольцов пишет:

«Нельзя безнаказанно вычерпывать наиболее культурные наследственные задатки из населения... Политические деятели и политические партии должны проникнуться тем убеждением, что, если они желают строить прочно, а не только для одного или двух ближайших поколений, то они должны заботиться о том, чтобы и в последующих поколениях те генотипные элементы, которые им представляются наиболее ценными, были представлены достаточно полно. Соответствующая расщепка групп населения может быть произведена только политическими партиями и государственной властью».

Выводы.

- 1) Партийцы одесской организации болеют в значительно большем проценте, чем рабочие на тех же предприятиях.
- 2) Болезненные формы, наиболее часто встречаемые—туберкулез и болезни нервной системы и связанные с последними заболевания.
- 3) Партиец перегружен работой, не лечится своевременно.
- 4) Эта болезненность угрожает здоровью детей членов партии.
- 5) Необходимо взяться за изучение вопроса о рождаемости и о состоянии здоровья детей партийцев.
- 6) Назрела острая нужда подвергнуть поголовному медицинскому осмотру членов партии, не доверяясь анкетному опросу.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. БУХАРИН. Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол. (Ответ К. Каутскому). Изд. газ. «Правда», 1925 г., стр. 105.

Новая работа т. Бухарина подвергает уничтожающей критике «принципиальную» позицию бывшего теоретика марксизма и бывшего революционера, Каутского. Эта работа не простой «ответ Каутскому», как указывает в подзаголовке автор. Почтенный вождь II Интернационала только утратит после такого ответа: его социал-демократическую шкуру не пробьешь никакими аргументами. Он найдет тысячу и одну оговорку, сотню писем и «достоверных источников», которые покажут ему, что права его социал-демократическая мудрость. Поэтому не для него горит т. Бухарин. Работа его «предназначена в первую очередь для тех иностранных пролетариев, которые еще не нашли в себе решимости порвать с такими вождями, как Каутский. Но, касаясь ряда основных вопросов нашей текущей жизни и давая им общетеоретическое освещение она может оказаться (и действительно оказывается, *К. М.*) небесполезной и для широких кругов рабочих нашего Союза» (стр. 5). Этим последним она покажет «всю глубину падения теоретического вождя II Интернационала». А сверх того даст ряд ответов на волнующие их вопросы.

Бухарин шаг за шагом преследует Каутского и не только опровергает все его измышления—этого мало!—он буквально уничтожает его, не давая бедному немощному старцу «ни отдыха, ни срока». Бухарин показывает, что позиция Каутского, как она выразилась в брошюре «Интернационал и Советская Россия», лжива с начала до конца. Лжива тогда, когда Каутский, позабывая элементарную необходимость классово-оценки каждого государства (Советского Союза в том числе) «приравнивает нас абсолютизму Романовых. С его, Каутского, точки зрения разница лишь в том, что «новые деспоты были когда-то нашими товарищами» (стр. 16). «Апологетическое фокунничество Каутского (здесь) столь неловко, столь грубо, столь неумно, что даже г. Федор Дани, вершитель судеб меньшевистской партии, должен был ополчиться на (этот) тезис» (стр. 18).

Лжива позиция Каутского и тогда, когда он вопиет о непрекращающемся и даже все растущем терроре и о постоянных восстаниях против советской власти. «Всякий, знакомый с фактами... знает, что теперь говорить о «восстаниях» может только человек, не имеющий никакого соприкосновения с реальной жизнью нашей страны. Никогда пролетариат не имел такого доверия к нашей партии, как сейчас. Никогда крестьянство в своей массе не было так «советски» настроено, как в настоящее время. Никогда советская власть не была так внутренне прочна, как в данный момент. И никогда не было так мало репрессивных воздействий, как в текущий период нашей жизни» (стр. 31—32). И совершенно ясно и недвусмысленно показывает тов. Бухарин, насколько блещет Каутский отсутствием элементарного марксистского смысла и чутья, когда он противопоставляет партию пролетариату и пролетариат партии. «Факты говорят, что это (партийное. *К. М.*) влияние все растет (стр. 40). 250.000 ленинского призыва, 1.500.000 комсомольцев, столько же пионеров, 6 миллионов членов профсоюзов, полтора миллиона рабочих и т. д., и т. д.—строят они новое общество, шаг за шагом вытесняя старые формы: в политике, в экономике, в культуре, в быту» (стр. 43). «Но что знает об этом Карл Каутский, ренегат социализма?».

С «крахом коммунизма» дело обстоит также не по Каутскому. «Не верю, что мы ушли и уходим все дальше от социализма (как это утверждает Каутский. К. М.). Верно как раз противоположное утверждение» (62). Притом все это у т. Бухарина не является одними голыми рассуждениями, а подтверждено анализом (не Каутскианским, а доподлинным) многочисленных цифр (стр. 64—72). Крах-то действительно происходит, но не с коммунизмом, а с г. Каутским.

Несчастье преследует его до конца. Если читаешь брошюру Каутского, то может спервоначалу показаться, что он, правда, критикует советский режим, даже побуждает капиталистов к установлению с нами торговых связей. Однако, острый анализ Бухарина показывает, что дело обстоит как раз наоборот. Карл Каутский находится на службе иностранных капиталистов и внутренней контр-революции (гл. гл. IX и X).

Если у него и попадают изредка мысли, могущие, правда, с громадной натяжкой—быть истолкованными в нашу пользу, то все это только слова, только средство подделаться под господствующее настроение масс. На деле же «Каутский говорит международной буржуазии: «Воспользуйтесь китайской революцией и втяните Россию в войну. А тогда мы, социал-демократы, ударим изнутри» (стр. 90. Курсив Бухарина). Именно об этом говорит он, в миллионный раз пережевывая скучный миф о нашем поджигательстве на Востоке, рассказывая сказки о нашей слабости и т. д., и т. п. Вполне прав поэтому Бухарин, когда он подчеркивает: «Пора, наконец, перестать, хотя бы условно, рассматривать социал-демократических вождей, как революционеров. Ибо перед нами законченные типы мещанских контр-революционеров, охранителей существующего строя» (стр. 87. Курсив автора). Как небо от земли далек революционный марксизм от «филистерско-бутербродно-постельной позиции» Каутского.

Брошюра «Интернационал и Советская Россия», все положения и выводы которой Бухарин разбил в пух и прах, интересна и важна для нас не только потому, что она сигнализирует какому движению социал-демократической воды и готовящуюся интервенцию, она важна еще тем, что показывает, до каких абсолютно немарксистских и контр-революционных выводов докатываются те, кто забывает некоторые элементарные, казалось бы, истины. «Диктатура партии над пролетариатом», неизбежный рост противоречий между социалистической промышленностью и мелко-товарным хозяйством крестьянина и пр.—все это «аргументы» г. Каутского, все это неотъемлемо входит в его теоретический арсенал, арсенал махрового контр-революционера. Мы не ведем сейчас дискуссий, партия целиком единая, но партийный молодежь должен на этом наглядном примере поучиться, до чего может довести забвение основных положений марксизма и искажение советско-партийной действительности. С тем большим интересом читается поэтому IV глава брошюры Бухарина «Пролетариат, государство, партия». Здесь читатель находит не только ссылку на фактическое состояние (рост партийной общественности, что было упомянуто выше), но и теоретическую аргументацию.

С точки зрения теоретической неслабое внимание и интерес возбуждает в особенности глава VIII, говорящая о «процессе социалистического строительства в целом и его противоречиях». Здесь в криткой, но блестящей по ясности формулировке обрисован общий процесс развития нашего Союза к социализму. При этом Бухарин отнюдь не забывает, а напротив, подчеркивает неизбежную противоречивость этого развития. Вероятно, Каутский, прочитав брошюру Бухарина, начнет

вопить, что раз мы сами признаем колоссальные трудности и противоречия, существующие даже внутри пролетариата, то дело советской власти совсем каюк. Не будем ли мы тогда облагодетельствованы еще одним ученым исследованием? Однако, «пролетарская диктатура есть условие для эволюционного преодоления всех этих противоречий. Противоречия капиталистического общества постоянно воспроизводятся на расширенной основе, пока это общество не лопается в треске и грохоте революционного пожара. Противоречия нашего общества, общества пролетарской диктатуры, воспроизводятся на суживающейся основе и в конечном счете погаснут в системе «всестороннего коммунизма». Тот, кто из наличия этих противоречий делает вывод о «крахе коммунизма»—жалкий трус, с кочаном капусты вместо головы. Таковы меньшевики вместе с Каутским» (стр. 86. Курсив автора).

Брошюра т. Бухарина не нуждается ни в наших рекомендациях, тем более похвалах. Своим фактическим материалом, сведенным воедино, она уничтожает Каутского так же, как и теоретическим анализом его лживой, немарксистской позиции, и страстным языком настоящего революционера, не нуждающегося в лайковых перчатках филистера.

Можно было бы указать на некоторые, чисто словесные недочеты имеющиеся в брошюре. Тов. Бухарин говорит, например, «мы еще не слышали, чтобы понятие класса строилось на рассуждениях» о грубости взамен «ясных и объективных социально-экономических критериев» (стр. 21). Тут упускается из виду теория господства-подчинения того самого Богданова, о котором т. Бухарин упоминает страницей ниже (22).

Но в общем контексте эти недочеты, конечно, не имеют существенного значения и легко поправимы.

Н. Милонов.

А. М. ГИНЗБУРГ. Экономия промышленности. Ч. I. Москва, 1925 г. Госиздат, стр. VIII+328.

Экономия промышленности, как и экономия сельского хозяйства, торговли и др., принадлежит к, так называемым, прикладным и сравнительно молодым экономическим дисциплинам. По объекту изучения буржуазные экономии отдельных отраслей, несмотря на весьма различное толкование экономистами предмета и метода этих наук, представляют лишь научное выражение деловой практики буржуа в различных областях хозяйства.

Но совершенно иное значение приобрела конкретная экономия в условиях строительства пролетариатом собственного хозяйства.

Обширный материал, «который накапливается жизнью ежедневно, ежедневно», и потребности расширяющегося строительства хозяйства, ставят перед марксистской экономической теорией задачу изучения частных явлений, хозяйственной жизни, в том числе—специфических явлений промышленности.

«Экономия промышленности» А. М. Гинзбурга потому имеет интерес, что написана она марксистом и «представляет собой попытку дать систематическое изложение экономики промышленности, какой она должна быть в качестве научной дисциплины» (стр. VII. Курсив наш. Н. С.).

Как решил эту задачу Гинзбург? В этих целях рассмотрим прежде всего его общее суждение об экономике промышленности и об ее взаимоотношениях с другими экономическими науками.

«Экономика промышленности, — говорит тов. Гинзбург, — изучает свой предмет на базе общих законов, установленных политической экономией, и в этом смысле есть часть и продолжение политической экономии» (стр. 4), или, иными словами, она «в своей теоретической основе является частью и продолжением политической экономии» (стр. VII. Курсив наш. Н. С.).

Рассматривая, таким образом, законы политической экономии в качестве общих методологических предпосылок экономики промышленности, тов. Гинзбург устанавливает между этими науками, примерно, такое же соотношение, какое существует между историческим материализмом и политической экономией. Но почему в таком случае экономия промышленности является «частью и продолжением политической экономии»? Содержание анализа известного ряда экономических явлений, составляющих логическое целое, превращает экономию промышленности в самостоятельную научную дисциплину. И общая методологическая связь с политической экономией еще не дает нам право и возможность экономии промышленности рассматривать как часть политической экономии. Формулировка взаимоотношений экономики промышленности и политической экономии, даваемая тов. Гинзбургом, безусловно, неверна, но не является у него случайной, а лишь неизбежным результатом неверной постановки вопроса вообще.

Какого рода явлениями экономического порядка занимается экономия промышленности? А. Гинзбург по этому поводу говорит следующее: «Экономические явления можно изучать двояко: в специальной связи с отдельной отраслью народного хозяйства и в общей связи со всей народно-хозяйственной деятельностью в целом. Иными словами, есть общие законы экономической деятельности, проявляющиеся во всех отраслях народного хозяйства, и есть специальные законы, находящие свое применение только в одной, какой-либо отрасли народного хозяйства. Изучением первых занимается политическая экономия, изучением вторых — экономия промышленности сельского хозяйства, торговли, транспорта» (стр. 2. Курсив наш. Н. С.).

Для того, чтобы вскрыть истинное содержание приведенных выше рассуждений, на первый взгляд как будто бесспорных, необходимо выяснить, что же понимает тов. Гинзбург под специальными законами данной отрасли. Если взять две отрасли хозяйства, то различие между ними, — пишет он, — «прежде всего технико-производственного характера. Но различная организация трудового процесса вызывает крупные различия социального порядка» (стр. 3).

Но, приближаясь в известной степени, к определению круга проблем, подлежащих изучению экономики промышленности, тов. Гинзбург совершенно неожиданно и в полном противоречии со сказанным ранее, пишет что экономия промышленности должна, прежде всего, интересоваться вопросом: «как зарождаются, развиваются и исчезают капиталистические отношения в промышленности» (стр. 3. Курсив наш. Н. С.).

Но ведь зарождение, развитие и исчезновение капиталистических отношений в промышленности составляют как раз содержание категорий политической экономии, т. е., выражаясь попросту, суть общие законы капиталистического хозяйства и ни в какой мере не могут быть спе-

циальными законами или специфическими особенностями одной только промышленности. Подметив, таким образом, специальные законы общими, тов. Гинзбург тем самым, с одной стороны, потерял объект изучения экономики промышленности и, следовательно, пришел к отрицанию самой науки. А, с другой стороны, это же обстоятельство неизбежно привело его к утверждению экономики промышленности как части и продолжения политической экономии, поскольку она благодаря этому должна заниматься повторением некоторых положений политической экономии.

Рассмотрим другой ряд рассуждений тов. Гинзбурга в его поисках экономики промышленности, как самостоятельной науки. «Политическая экономия, — говорит он, — абстрактная наука». «Ее преобладающий метод — чистая дедукция» (стр. 5), в то время, как «экономика промышленности — конкретная, описательная, прикладная наука» (стр. 6. Курсив наш. Н. С.). Но напрасно мы стали бы искать хоть сколько-нибудь выдержанного применения тов. Гинзбургом этого взгляда на экономию промышленности, как науку конкретную, описательную и т. д. Уже на следующей странице он отрицает сказанное им ранее: «Метод экономии промышленности, — координированная дедукция и индукция» (стр. 7). Опровергая на каждой последующей странице сказанное им прежде, тов. Гинзбург, как мы видим, не имеет собственного определения ни предмета, ни метода экономики промышленности.

Чувствуя этот «недостаток» своих определений, тов. Гинзбург дает такого рода «пояснение» своего собственного «метода». «Для теоретического анализа основной сущности капиталистического строя, — говорит он, — примененный Марксом метод был очень хорош (1) Но для познания той реальной жизненной обстановки, которая нас окружает и среди которой мы ведем повседневную борьбу, этого метода недостаточно» (1 Стр. 5. Курсив наш. Н. С.). Нужно иметь большую смелость, чтобы после столь легких слов, сколь и недостаточно грамотных и противоречивых суждений о методе экономики промышленности, заявлять о недостаточности марксовского метода. Но тов. Гинзбург не ограничивается этим, по его мнению, при объяснении текущей действительности нам необходимо «беспрерывно перетраживать теорию» (1 Стр. 6. Курсив наш. Н. С.). Тов. Гинзбург большой шутник! Жаль только, что подобной «легкости в мыслях», соответствуют и «теоретические» построения т. Гинзбурга.

Впрочем в этом и, к сожалению, только в этом вопросе тов. Гинзбург последователен: «перетраживание» теории он совершает на самом деле.

Такого рода «перетраживание» производит тов. Гинзбург в первую голову над самой политической экономией. Политическая экономия, пишет А. Гинзбург, «дает нам общую теорию капиталистического (или (вы только обратите внимание на это «или»! Н. С.) вообще экономического) порядка», что «она стремится «обозреть всю панораму исторической борьбы человека за существование» (стр. 5. Курсив наш. Н. С.).

Среди марксистов существуют две точки зрения на предмет и метод политической экономии. И мы были свидетелями в прошлом году ожесточенных боев между сторонниками этих различных точек зрения, но мы, и это мы должны признать с полной откровенностью, встречаем впервые такого экономиста, который совместил в себе эти, взаимно друг друга исключаящие, точки зрения.

Что же касается зачисления политической экономии в разряд теории «вообще экономического порядка», то нужно признать, что такой взгляд вне пределов марксизма, но совершенно в духе пустейших абстракций à la П. Маслов¹⁾.

К сожалению, здесь невозможно достаточно крепкими словами назвать это обильное совмещение в одном «умственном аппарате» трех, столь разных точек зрения на политическую экономию, как науку!

Мы вполне соглашаемся с тов. Гинзбургом, что «задача «Бризованного экономиста» — отдавать себе ясный отчет в экономических вопросах и «быстро ориентироваться во взаимной связи отдельных дисциплин» (стр. 8). Однако, этими качествами, как мы видели, тов. Гинзбург не отличается;

Не лучше обстоит дело и с «классификацией» экономических дисциплин. «Экономия промышленности», — говорит тов. Гинзбург, — «теоретическая экономия входят в состав науки об общественном хозяйстве (1). Последняя включает в себе еще ряд других дисциплин: экономическую географию, экономическую политику, экономическую историю, науку о финансах, экономию сельского хозяйства, торговли, транспорта» т. д. (Стр. 7. Курсов иаш. Н. С.): То обстоятельство, что экономия промышленности составляет часть «единой экономической науки об общественном хозяйстве» — выражение, которое тов. Гинзбург совершенно некритически взял из обычного словопотребления — ничего не говорит нам о взаимной связи экономики промышленности с другими экономическими науками. Здесь только вкратце укажем, что экономия промышленности в качестве самостоятельной научной дисциплины не должна быть механическим собранием отдельных глав других экономических наук; она должна в необходимой мере использовать данные других наук, систематизируя свой научный материал для своих целей в одно логическое целое. Поэтому экономия промышленности не должна как правило заниматься простым изложением некоторых основных положений политической экономии, а формулировать конкретные закономерные связи между элементами промышленности; тогда действительно, как правильно указал тов. Гинзбург, но не выполнил, «абстрактные законы политической экономии загораются перед нами тысячами разноцветных эмпирических законов, сотканных экономией отдельных отраслей» (стр. 6).

Не должна экономия промышленности также специально заниматься историей хозяйства данной страны (глава VI—X), политикой промышленности, что мы находим в книге Гинзбурга.

Общие рассуждения А. Гинзбурга показали нам, таким образом, что он не сумел найти тех проблем и того метода, которые разграничили бы экономию промышленности от других экономических наук. И причиной этого является просто не знакомство автора книги с основными вопросами методологии политической экономии.

И это-то отсутствие единой точки зрения на экономию промышленности как на науку, заставляет тов. Гинзбурга плыть по широкому фоватеру разного рода экономических явлений, давать разного рода сведения, которые сами по себе могут быть полезны, но в которых мы не найдем внутреннего логического единства и стройности.

В экономике промышленности А. Гинзбург устанавливает четыре раздела: 1) промышленность и место ее в системе народного хозяйства, 2) организационные формы промышленности, 3) работы промышлен-

¹⁾ См., например, его «Проблемы продукции». Изд. «Книга», 1923 г. «Мировая социальная проблема». Чита, 1921 г. и др.

ного предприятия и 4) взаимоотношения отдельных отраслей промышленности. Первые два раздела составляют содержание настоящей книги.

Во втором разделе (стр. 60—321) — организационные формы промышленности — рассматривается группа явлений, весьма неоднородная по своему экономическому содержанию. Организационная точка зрения тов. Гинзбурга имеет формально-юридический характер, благодаря чему, с одной стороны, затушевывается различная экономическая природа рассматриваемых явлений, а, с другой — устраняются из анализа явления, имеющие весьма существенное значение для марксистской экономики промышленности. Из постановки вопросов, даваемой т. Гинзбургом, например, не вытекает органически разная сущность капиталистической и советской промышленности. Плановое начало советской промышленности — одно из основных ее особенностей — принадлежит к качественно отличному разряду явлений, чем процессы концентрации и централизации и организационная сторона разного рода промышленных объединений; но мы напрасно искали бы анализа планового начала у т. Гинзбурга, — он у него блистательно отсутствует.

Между тем анализ планового начала промышленности совершенно новая задача, для буржуазной науки в данной связи не существующая, но которая составляет специфическую особенность марксистской экономики промышленности.

Экономия промышленности в качестве изучной дисциплины, и при том прикладной, должна быть наукой о законах экономически целесообразной расстановки людей и материальных элементов как в отдельном предприятии и заведении, так и во всей промышленности в целом. Существуют известные закономерные связи между элементами производства и отдельными частями промышленности, обуславливающие наибольший экономический эффект. Формулировкой этих закономерных связей и должна заниматься экономия промышленности.

А. Гинзбург сделал попытку подойти к выяснению некоторого единого принципа классификации экономических явлений, подлежащих изучению экономии промышленности. Однако, постановка самого вопроса чрезвычайно неудачна и, к счастью, не нашла применения в его экономике промышленности.

Рассматривая динамику экономического развития, А. Гинзбург устанавливает «основной закон», определяющий хозяйственную деятельность человека. «Каков этот закон?» — спрашивает тов. Гинзбург. «Это, — говорит он, — принцип (заметьте! Н. С.) сохранения энергии, принцип экономии труда. Каковы бы ни были формы хозяйства, каково бы ни было состояние производительных сил и производственных отношений, человек всегда и везде должен обеспечить получение максимальных результатов при минимальных затратах, т. е. наиболее полное удовлетворение потребностей при наименьших затратах труда. Это абстрактный принцип, однако применимый ко всем эпохам и ко всем ступеням экономического развития, получает различную конкретную формулировку в применении к разным эпохам и разным способам организации производственных отношений...» В капиталистическом обществе, с точки зрения господствующего класса, наиболее экономным будет тот труд, который при наименьших издержках производства даст наибольшую прибавочную стоимость» (стр. 71).

Совершенно бесспорно, что в результате исторического развития производительных сил меньшая затрата труда дает больше материальных благ, но этот результат нельзя возводить в самый закон, определяющий хозяйственную деятельность человека, т. е. нельзя производить силы заменять результатами их развития. Универсальный прин-

ции экономии труда А. Гинзбурга стихийность исторической жизни превращает в планомерный процесс; рационализируя его, он тем самым дает телеологическую постановку этого вопроса. Историческая экономическая деятельность человека гораздо сложнее и самое развитие производительных сил часто совершенно устраняет «принцип экономии труда». Социально-экономическая организация капиталистического хозяйства, в особенности на его монополистической стадии развития, приводит к совершенно обратным результатам. В эпоху империалистических войн и революций происходит огромная растрата общественного труда и поэтому чудовищным является утверждение, что экономическая деятельность человека определяется абстрактным, абсолютным принципом экономии труда.

Но если бы А. Гинзбург не универсализировал этот принцип экономии труда, а применил его в более узких рамках—для классификации экономических явлений, и, исходя из него, попытался формулировать законы экономии труда на данной стадии развития, то тем самым он бы действительно дал экономии промышленности в качестве научной дисциплины, которая коренным образом отличалась бы от его экономии промышленности.

А. Гинзбург хотел дать марксистский анализ частных явлений хозяйственной жизни—анализ специфических явлений промышленности. Такая задача вполне своевременна и диктуется самим «ходом вещей». Однако, «экономию промышленности» А. Гинзбурга как по общей постановке вопроса, так и по систематизации научного материала не представляет «систематического изложения экономии промышленности»; этой задачей Гинзбург не решил.

Конкретно-описательный материал книги следует использовать, но необходимо сугубо критически отнестись к теоретическим рассуждениям автора.

Н. Саргин.

Л. С. ВУЛЬФ. Экономический империализм в Азии и Африке. Изд. «Кинга». Стр. 97.

Есть книги, появление которых на нашем книжном рынке вызывает некоторое недоумение: зачем, для кого и какие цели преследовало издательство, выпуская их в свет?

Такие вопросы были бы вполне уместны и по отношению к рецензируемой книге, если бы она (как сама работа Вульфа, так и вступительная статья Г. Наумова: «От империализма к сверх-империализму») не имела некоего, так сказать «сокровенного» смысла.

Рекомендуя Вульфа, Г. Наумов пишет о нем следующее: «Автор—не революционный социалист, а «самый обыкновенный радикал и спокойный исследователь»; наконец, даже «не приверженец исторического материализма», но все это только усугубляет интерес к его книге, поскольку, несмотря на неправильный подход он «совершенно правильно вскрывает сущность экономического империализма».

О Г. Наумове мы поговорим несколько позже, пока же остановимся на «совершенно правильной» теории империализма Вульфа.

Мы заранее извиняемся перед читателем за некоторое обилие выдержек, которые мы будем вынуждены привести из книги этого «беспристрастного» и «спокойного исследователя», но автор настолько занят, что лучше всего заставить его говорить собственными словами.

«История человечества,—пишет Вульф во введении,—в течение по-

следних 2500 лет определялась, главным образом, человеком, его верованиями и желаниями». «Если христианству не удалось создать христианский мир, то это было результатом того, что желания и верования одних людей одержали победу над желаниями и верованиями других». С другой стороны, «феодализм был лишь следствием процессов, происходивших в умах десятков господ и тысяч крепостных» и т. д. и т. п., вплоть до того, что «война была вызвана не кайзером или каким-либо другим «военным преступником», а миллионами мужчин и женщин, которые читали немецкие, французские и английские газеты...».

Философия истории Вульфа, может вызвать у читателя только улыбку. Философия истории при помощи г-на Вульфа поставлена на голову. Г-н Вульф, очевидно, большой шутник! Если крепостник-помещик засекал до смерти своих крепостных, ссылая их в Сибирь, обменивал на борзых собак, то это было, утверждает Вульф, только «следствием процессов, происходивших в «умах» помещика и его крепостного! С меньшей находчивостью нашел он и виновников войны в лице мужчин и женщин «читающих газеты»!

Читатель, конечно, уже предвидит, как такой «легкий в мыслях» «исследователь» будет «правильно вскрывать сущность экономического (I) империализма».

«Три рода верований и убеждений,—продолжает г-н Вульф,—моральные, сентиментальные и стратегические—воздействуют на человеческую мысль и на империалистические идеалы. Они влияли на политику империализма, но они не были основной причиной его появления». «Движущая сила современного империализма—экономического характера и вытекает из экономических убеждений».

Но напрасно стал бы читатель искать объяснения, какие же именно «экономические убеждения» привели к империализму. Всеми своими последующими разъяснениями Вульф старается доказать, что именно экономически-то империализм невыгоден и что по сути дела империализм одно сплошное заблуждение людей, «читающих газеты».

Как известно, империализм связан с борьбой за колонии, как рынки сбыта и сырья, рынки вложения капиталов. Однако, у Вульфа колониальная политика приобретает характер естественного движения и передвижения народов, свойственного всем временам и народам, такого же естественного движения, как морские отливы и приливы.

Впрочем, пусть говорит сам Вульф.

«В настоящее время вся Северная Америка и большая часть Южной—европеизированы; каждый квадратный фут африканского материка, за исключением Абиссинии и Либерии, разделен и подчинен европейскому контролю... «Огромные азиатские территории завоеваны или поделены между европейскими государствами, а все острова Тихого океана являются или владениями или колониями европейских держав», «перед нами мировое движение, которое можно характеризовать, как европеизацию мира».

Почему же происходит эта европеизация, чем объясняется этот раздел мира?

Легко и непринужденно повествует об этом г-н Вульф: «Это старое явление человеческой истории. На земной поверхности всегда двигались подобно приливам и отливам, племена, расы и народы; колонизация Америки, Южной Африки и Австралии представляет из себя новейший пример такого движения».

И все.

Но позвольте, скажет читатель, ведь сам г-н Вульф несколько раньше, но выставлял все-таки положение, что империализм—результат «экономических убеждений», каким же образом это «убеждение» согласуется с «законом» «приливов и отливов»?

Ах, как вы наивны, читатель!

Ведь, г-н Вульф обясняет, что, например, «чувство и сентиментальность всегда играли известную роль в империализме». Наконец, «нередко первой стадией захвата той или другой территории является авантюра романтического искателя приключений или сентиментального солдата». Нельзя же забывать, что «моральные идеи (вроде «сентиментального престижа», «оскорбления, нанесенного знамени», как об этом говорит дальше автор) до некоторой степени проникли в доктрину и политику империализма».

Правда, все это говорит скорее за то, что г-н Вульф сторонник не «экономического», как он себя рекомендует, империализма, а «сентиментально-морального», но ведь и сам он доказывает, что экономические «убеждения», коими и был вызван, например, империализм, могут быть ошибочны, хотя бы и разделялись «уважаемым и влиятельным г-ном Чемберленом»...

Идея империалистов, насчет великого значения африканских колониальных владений,—пишет г-н Вульф,—как источника богатства, является сплошной иллюзией. Экономическая ложь империализма нигде не обнаруживается с большей ясностью, чем в империалистических доктринах насчет важного значения имперских владений, как источников сырья для промышленности». «Если бы англичане, французы и немцы были действительно разумно рассуждающими людьми,—каковыми они себя считают без всяких на то оснований,—то они увидели бы, что экономический империализм, проводимый в Африке государствами, принес им много зла и очень мало добра». «Европейским государствам азиатские и африканские владения приносили не выгоды, а убытки».

Естественным был бы, конечно, вопрос: откуда же взялось «экономическое убеждение» «в необходимости экономического империализма», если экономически это не только не выгодно, а убыточно?

И на это у хитрого Вульфа есть один ответ: виноваты «мужчины и женщины, которые читали немецкие, французские и английские газеты и верили в то, во что эти газеты рекомендовали им верить, и желали того, что эти газеты, рекомендовали им желать».

Но чем же объяснить странное поведение этих газет, рекомендующих своим читателям «экономический империализм»? Прямо на этот вопрос г-н Вульф не отвечает, но дает в руки читателю в некотором роде путеводную нить, которая, по мысли автора, должна дать ответ и на этот вопрос.

«Политика государств диктуется правительствами, а правительства составляются из государственных людей и политиков», а эти государственные мужи «единогласно утверждали, что главные мотивы их политики были экономические».

Но позвольте, ведь империализм, уверял нас г-н Вульф,—экономически не выгодно, как же эти «уважаемые и влиятельные» идеологи и вдохновители империализма вовлекали представляемые ими страны в такие экономически невыгодные предприятия, как захват колоний и т. п.?

Ответ и на этот вопрос г-н Вульф не дает, но уже по изложению выше, мы можем догадаться, что и здесь виноваты газеты, которые читают г.г. политики, и что их заблуждения и их ошибки надо отнести за счет все тех же газет, распространяющих вредные и ошибоч-

ные мысли, по части выгодности пресловутого «экономического империализма».

Ничего большего рекомендуемый Г. Наумовым «исследователь» Вульф, «правильно вскрывающий сущность экономического империализма» не дает, да и при своем «сентиментально-морально-авантюризм» подходе к исследованию экономических явлений дать не может. И неизвестно, к чему прилежный ярлычек «экономический», г-ну Вульфу в объяснении империализма не помог и сущность империализма г-н Вульф так и не понял.

Г-н Вульф находит, однако, что нельзя уж совсем бесповоротно осуждать империализм. Нельзя, конечно, отрицать, что у империализма были свои нехорошие черты, что, например, «раздел Африки оказал самое пагубное влияние на европейские международные отношения в период 1880—1914 г.г.».

Но «спокойный исследователь, который ищет величия своей родины, и лишь хочет соблюсти в международных отношениях мораль и справедливость», должен быть справедлив и в оценке благотворительной роли империализма.

«Европейское владычество,—пишет г-н Вульф,—обычно приносило с собой такой род законности и порядка, который не существовал раньше в Африке». И автор добросовестно расшифровывает, какие же «законность и порядок» принесли с собой европейские цивилизаторы. «Главные характерные черты европейской экономической системы это, во-первых, частная собственность на землю, или орудия производства и, во-вторых, разделение населения на экономические классы, т.е. на классы землевладельцев, собственников капитала и лиц, не имеющих ни земли, ни капитала и работающих за заработную плату».

Едва ли после этого, после ограбления туземного населения и превращения его в рабов, можно отвергать историческую христианскую миссию европейцев, ее цивилизаторскую роль. После этого становится совершенно понятным утверждение г-на Вульфа, что «если христианству не удалось создать христианский мир», то этому помешали грубые и дикие туземцы колоний, противопоставившие «верованиям и желаниям истинных христиан, свои нехристианские верования и желания».

Особенно добродетелен был империализм в Китае. Здесь «был путь скорее сотрудничества, чем эксплуатации: европейцы и их государства могли использовать свои знания и свое могущество, чтобы помочь китайцам приспособиться к политико-экономической системе Европы и затем получить свою справедливую долю в том богатстве, которое могла создать европейская система».

Любезность европейцев не знала границ! До появления европейцев, положение в Китае было таково, что «более честный торговец оказывался в наименее выгодном положении». И вот под руководством Роберта Харта была реорганизована таможенная служба и выделен исполнительный аппарат «из шести англичан, двух американцев, двух французов и одного немца». Предупредительные европейцы, чтобы не утруждать неприятной работой китайцев, не включили в состав исполнительного аппарата ни одного китайца. Не нужно, конечно, и говорить, что европейцы заботились только о Китае, только о благе китайского народа. Сам г-н Вульф свидетельствует об этом: «европейские таможенные чиновники считали своей обязанностью образовывать для китайского правительства такой служебный аппарат, который охранял бы законные интересы и права китайского народа». «В настоящее время никто не будет отрицать, что сотрудничество Востока и Запада в таможенной администрации принесло пользу и Китаю и Европе».

И, конечно, только черной неблагодарностью китайцев можно объяснить их отвращение к урокам, преподаваемым великодушными европейцами, только непониманием своих интересов — ту ненависть и злобу, которую они питают к своим учителям. Как не может понять этот многомиллионный народ, что стэк и расстрелы, применяемые г.г. европейцами, только необходимое условие для превращения Китая в добропорядочное государство, и если ими несколько злоупотребляют, то в интересах и на благо самого же китайского народа.

Мы были бы крайне поражены, если бы этот «ценный» труд г.г. европейцы не перевели на китайский язык и не обязали к преподаванию в школах начального образования.

Однако, европейцы не удержались на «добром» и «хорошем» империализме и задачу просвещения, обучения христианской морали и организации на европейский манер таможенного дела, подменили грубой и хищнической эксплуатацией.

В Африке, «в результате этого создалось такое положение, при котором население могло спастись от голодной смерти только работая для концессионеров на условиях этих последних»; «экономические последствия (хозяйничания европейцев, *Г. Р.*) для Китая оказались до последней степени пагубными». «Результаты политики экономического империализма, проводимого Великобританией и другими империалистическими державами, не внушают нам, — повествует г-н Вульф, — чувства удовлетворения».

Дело совершенно очевидное: в системе империализма надо кое-что изменить, кое-что подправить и пустить в действие в исправленном г-ном Вульфом виде.

«Защитники империализма и капитализма скажут, что, кроме этой системы, никакая другая невозможна». Г-н Вульф с этим не согласен. Он нашел такой капитализм и такую систему империализма, при которой и капиталистам, и рабочим, и колониальным рабам, и их европейским владыкам было бы одинаково хорошо. «Если бы они (защитники империализма, *Г. Р.*) изменили свой взгляд на капитализм и экономический империализм, то система мандатов могла бы начать новую эру во взаимоотношениях между Африкой и Азией, с одной стороны, и европейской цивилизацией с другой». «Державы и народы Европы могут перейти к совершенно противоположной системе, которую они формально и весьма торжественно обязались ввести несколько времени тому назад. Мы имеем в виду договор об образовании Лиги Наций».

Все дело только в «честном» введении начал, на которых построена Лига Наций — и ни в чем ином. Но это, конечно, не означает, что европейские державы могут сложить с себя «ответственность» за судьбу Азии и Африки. «Европейцы должны оказать им помощь», тем более, что, например, «африканцы, вероятно, (!) не в состоянии взять на себя полное управление своими странами», а «китайцы способны управлять сами» только «при условии, если европейцы будут честно оказывать им административную и техническую помощь». И «если бы мандатная система, честно применялась в более прогрессивных странах, вроде Китая и Сирии, не было бы никакой нужды перекладывать над ними мандаты определенному государству».

Вот и все из того, что преподносится нам издательством «Книга» и рекомендуется Г. Наумовым в качестве «вскрытия сущности экономического империализма»!

Едва ли нужно говорить, что в этой апологетике честного капитализма и честного империализма, доброй Лиги Наций и «куражаемого и почтенного» г-на Чемберлена нет ни на йоту ни марксист-

ского анализа, ни элементарной исследовательской добропорядочности, ни грана понимания действительной сущности империализма, ни всего что могло бы оправдать перевод и издание этой балаганной, шутовской работы г-на Вульфа.

Нечего и говорить, что в своем утверждении «невыгодности», «убыточности» колониальных владений, автор показывает не только непонимание того, о чем он с таким апломбом пишет, но и свою безграмотность вообще, незнание элементарнейших явлений современной капиталистической действительности.

Мы позволим себе привести только пару цифр о роли и значении английских колоний в жизни метрополии для того, чтобы просто показать степень недобросовестности автора.

Ввоз и вывоз Соединенного Королевства в 1900 г.

	Иностран. государства.	Британские колонии.
Ввоз	418.434.000 фун. стер.	109.641.000 фун. стер.
Вывоз	196.757.000 " "	94.435.000 " "

Доля главных стран во внешней торговле Индии (в %/о).

	Довоен. средн.	Средн. во время войны.	1921—1922.
		В в о з.	
Британская империя . .	69,7	65,4	66,6.
Иностран. государства .	80,3	34,6	33,4

Эти цифры, надеемся, будут служить показателем знания г-ном Вульфом предмета, о котором он столь пространно пишет в своем «исследовании», рекомендуемом Г. Наумовым.

Едва ли на наш книжный рынок выбрасывалось что-либо более омерзительное и не только чуждое, но явно враждебное нам в оценке и анализе (если это можно назвать анализом) империализма.

Но едва ли не более возмутительно предисловие-статья Г. Наумова «От империализма к сверхимпериализму».

С г-на Вульфа, так сказать, «взятки гладки». Самый обыкновенный и рядовой, несколько пацифистски настроенный буржуа, испуганный войной и еще более обеспокоенный разгорающимся революционным движением в колониальных странах, он хочет только одного: честного мира и спокойствия, которые гарантировали бы ему приятный послеобеденный сон и ничем не нарушаемое получение дивиденда.

С беспокойством следит он за тем, что война не принесла желанного мира и спокойствия и после долгих поисков находит причину в «дурном» империализме европейских держав, «не честно» проводящих принципы Лиги Наций. Он не видит, он не понимает, что дело не в параграфах Устава Лиги Наций, а в самом существе капитализма, что дело не в насилиях, чинимых отдельными капиталистами в колониальных владениях, а во всей капиталистической системе в целом, порождающей на определенной ступени развития империализм и что единственный выход, единственное разрешение этих кричащих противоречий, которые теперь видны даже ему — буржуа — в окончательной замене старой, уже изжившей себя системы — новой, построенной на совершенно иных началах, на началах, при которых он «мирный» «добрый» буржуа, уже не будет получать своих процентов.

Этот выход — революция, но этого выхода буржуа, конечно, принять не может и ищет разрешения своих сомнений в «честном» испол-

няемых параграфах Лиги Наций, не понимая даже того, что сама Лига Наций только ширма для обдывания грязных дел империалистов.

Повторяем, от г-на Вульфа ничего другого и требовать нельзя, но совсем иного отношения мы можем и должны требовать от Г. Наумова, претендующего на имя марксиста и употребляющего такие страшные слова как «интернационал» и даже «революция»!

Мы не будем вдаваться в подробную критику теории сверхимпериализма, отличительные формы которой Г. Наумов находит в «мировом масштабе», как будто империализм довоенный не носил мирового характера, и старой меньшевистско-гильфердинговской формулы «экономической кооперации», в лице Лиги Наций, крупнейших империалистических держав-победительниц, давно уже получившей должную оценку со стороны революционных марксистов.

Г. Наумов не согласен с г-ном Вульфом, он даже критикует его, но послушайте только, читатель, что это за критика и что противопоставляет Г. Наумов Вульфу.

«Вульф,—пишет Г. Наумов,—недостаточно (!) ясно сознает, что идеальное применение системы мандатов, как и политика, основанная на отказе от эксплуатации колониальных народов, возможны только при условии радикального разрыва с идеями (!) империализма. Лига Наций должна при этом перестать быть орудием империализма и превратиться в братский союз равноправных народов, в мировые соединенные штаты братских республик. А это означает отречение Лиги от себя самой, иначе полный революционный переворот в... современных международных отношениях».

И, наконец, как заключительный аккорд.

«Возможен ли такой переворот, возможна ли ликвидация империалистической системы при сохранении общих основ капитализма?»

«Это старый спор в социалистической (!) среде, которого мы здесь касаться не будем (!!!). Одно только несомненно для всех: борьба против мирового сверхимпериализма может идти только по линии укрепления рабочего Интернационала».

Со своей стороны мы можем также утверждать, что «одно несомненно»,—эта цитата может принадлежать только и исключительно меньшевику.

В этой цитате меньшевизм выдержан в кристально-чистой виде и совершенно недвусмысленной форме.

Ложь, что среди марксистов идет «старый спор» о возможности ликвидации империализма на капиталистической основе. Здесь среди марксистов спора нет. Спор идет между марксистами и теми, кто изменил марксизму, кто изменил революции и перешел на службу г.г. капиталистам—меньшевиками, Каутскими, Вандервельде, Тома и всем, иже с ними.

Ложь, что отказ от «эксплуатации колониальных народов» возможен при условии разрыва с идеями империализма. Идея империализма—это идея современного капитализма, и ее разрыв с идеями, а разрыв, борьба и победа над самой капиталистической системой может избавить от эксплуатации колониальные народы. Это основное, непременимое и единственное условие избавления от эксплуатации, и всякая попытка затуманить, замазать этот факт, свести его к борьбе с идеями—есть измена и предательство революции и рабочего дела.

Ложь, что Лига Наций может превратиться в «братский союз равноправных народов, в мировые соединенные штаты братских рес-

публики» при перевороте «в современных международных (!) отношениях». До тех пор, пока капиталистический способ производства является господствующим способом производства, пока средства производства, государственный аппарат и армия будут находиться в руках капиталистов, Лига Наций останется союзом грабителей и разбойников с большой дороги, и всякие разговоры о «братском союзе»—гнусный обман ренегатов и изменников революции, иезных лакеев буржуазии и капиталистов.

Не революционный переворот в «международных отношениях», а социальная, пролетарская, коммунистическая революция—вот единственный путь к подлинному, истинному братскому союзу народов,—и чистой-шей воды меньшевизмом являются измышления г-на Г. Наумова.

Ложь, что борьба против империализма «может идти только по линии укрепления рабочего Интернационала». Укрепление Интернационала—только средство для завоевания политической власти пролетариата, ибо только революция, только захват власти пролетариатом избавит мир от капитализма и империализма, и задача Интернационала помочь пролетариату в деле завоевания политической власти.

Попытка свести борьбу с империализмом только к укреплению Интернационала—это попытка отвлечь пролетариат от непосредственных, стоящих перед ним боевых задач перед революцией, захватом власти, попытка отсрочить гибель империализма и связанную с нею гибель его апостолов и защитников.

Мы уже не останавливаемся на «странной» терминологии г-на Г. Наумова с его «рабочим» Интернационалом. В связи с общим контекстом всей статьи г-на Наумова мы этот маневр можем рассматривать только, как иезжелание выдать себя с головой, порекомендовав пролетариату в борьбе с империализмом пойти по линии «укрепления Второго Интернационала».

Нельзя не признаться, что подобного рода литературные упражнения мы встречаем впервые.

Н. Розенталь.

Письма в редакцию.

О ТРЮКАХ ТОВ. КАРПИНСКОГО,
или как не надо писать рецензий.

Товарищ Карпинский в № 11—12 «Большевика» поставил себе задачей обвинить Агитпроп ЦК РКП в издании «плохенькой энциклопедии» для деревни. В конце рецензии «энциклопедия» уже превращается в «комментарии к решениям партийных съездов и конференций», которые следует издавать «не перед новым съездом».

Таковыми определениями сборника статей «Агитация и пропаганда в деревне» преднамеренно искажается в представлении читателя, не знакомого с рецензируемым сборником, его характер. Стоит только перечислить оглавление статей сборника, чтобы установить, что это не энциклопедия и не комментарии к решениям съездов. Вот полное оглавление: 1) задачи партии в деревне и агитационно-пропагандистская работа; 2) агитпропработы в плане работ волкомоз и деревенских ячеек; 3) общие собрания деревенских ячеек; 4) политшкола-передвижка; 5) самообразование деревенских коммунистов; 6) работа среди женщин в деревне; 7) политпросветработы деревенской ячейки РЛКСМ; 8) пионеротряд в деревне; 9) постановка и методы агитационной работы; 10) как подготовить деревенского агитатора; 11) сельские советы; 12) коопера-

ция; 13) общества крестьянской взаимопомощи; 14) народное просвещение в деревне; 15) учитель и его общественная работа в деревне; 16) волостной политико-просветительный комитет; 17) изба-читальня; 18) ликвидация неграмотности и малограмотности в деревне; 19) санитарное просвещение в деревне; 20) как работать с газетой в деревне; 21) милиционная система и работа в терчастях; 22) агро-и лесо-пропаганда в деревне; 23) антирелигиозная пропаганда в деревне; 24) как использовать шефа в деревне; 25) что читать о Ленине и ленинизме деревенскому коммунисту.

Как-будто ясно, что не только по заглавному листу и предисловию, но и по самому характеру сборника это пособие для деревенского агитпропорганизатора и избача. Составлялось оно и проверялось совместно со многими местными работниками.

Дата издания сборника указана, Февраль месяц. Почему тов. Карпинский убеждает читателей «Большевика», что сборник издан «перед новым партийным съездом»? Как-будто для рецензента обязательно читать, если не всю книгу, то хотя бы предисловие так же, как и оглавление...

Нашему рецензенту хочется обвинить нас и в политической малограмотности.

Для этого применяется ряд трюков.

Трюк первый. До сих пор мы не знали, что запятая, поставленная между двумя придаточными предложениями, заменяет слово «значит». Осмеливаемся и впредь думать, что это не так. Судите сами. В статье написано, что коммунизм «мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма». Тов. Карпинский эту фразу «излагает» следующим образом: «Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма». Почему—«значит»? Почему же тов. Карпинский запнулся о запятую, уверяя, что данная запятая не простая запятая, а слово «значит»? Это можно объяснить лишь чрезмерным желанием тов. Карпинского доказать, что в Агитпропе ЦК РКП(б) работники не понимают Ленина и путаются в азбучных истинах, известная слушателю сокращенной школы политграмоты. Для этого изобретено таинственное превращение запятой в «значит». Нескладно получается: несоответствие с процитированным самим тов. Карпинским местом из Ленина явное. Ну, что ж? Зачем смущаться? Ведь можно еще раз выругать за якобы непонимание автором статьи цитируемых им же мест из Ленина.

Трюк второй: По вопросу о растущей роли агитации и пропаганды в настоящую полосу работы нашей партии в деревне. Для нас это бесспорно. Партийная конференция постановила мобилизовать не менее 3.000 не просто работников, а пропагандистов для деревни. Чрезвычайно большое внимание к вопросам агитации и пропаганды в деревне уделил Октябрьский пленум ЦК. Никогда еще партия так широко не ставила партийно-воспитательной работы в деревне, как это решено авторитетными органами партия сделать в предстоящем учебном году. Тов. Карпинский же досадливо отмахивается—«совсем не в этом дело». По нашему, отмахнуться от важнейших решений партии не годится.

В изложении тов. Карпинского связь агитации и пропаганды с организацией действительно околесица. Но здесь применен старый, уже надоевший трюк поверхностных рецензентов: выдернуть из разных мест несколько фраз вне всякой связи со всем изложением и объявить, что это околесица, чепуха и т. д. и т. д.

Восстановим первоначальный текст:

«Не смеет командовать крестьянином»,—так определил уже несколько лет тому назад тов. Ленин тактическую линию партии по отношению к крестьянству.

Администрирование и приказ окончательно должны уступить место организации.

Рост политической активности крестьянина—верный признак, что и само крестьянство понимает значение и необходимость организации. Скоро «организация станет всеобщим лозунгом деревни». (Зинovieв).

«Наша партия должна быть во главе организации. Всякая другая политическая сила, кроме РКП, разумеется, попытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т. е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятным интересам крестьянской массы» (Зинovieв).

Стать общественно-политическим центром всей деревенской жизни—эта задача стоит во весь рост перед каждой деревенской ячейкой партии.

Это невозможно, как невозможна всякая организация вообще, без правильно поставленной агитации и пропаганды. Уметь крестьянина убедить, уметь крестьянину объяснить, почему точка зрения коммунистов правильная, и что она совпадает с интересами крестьянина-бедняка и середняка—без этого нельзя организовать крестьянство под руководством партии.

Пропагандист и агитатор должны знать деревенскую жизнь, знать точку зрения партии по основным вопросам, касающимся крестьянства, уметь эту точку зрения защищать и отстаивать перед крестьянством.

Лишь те пропагандисты и агитаторы, которые могут дать ответ на животрепещущие вопросы, которыми живет деревня, могут быть, по Ленину, руководителями крестьянства.

Эта задача, сейчас более сложная и трудная, чем в прежние годы, требует значительного напряжения сил наших деревенских парторганизаций и большей помощи им со стороны городских организаций.

Из этого текста тов. Карпинский выдернул ряд отрывков фраз, необходимых ему для вящего посрамления рецензируемой книги, и от своей же проделки пришел в ужас, объявляя: «Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет». Не вывихнет, если тов. Карпинский не будет заниматься передергиванием.

Трюк третий. Тов. Карпинский пишет, что «существенно важно выяснить, что в каждый период агитпропаганда должна ставить особые цели и стремиться к ним особыми методами». Правильно. Трюк заключается в фигуре умолчания. Умолчал тов. Карпинский о том, что именно этому посвящено больше половины вводной статьи. Ломится человек в открытые двери и кричит: «Не понимаете, что двери нужно открывать!»

Трюк четвертый. Трюк намеков. «Место, откуда взяты цитаты, не указано», второй раз «без указания источника» пишет тов. Карпинский. Создается впечатление, как будто кто-то забыл указать, что приведенные мысли—цитаты из Ленина. А на самом деле после каждой цитаты указано, кому она принадлежит. Правда, не указана страница и том сочинений Ленина, откуда цитата взята. Карпинский забывает, что книжка составлялась для деревни и читателя, не имеющего под рукой полного собрания сочинений Ленина. Поэтому, писать о нарушении

ция; 13) общества крестьянской взаимопомощи; 14) народное просвещение в деревне; 15) учитель и его общественная работа в деревне; 16) волостной политико-просветительный комитет; 17) изба-читальня; 18) ликвидация неграмотности и малограмотности в деревне; 19) санитарное просвещение в деревне; 20) как разбавить газетой в деревне; 21) милиционная система и работа в терчастях; 22) агро-и лесо-пропаганда в деревне; 23) антирелигиозная пропаганда в деревне; 24) как использовать шефа в деревне; 25) что читать о Ленине и ленинизме деревенскому коммунисту.

Как-будто ясно, что не только по заглавному листу и предисловию, но и по самому характеру сборника это пособие для деревенского агитпропагандиста и избача. Составлялось оно и проверялось совместно со многими местными работниками.

Дата издания сборника указана, Февраль месяц. Почему тов. Карпинский убеждает читателей «Большевика», что сборник издан «перед новым партийным съездом»? Как-будто для рецензента обязательно читать, если не всю книгу, то хотя бы предисловие так же, как и оглавление...

Нашему рецензенту хочется обвинить нас и в политической малограмотности.

Для этого применяется ряд трюков.

Трюк первый. До сих пор мы не знали, что запятая, поставленная между двумя придаточными предложениями, заменяет слово «значит». Осмеливаемся и впредь думать, что это не так. Судите сами. В статье написано, что коммунизм «мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма». Тов. Карпинский эту фразу «излагает» следующим образом: «Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма». Почему—«значит»? Почему же тов. Карпинский запнулся о запятую, уверяя, что данная запятая не простая запятая, а слово «значит»? Это можно объяснить лишь чрезмерным желанием тов. Карпинского доказать, что в Агитпропе ЦК РКП(б) работники не понимают Ленина и путаются в азбучных истинах, известных слушателю сокращенной школы политграмоты. Для этого изобретено таинственное превращение запятой в «значит». Нескладно получается: несоответствие с процитированным самим тов. Карпинским местом из Ленина явное. Ну, что ж? Зачем смущаться? Ведь можно еще раз выругать за якобы непонимание автором статьи цитируемых им же мест из Ленина.

Трюк второй: По вопросу о растущей роли агитации и пропаганды в настоящую полосу работы нашей партии в деревне. Для нас это бесспорно. Партийная конференция постановила мобилизовать не менее 3.000 не просто работников, а пропагандистов для деревни. Чрезвычайно большое внимание к вопросам агитации и пропаганды в деревне уделил Октябрьский пленум ЦК. Никогда еще партия так широко не ставила партийно-воспитательной работы в деревне, как это решено авторитетными органами партии сделать в предстоящем учебном году. Тов. Карпинский же досадливо отмахивается—«совсем не в этом дело». По нашему, отмахнуться от важнейших решений партии не годится.

В изложении тов. Карпинского связь агитации и пропаганды с организацией действительно околесица. Но здесь применен старый, уже надоевший трюк поверхностных рецензентов: выдернуть из разных мест несколько фраз вне всякой связи со всем изложением и объявить, что это околесица, чепуха и т. д. и т. д.

Восстановим первоначальный текст:

«Не смеет командовать крестьянином»,—так определил уже несколько лет тому назад тов. Ленин тактическую линию партии по отношению к крестьянству.

Администрирование и приказ окончательно должны уступить место организации.

Рост политической активности крестьянина—верный признак, что и само крестьянство понимает значение и необходимость организации. Скоро «организация станет всеобщим лозунгом деревни». (Зиновьев).

«Наша партия должна быть во главе организации. Всякая другая политическая сила, кроме РКП, разумеется, пытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т. е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятым интересам крестьянской массы» (Зиновьев).

Стать общественно-политическим центром всей деревенской жизни—эта задача стоит во весь рост перед каждой деревенской ячейкой партии.

Это невозможно, как невозможно всякая организация вообще, без правильно поставленной агитации и пропаганды. Уметь крестьянина убедить, уметь крестьянину объяснить, почему точка зрения коммунистов правильная, и что она совпадает с интересами крестьянина-бедняка и середняка—без этого нельзя организовать крестьянство под руководством партии.

Пропагандист и агитатор должны знать деревенскую жизнь, знать точку зрения партии по основным вопросам, касающимся крестьянства, уметь эту точку зрения защищать и отстаивать перед крестьянством.

Лишь те пропагандисты и агитаторы, которые могут дать ответ на животрепещущие вопросы, которыми живет деревня, могут быть, по Ленину, руководителями крестьянства.

Эта задача, сейчас более сложная и трудная, чем в прежние годы, требует значительного напряжения сил наших деревенских парторганизаций и большей помощи им со стороны городских организаций.

Из этого текста тов. Карпинский выдернул ряд отрывков фраз, необходимых ему для вящего посрамления рецензируемой книги, и от своей же проделки пришел в ужас, объявляя: «Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет». Не вывихнет, если тов. Карпинский не будет заниматься передергиванием.

Трюк третий. Тов. Карпинский пишет, что «существенно важно выяснить, что в каждый период агитпропаганда должна ставить особые цели и стремиться к ним особыми методами». Правильно. Трюк заключается в фигуре умолчания. Умолчал тов. Карпинский о том, что именно этому посвящено больше половины вводной статьи. Ломится человек в открытые двери и кричит: «Не понимаете, что двери нужно открывать!»

Трюк четвертый. Трюк намеков. «Место, откуда взяты цитаты, не указано», второй раз «без указания источника» пишет тов. Карпинский. Создается впечатление, как будто кто-то забыл указать, что приведенные мысли—цитаты из Ленина. А на самом деле после каждой цитаты указано, кому она принадлежит. Правда, не указана страница и том сочинений Ленина, откуда цитата взята. Карпинский забывает, что книжка составлялась для деревни и читателя, не имеющего под рукой полного собрания сочинений Ленина. Поэтому, писать о нарушении

«элементарной вежливости по отношению к читателю», значит писать гиперболами.

Трюк пятый. Трюк высокомерного невнимания. Карпинский пишет, что в вводной статье брошена мысль о необходимости использовать для агитации и пропаганды наличные силы из беспартийного крестьянства и деревенской интеллигенции, но не разработан вопрос, как использовать. Если тов. Карпинский потрудился бы прочесть всю рецензируемую им книгу, то разработку этого вопроса он нашел бы в ряде других статей. Об использовании учителя он нашел бы и специальную статью «Учитель и общественная работа в деревне».

Трюк шестой. Карпинский выдернул две фразы из статьи «Кооперация» и вдался в философию о пагубности протаскивания мелкобуржуазной точки зрения в партийной печати. С гораздо большим правом я мог бы выдернуть из рецензии тов. Карпинского хотя бы такую фразу: «пролетариат кооперация вовсе (?) не интересует, как средство улучшения положения мелких собственников, но весьма интересует, как средство социализации сельского хозяйства» и заявить, что Карпинский и теперь, после XIV партконференции не выясняет себе задач пролетариата по отношению к крестьянству в конкретной обстановке 1925 года.

Трюк седьмой. Опять фигура умолчания. «О привлечении в новые крестомы также середняков...» ни слова», убеждает Карпинский. А в статье о кресткомах написано черным по белому: «имея основной своей задачей помощь бедняцко-середняцким слоям деревни».

Еще два обвинения нам со стороны тов. Карпинского:

1) В статье «Как использовать шефа» автор статьи выступил против материальной помощи со стороны шефа, пишет тов. Карпинский. Так ли это? Приведем из той же статьи несколько строк о том, в чем практически может выразиться помощь шефа в работе.

«Возьмем, для примера, внутрипартийное просвещение: при организации школы по программе школы-передвижки шеф может дать руководителю школы, при помощи шефа может быть проведено лучшее снабжение школы литературой и пособиями. Такую же помощь шеф может оказать и при организации комсомольского кружка».

С помощью шефа необходимо наладить выпуск газет и журналов, при чем от использования средств шефа нужно переходить к выпуску газет самими крестьянами. Пользуясь силами шефа, можно лучше наладить массовую политическую работу в крестьянстве: хорошо поставить проведение больших политических кампаний, беспартийных конференций и т. д. Большую помощь шеф может оказать в постановке работы в избирательные: при его помощи местные работники смогут развернуть гораздо лучше и шире работу кружков и уголков: сельско-хозяйственного кружка, уголка Ленина, стенной газеты, кружка селькоров и т. д. Шеф может дать совет и продвинуть дело в приобретении кино-передвижки, волшебного фонаря, граммофона и т. д.

Шеф ведет работу по укреплению местных партийных, комсомольских и советских организаций. Своими советами, часто своей инициативой и личным участием, он помогает организовать новые общественные организации: новые ячейки Комсомола, новые пионерские отряды, ячейки таких добровольных обществ, как например, «Долой Неграмотность» и т. д.

Особенно внимание должно быть обращено шефом на организационно-хозяйственную помощь деревне, т. е.: на тот круг вопросов, которые ближе всего интересуют крестьянина, затрагивают

его интересы. Здесь шеф должен сосредоточить свою работу вокруг крестомов, кооперативов, артелей, кредитных товариществ и т. д., добиваясь вовлечения возможно большего количества бедноты и середняков в крестомы и в кооперацию, всячески помогая правильно поставить их работу и т. д. (подчеркнуто везде мною. А. А.).

Согласен, что формулировки не исчерпывающие. Но это далеко не то, о чем пишет Карпинский: «Если бы шефы последовали этому совету, то они должны были бы начисто прекратить всякую работу: без материальных затрат невозможно никакая помощь деревне». При этом необходимо помнить, что заглавие и содержание статьи о том, как необходимо использовать шефов, а не о том, что должны делать шефы. Рекомендовать же деревенским организациям начинать использование шефов с требования материальной помощи от шефа было бы нецелесообразно.

2) В книге мы рекомендовали считать опорными пунктами агропропаганды главным образом вкп, аргоучастки, избы-читальни, с.-хоз. кружки при них. Это правильно. Колхозы и совхозы, при их теперешнем состоянии, к сожалению, еще не являются рычагами массовой агропропаганды. Конечно, имеются исключения. Там, где колхозы, совхозы образцово поставлены, необходимо их использовать в качестве рычагов агропропаганды.

Конечно, сборник имеет свои недочеты и ошибки. Об этом заявлено и в предисловии сборника. Рады мы каждому деловому указанию. Но, к сожалению, таковых чрезвычайно мало в весьма обширной рецензии Карпинского.

Против критических приемов тов. Карпинского нужно бороться. Переделки, жонглирование недопустимы в серьезной статье.

После всей рецензии тов. Карпинского совершенно непонятен его же вывод, что «некоторую пользу сборник все же может принести». Отзывы с мест подтверждают, что некоторую пользу сборник действительно принес. В этом оправдание его издания.

Теперь после апрельского пленума ЦК и XIV партийной конференции, после учета зимнего и весеннего опыта работы нашей партии в деревне, разумеется, сборник кое в чем устарел и нуждается в серьезной переработке.

А. Аболин.

О КРЮЧКОТВОРСТВЕ ТОВ. АБОЛИНА.

Читатель, вероятно, помнит басню Крылова об обезьяне, которая, вопреки общему мнению, упорно утверждала, что ее дитяще краше всех на свете. Не знаю, имел ли баснописец в виду некоторых авторов, которые упорно не желают видеть недостатков своих литературных произведений. Но что такие авторы (и редакторы) существуют в настоящее время, тому порукой вышепечатанный ответ на мою рецензию. Живая бабушка Крылов на сто лет позднее, наверное, героиня его басни занимала бы какое-нибудь «ответственное положение» и кричала бы о «испровержении основ» по поводу малейшего критического отношения к ее дитящу.

Подумать только: я «поставил себе задачей обвинить агитпроп ЦК РКП» (I), я досадливо отмахиваюсь от постановлений октябрьского пленума ЦК (II), я знать не хочу решений партийной конференции (III). В МКК этого злонамеренного рецензента! В ЦКК эту редакцию «Большевика», напечатавшую столь злопыхательную статейку!

А по какому, собственно, случаю шум? Некоторые сотрудники агитпропа разрешили от бремени литературным недоумком, в защиту которого, при всем старании, нельзя сказать ничего, кроме сердитых фраз и кроме публичного признания, что родители и сами еще в муках творчества чувствовали, что ребенок-то выйдет неказист...

Положительно, почтенный редактор сборника, кроме литературной импотенции, страдает еще явным отсутствием чувства смешного. Однако, это вовсе не обязывает нас предполагать отсутствие того же чувства у читателей «Большевика». Поэтому мы совершенно спокойно пройдем мимо истерических выпадов Аболина с его выдуманными «трюками». Мы займемся по существу лишь двумя-тремя вопросами, которые моя рецензия ставит и от которых Аболин хочет увилинуть.

Первый вопрос: нужны ли подобные сборники (хотя бы и более удачные)? Я выразил в этом самое сильное сомнение. Такие сборники неизбежно будут представлять собою малополезную окрошку из запоздалых ¹⁾ комментариев к решениям съездов, из потерявших ценность статей по текущим вопросам, из плохо разработанных популяризаций общих задач агитпропаганды и организации в деревне и из случайной библиографии. Между тем для каждой из этих задач у нас есть достаточное число специальных изданий. Против этих доводов т. Аболин находит только такое возражение: «Квк-будто ясно, что... это—пособие для деревенского агитпропагандистов и избача». Да, это—пособие, конечно. Но очень плохое пособие, т. Аболин, и по необходимости плохое,—вот чего вы не хотите понять. В ваших 24 статьях на 115 страничках затронуты сотни вопросов, сказано обо всем понемножку, кое-как, и ни о чем толком, как следует. Надо отбросить, как ложную, самую идею дать деревенскому работнику «универсальное» руководство по всем вопросам. Это значит было только поощрять бесполое верхоглядство, всезнатьство. Работа в деревне давно уже требует специализации и уже создает специалистов. Пора посерьезному отнестись к каждой области деревенской работы и дать по каждой из них хорошее, написанное лучшими знатоками руководство.

Второй вопрос: о коммунизме и кооперации. Впрочем, сначала... о запятой, за которую Аболин хватается, как утопающий за соломинку. В сборнике приведена (и у меня в рецензии повторена) цитата из Ленина, где он говорит о коммунизме, о «переходе от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству», о том, что «ускорить такой переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю сельскохозяйственную технику, преобразовать ее в корне». Непосредственно за этой цитатой в сборнике напечатана курсивом такая аболинская отсебятина: «Итак, наша цель—коммунизм. Но этой цели мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма» (стр. 5). В своем возражении т. Аболин благополучно выпускает первую фразу со словом «итак» и привязывается к запятой во второй фразе. Чтобы разобраться, мы вынуждены сделать маленькую экскурсию в область грамматики. Как известно, придаточное предложение, сокращенное через деэпричастие и отделенное от главного запятой, может быть понимаемо в чисто-временной, случайной связи с главным предложением или же в более глубокой,

¹⁾ XIII съезд партии был в мае 1924 г., предисловие к сборнику подписано 17 февраля 1925 г., вышел из печати сборник еще позднее, а попал к читателю как раз через... год после съезда.

внутренней связи. Пример первой связи: «глубокомысленно ковыряя в носу, редактор просматривает рукопись». Пример второй связи: «страдающий ложным самолюбием, автор упорствует в своих заблуждениях». В какой же связи следует понимать аболинские три предложения: главное—«мы идем к коммунизму», придаточное первое—«мы помогаем крестьянину укрепить его хозяйство», придаточное второе—«мы создаем материальную базу для коммунизма»? Согласитесь, что это, но меньшей мере, совершенно неясно, и так популяризовать идеи Ленина для деревни ни в коем случае недопустимо. Аболин своим возражением хочет, повидимому, сказать, что между его предложениями нет никакой внутренней связи (с чем его в таком случае и поздравляем). Но ведь критикуемая фраза не стоит особняком, она представляет прямое заключение или пересказ только что приведенной цитаты из Ленина, а в этой цитате Ленин ставит в прямую связь путь к коммунизму с помощью крестьянину. Только Ленин-то говорит о такой помощи крестьянину, которая в корне преобразовывает сельскохозяйственную технику и способствует переходу от единичного мелкого хозяйства к крупному общественному (что и разрешает диалектически противоречие между помощью частно-собственническому хозяйству и путем к коммунизму). Аболин же бухает в одну кучу путь к коммунизму, помощь укреплению частного хозяйства и создание базы для коммунизма, запутывая тем самым один из сложнейших и важнейших вопросов современности. Нет, почтеннейший редактор, соломинка, то бишь запятая, вас здесь не спасет.

Что дело тут не в знаках препинания, а кое в чем посерьезней, показывает нелепая, путаная, вредная статья о кооперации и реплика Аболина на мое замечание о ней. Вот основное положение этой статьи: «Задача партии в деревне сводится к тому, чтобы найти простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства. Кооперация является самым прямым и самым верным путем к разрешению этой задачи» (подчеркнуто автором, стр. 59). Аболин, видимо, хочет сказать, что это просто неудачная фраза, которую «выдернули» из превосходного, должно быть, текста. Это неверно. Та же мысль повторяется в статье, и вся статья состоит лишь из развития все того же положения (доказательства выгоды кооперации для частного мелкого производителя). Лишь в самом конце приводится ничем не связанная с предыдущим изложением и ничем не доказываемая цитатка из Ленина о том, что «простой рост кооперации для нас тождествен с ростом социализма». Я утверждал и утверждаю, что лежащая в основе статьи точка зрения представляет собою точно выраженный мелкобуржуазный взгляд на кооперацию. Ленин рассматривал кооперацию, как наиболее простой, легкий, доступный для крестьянина путь к социализму, а не как средство к укреплению частно-собственнического хозяйства (каковым она является с точки зрения мелкого буржуа). Разница между этими двумя взглядами настолько глубока, что она неизбежно должна сказываться и сказывается во всем отношении к кооперации, во всей кооперативной агитпропаганде, во всех связанных с кооперацией вопросах, вплоть до самых мелких практических. Что же возражает мне Аболин? Он берет из моей рецензии отдельную фразу ставит к ней два грозных знака препинания и обещает доказать, что я не понимаю задач пролетариата по отношению к крестьянству. Ну, что ж, попробуйте, дорогой товарищ, это сделать! Попробуйте развить и защитить изложенную в сборнике точку зрения на кооперацию. Мы посмотрим, что из этого выйдет.

Третий вопрос: об агитпропаганде. В начале специальной главы «Рост значения и роли агитации и пропаганды» автор говорит, что раньше агитпропаганда имела меньше значения, приходилось больше командовать. Дальнейший ход мысли читатель может проследить сам по услужливо «восстановленному» тов. Аболиным «первоначальному тексту». Оказывается, место приказа должна занять организация, которая скоро станет «всеобщим лозунгом деревни». Понистине, шел автор в дверь, а попал в другую. Ведь доказать то нужно было растущее значение агитпропаганды, а не организации! Автор сам чувствует, что попал не туда и пятится назад: организация невозможна без агитпропаганды. А раз так, то (должен за автора умоаключить уже сам читатель), очевидно, с ростом организации должно расти и значение агитпропаганды. Скажите же, читатель, разве я не был прав, назвав такой способ изложения «околесицей» и высказав пожелание, что лучше бы в статье об агитпропаганде объяснить как следует ее особые цели и ее особые методы в данное время (ибо больше всего у нас грешат употреблением старых методов для новых целей в новых условиях)?

Перейдем к существу вопроса: прав ли автор в своих «историко-философских» рассуждениях о сравнительно увеличивающемся значении агитпропаганды? По нашему мнению, неправ. Наоборот, значение агитпропаганды сравнительно уменьшается, если судить по единственному объективному критерию: распределению партийных сил по разным отраслям работы. До октябрьской революции почти все силы партии уходило на агитпропаганду. В период гражданской войны весьма значительная часть партийных сил отвлекается на организационную, административную и военную работу. В настоящий мирный период еще большая часть сил партии отходит на организационное, хозяйственное, культурно-социалистическое строительство. И чем больше будет шириться и углубляться это последнее, тем больше партийных сил оно потребует. Это вполне естественно, неизбежно. Растет сравнительно — и должно расти — значение коммунистического дела (а не слова). Если бы было иначе, если бы был прав аболинский автор, то это значило бы, что мы просто вертим языком, не двигаясь с места.

Возражение тов. Аболина будто я «отмахиваюсь» от решения партии о посылке в деревню 3.000 «не просто работников, а пропагандистов», подсказано ему лишь желанием «уязвить». Неужели же Аболин не понимает, что эта посылка 3.000 означает лишь перераспределение агитпропагандных сил? И неужели надо еще объяснять ему, что сравнительное уменьшение значения агитпропаганды несколько не исключает абсолютного роста агитпропагандных сил и задач партии?

Я не стану утруждать читателя распутыванием других вопросов, запутанных аболинским крючкотворством. Не родился еще такой автор, который был бы доволен отрицательным о нем отзывом критики. И нет, разумеется, в сборнике таких статей, из которых нельзя было бы привести отдельных правильных мыслей. Есть даже статьи, и плохие, и хорошие, против содержания которых я ничего не могу возразить. Этим и объясняется «совершенно непонятный» (для т. Аболина) мой вывод о некоторой пользе сборника. На всех статьях я никак не мог останавливаться, а лишь на важнейших. И, к сожалению, никак я не мог похвалить сборник, который в общем и целом представляет учебническую работу на 2—

В. Нарпинский.

В редакцию поступили для отзыва следующие книги.

«Ленгиз».

1905 год. Литературно-исторический сборник, сост. П. Арский. Ленинград, 1925 г., стр. 218, ц. 1 р., тир. 15.000.

Борьба за партию. Сборник по Ленину, вып. I. Ленинград, 1925 г., стр. 291, ц. 1 р. 30 к., тир. 10.000.

Аржекаев, Е.—Коммунистический строй. Сборник из главнейших произведений классиков марксизма. Ленинград, 1925 г., стр. 314, ц. 1 р. 25 к., тир. 20.000.

Пятый всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, часть II. Ленинград, 1925 г., стр. 308, ц. 2 р. 50 к., тир. 4.000.

Зниоуев, Г.—Ленинизм. Ленинград, 1925 г., стр. 396, ц. 1 р. 20 к., тир. 50.000.

Каменев, Л.—Статьи и речи, т. I. Ленинград, 1925 г., стр. 319, ц. 1 р. 40 к., тир. 15.000.

Талес, К.—Коммуна 1871 года. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к., тир. 15.000.

Анншев, Ан.—Очерки истории гражданской войны 1917—1920 гг. Ленинград, 1925 г., стр. 284, ц. 2 р., тир. 7.000.

Религиозный туман. Сборн. худож. материалов, сост. Глаголева, Н. Ленинград, 1925 г., стр. 253, ц. 1 р. 20 к., тир. 10.000.

«Госиздат».

Хрестоматия для марксистских кружков, совпартшкол, школ для взрослых и для самообразования по общественным наукам. Первая ступень, выпуск I. Москва, 1925 г., стр. 419, ц. 2 р., тир. 30.000.

Ленинский призыв РКП (б). Сборник. Москва, 1925 г., стр. 206, ц. 90 к., тир. 15.000.

Демьян Бедный и др.—Крестьянский корреспондент, его роль, его работа. Москва, 1925 г., стр. 189, ц. 1 р. 25 к., тир. 10.000.

Лозовский, А. Англо-советская конференция профсоюз. союзов. Москва, 1925 г., стр. 109, ц. 50 к., тир. 10.000.

Опечатка.

На стр. 48, в строке 16.

Напечатано:
«Это будут «интер-империалистические»»

Следует:
«Это будут «интер-империалистические» союзы».

Редакция:

В. Астрон,
Н. Бухарин,
А. Каменев,
А. Славнов,
В. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Передовая. — Итоги пленума ЦК партии.	3
Троицкий, А. — Зазорно ли большевику заниматься философией? . . .	7
Резенталь, К. — Об одной умной теории и неумном критике	20
Ломов, Г. — Меншевицские иллюзии и действительность	32
Гольденберг, Э. — Социал-демократические размышления о мировом хозяйстве и мировой политике	39
Сулковский, Ф. — Не «терминологическая», а просто путаница. . . .	51
Архинчеев, И. — На путях культурной революции.	60
Маюйлов, Н. — К вопросу о здоровье партактива.	75

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Милонов, К. — Н. Бухарин. «Международная буржуазия и К. Каутский, ее апостол».	81
Саргин, Н. — А. М. Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. I. . .	83
Ровенталь, К. — Л. С. Вульф. «Экономический империализм в Азии и Африке».	88

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ:

Аболии, А. — О трюках тов. Карпинского.	95
Карпинский, В. — О крючкотворстве тов. Аболиина.	99

№ 19—20

№ 19—20

30 ОКТЯБРЯ

1 7 2 5
И В Е К В А

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“